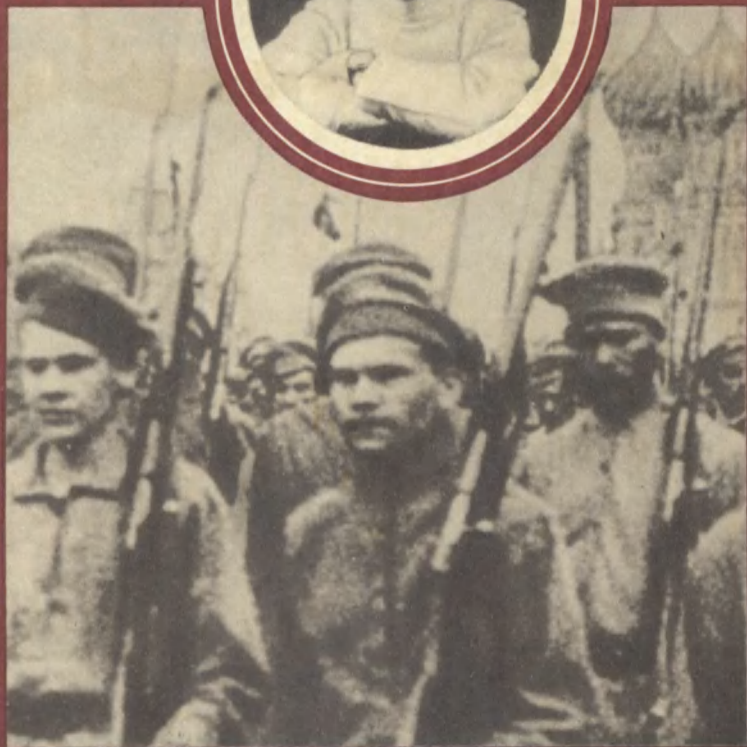

«Верность
революции
и чистота души —
наше оружие»

Екаб ПЕТЕРС

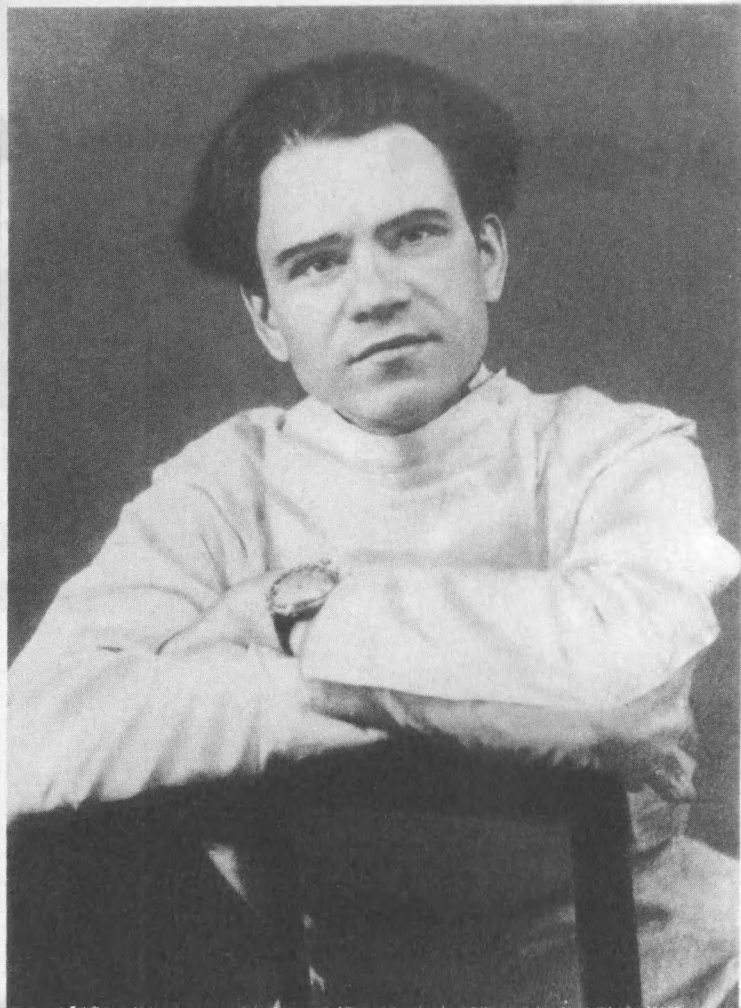
ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ

Валентин
ШТЕЙНБЕРГ

ЕКАБ ПЕТЕРС

ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ

Валентин
ШТЕЙНБЕРГ

ЕКАБ ПЕТЕРС

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

ББК 66.61(2)8
Ш88

Штейнберг В. А.
Ш88 Екаб Петерс.— М.: Политиздат, 1989.— 207 с.:
ил.— (Герои Советской Родины).
ISBN 5—250—00439—3

«Работник крупный и преданнейший» — так охарактеризовал В. И. Ленин Екаба (Якова Христофоровича) Петерса, известного чекиста, который не раз выполнял его сложные задания, участвовал в раскрытии заговора Локкарта, руководил ликвидацией левоэсеровского мятежа в 1918 г., вел следствие по делу эсерки Ф. Каплан. Деятельность Петерса вызывала восхищение у друзей Советской России и ненависть у ее врагов.

О славном сыне латышского народа, коммунисте с 1904 г., неустрашимом революционере, скромном и честном человеке впервые рассказывает В. А. Штейнберг.

Книга рассчитана на широкие читательские круги.

Ш 0503020900—011 195—89
079(02)—89

ББК 66.61(2)8 + 67.99(2)116.2

ISBN 5—250—00439—3

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989

МЯТЕЖНЫЙ ЛОРД

Лондон, как всегда, жил своей сложной, размеренной, очень непривычной для выброшенного из другого мира политического иммигранта жизнью. Когда Екаб Петерс вступил в этот громадный каменный город и стал искать какое-либо пристанище на ночь (по имевшимся у него адресам надо было еще походить), он со своими пустыми карманами мог надеяться на приют лишь в кварталах «соскпеу» (кокни), вместилищах нищеты, или Уайтчепла — части Ист-Энда¹, которая имела печальную славу самого бедного и обездоленного района Лондона, полного одичавших бродячих собак. Не менее реальной была перспектива на ночь глядя оказаться на набережной Темзы. Следуя случайному совету, он отправился на поиски места в ночлежных домах, предполагая, что это нечто вроде дешевых гостиниц.

Екаб подошел к одному из подобных заведений Уайтчепла, пристроился в небольшую очередь у двери. Впереди стоял изможденный человек в изорванном костюме. Привратник, несший службу у входа в ночлежку, спросил бродягу:

— Кровать или нары?

— За три пенса...

— Значит, нары. По лестнице вниз...

Затем служащий уставился на Екаба:

— Вы тоже сюда? Судя по вашему костюму, вы еще можете ночевать на Риджент-стрит². Советую: уходите...

---

¹ Район Лондона, населенный в основном пролетариями.

² Улица в аристократическом квартале Лондона.

Екаб не заставил себя уговаривать, тем самым миновав и трехпенсовую преисподню, куда спускались по грязной и оплеванной лестнице в так называемый «спальный зал», и размещенный над нею подвал, куда собирались «богачи» лондонского дна — обладатели... пяти пенсов.

Большую часть первой ночи в Лондоне он провел на ногах. Зазывно мигали рекламы этого диковинного города чудес цивилизации, причудливо перемешанных с картинками откровенной нищеты и падения нравов. К концу ночи вернулся в Уайтчепл, ибо других мест пока не знал. До рассвета подремал на штабелях леса в доках, куда пробрался незаметно, минуя стражу и подвергая себя опасности быть схваченным полицейскими: власти тщательно заботились о том, чтобы у каждого человека была крыша над головой и чтобы люди не спали на улицах и в парках...

Рано утром он отправился по записанным адресам, нашел своих товарищей — таких же, как и он, революционных изгнанников, раньше приехавших в Лондон и начавших кое-как в нем осваиваться. Екаб привез землякам последние новости из России, в своем большинстве вовсе не утешительные. Развеселил друзей лишь рассказом о том, что с ним приключилось по недоразумению в Германии. Этот эпизод и стал, вероятно, основной причиной того, что еще одного латыша донесло до Лондона.

Эмиграция Екаба началась с Германии, где в Гамбурге он сошел с корабля. Явка была указана у немца-брадобрея. Нашел парикмахерскую, сел на расшатанный стул. К его удивлению, парикмахер не отвечал на повторенный пароль, продолжая брить. Немец сделал свое дело и стал требовать уплаты, прозрачно намекая на полицию. Денег не было, а знакомство с полицейскими при сомнительных документах Екаба меньше всего входило в его планы. В сопровождении парикмахера он бросился в поисках презренного металла в порт. Готов был таскать мешки, выгружать уголь — все, что ни предложат... Но по дороге наткнулись на захудалое, кричащее дешевой рекламой заведение —

тир на рынке. Блестящим стрелком Екаба не считали, были среди его товарищей и настоящие снайперы, которые почти не промахивались. Вот бы им здесь и распорядиться — в тире удачливым предлагались денежные награды. Но рассчитывать приходилось только на себя.

Когда Екаб взял пистолет, рука у него дрожала. Но он собрал волю в кулак, почувствовал себя уверенным, внутренне напрягся как пружина. Чуть успокоившись, стал стрелять — щелкнули выстрелы — раз, два, три! Игрушечные мишени вздрагивали и опрокидывались, а брови хозяина заведения в изумлении поднимались все выше и выше. Бладобрей поспешно взял причитающееся и скоро удалился (считая, вероятно, что от таких стрелков лучше держаться подальше). Екаб рассказывал о своем «гамбургском чуде», и скуластое его лицо озаряла лукавая улыбка, отчего оно становилось добродушнее и симпатичнее.

Позже нашлась и настоящая явка — парикмахерская на другой стороне той же улицы, и Екаб связался с людьми из партийного центра. Ему предложили выбор — остаться в Гамбурге или ехать дальше, в Англию. Петерс без энтузиазма поплелся в порт. В нем кипели обида и горечь: готов к любым заданиям, стреляет что надо (можно и похвалиться), но центр не нашел в этом никакой пользы (революционная Россия теперь нуждалась в другом).

Екаб остался в Лондоне. Никто не мог сказать, как долго эта вынужденная эмиграция будет продолжаться. Ему предстояло запастись терпением: революционеру оно так же необходимо, как хлеб, вода, как воздух. Эмиграция становилась базой, где накапливались революционные силы для дальнейшей борьбы, крепилась воля этих людей, их организаций.

Предстояло влиться в новую жизнь. В Лондоне уже действовали большевистские эмигрантские организации — Екаб вступил в одну из них. Вскоре его избрали членом бюро лондонской группы. Так как в Лондоне осели и многие меньшевики, то рано или поздно начались острые споры

и столкновения: с большевиками их продолжали разделять коренные расхождения по оценкам революции, ее уроков, по стратегии и тактике подготовки к новым сражениям с царизмом, буржуазно-помещичьим строем в России. Произошло дальнейшее размежевание с меньшевиками и в лондонской группе латышей, и в так называемом «Герценовском клубе», где тоже спорили о революции до хрипоты. В противовес меньшевикам, скажет потом Екаб, «мы добились организации бюро объединенных заграничных групп латышской социал-демократии, куда вошли все большевики».

На Шарлот-стрит (здесь и помещался «Герценовский клуб») Екаб впервые увидел Максима Литвинова — невысокого, плотного человека, активного революционера, побывавшего в тюрьмах России, Франции, Германии. Максим жил потаенной жизнью, поговаривали — держал связь с Лениным.

В прежние заботы и споры ворвалась с 1914 года война. В 1915-м Екаба избирают членом бюро Европейской эмигрантской группы Латышской социал-демократической партии. К этому времени у него многое изменилось к лучшему в первоначально не устроенном бытии эмигрантской жизни. Но обстоятельства ему готовили такие испытания, о которых он и не мог предполагать...

Еще до войны, однажды найдя работу гладильщика брюк, он быстро освоил ее нехитрые навыки, хорошо справлялся с делом, которое называл «гнать строчки на джентльменских брюках». Труд был прост (хозяин не тратился на новинки — электрические утюги, предпочитал чугунные, раскаленные углями, и нанимал дешевые руки), но жить было можно. Да и особого выбора политэмигрантам Англия не предоставляла; другим приходилось копать землю, перебиваться случайными заработками или соглашаться быть агентами разоряющихся фирм, зарабатывать хлеб разведением кроликов, кур и т. д.

Работал Екаб рядом с коренными англичанами, а также

ирландцами, которым чаще и представлялась возможность заниматься стиркой белья, задохнуться в удушливом пару подвалов бедного Ист-Энда, пропахших мылом. Появились новые товарищи. Иногда заходил с ними в таверну, где обычно заказывали еду, две пинты пива — кислого, порой отдававшего затхлостью. Подавали там еще и канадский сыр, несколько маринованных луковиц, которые плавали в стеклянной банке с уксусом. Англичане пили пиво и заказывали эль. Хозяин таверны ко всем обращался «джентльмен» — к англичанам, ирландцам, к политэмигрантам и даже к африканцам. В таверне не засиживались (рано утром надо было подыматься и идти к своему работодателю), поэтому скоро разбредались по своим углам. Екаб ходил в кино — «иллюзион». Он заглядывал и в английский Коммунистический клуб, где его и стали именовать Джейком (латышское имя Екаб звучало для англичан чудно и необычно). В клубе он познакомился с живой, симпатичной леди. Мэй (так ее звали) происходила из захудалого дворянского рода, представленного теперь лишь бородатыми стариками, смотревшими одиноко и гордо с домашних портретов. Мэй влюбилась в Джейка — парня крови другого народа, но привлекательного и сильного, плотно сбитого. Правда, родственники Мэй находили, что его лицо с чуть приметной несимметричностью совсем не соответствовало типу красоты англосаксов, лучшие из которых были бледные, высокие и худые. Ей, однако, все это было ни к чему, как и то, что Джейк был совсем необеспеченным эмигрантом. Прошло время — Джейк и Мэй поженились.

Потом Мэй родила Джейку дочь. Назвали ее тоже Мэй. Узы семьи, теплота двух ставших ему родными сердец приносили Джейку радость, будили добрые чувства. И хотя он не бросался по этому поводу сочинять стихи, но очень любил их читать. Устраивались у камина, и под треск горевших поленьев Джейк читал жене Некрасова. Там были чужие для ее слуха слова, но они звучали музыкой,

щемящей сердце. Он читал и менее понятного Райниса — близкого по духу латышского революционного поэта.

Среди товарищей Екаба его женитьба вызвала разные толки. Одни понимали молодых людей. Другие в адрес Екаба отпускали осуждающие фразы — мол, он теперь погружен в «британское довольство», поскольку у него есть теперь жена англичанка и ребенок, которого он обожает. Употребляли и более чувствительные выражения — у него, мол, «мысли о революции стали расплывчатыми».

А между тем Екаб с той же энергией, что и прежде, являлся в старые доки в Уайтчепле, где находилась главная квартира латышей-революционеров. Екаб ездил в Саутгемптон, куда заходили рейсовые корабли из России и Германии и моряки привозили скрытую почту или брались что-либо отвезти для товарищей. Екаб ездил и к Я. Янсону-Брауну¹, в Борнмут, где тот проживал с женой и двумя детьми, терпя лишения и превратности эмигрантской жизни. Как много дала ему эта встреча с опытным революционером-марксистом, к этому времени уже встречавшимся с Лениным, близким другом Максима Горького, автором ярких работ о Яне Райнисе! Поистине это был целый университет! Кстати, на эту «университетскую» поездку деньги Екабу дала Мэй из своих сбережений. Похоже, она особенно и не вникала в мужнины дела, была прежде всего любящей женой и матерью.

Однако не все устраивало в жизни Джейка новоявленных родственников, появившихся после его женитьбы. Так как он о своих партийных, революционных делах и заботах не любил распространяться, у тех складывалось мнение, что у Джейка есть какая-то тайна и вообще не все чисто... А в добропорядочной Англии, стране невиданных богатств и утонченного эгоизма, страдавшей от язв нищеты и душевного опустошения, происходило всякое.

Однажды в Лондоне, на Сидней-стрит, на которой

---

¹ Один из основателей Латышской социал-демократии.

проживал Уинстон Черчилль, тогда уже министр, группа анархистов засела в одном из домов. Их с трудом выбила полиция — в схватке одни были убиты, другие бежали. Прошло какое-то время, и — новое столкновение с полицией, в трамвае в Тоттенхеме. Где-то в Лондоне еще бросили бомбу. Властям было выгодно в инцидентах обвинять эмигрантов, особенно тех, что прибыли из России. В тогдашней Европе обыватели говорили: «Латыши? С девятьсот пятого — убийцы и поджигатели!»

И вот полицейские явились к Джейку, забрали его. Мэй почувствовала себя лесной птицей, доверчиво попавшей в силоч. Она была в смятении. В полицейском участке ей объяснили, что Англия — «свободная страна», где соблюдается закон и справедливость, и если ее мужа арестовали, то для этого наверняка были веские причины. Джейку предъявили обвинение — участие в террористических актах, убийствах. В «криминал инвестигейшен»¹ ему ловко приплели и то, что он в Англии проживает якобы под именем «Джейк», а узнав о случае в гамбургском тире, стали идентифицировать меткость стрельбы Екаба с «почерком» разбушевавшихся в Лондоне анархистских террористов. Над Петерсом нависла опасность осуждения к смертной казни. И вряд ли его могло успокоить практиковавшееся и рекламируемое в Англии исполнение приговора «согласно закону и гуманным образом».

Екаб боролся с несправедливостью, искал алиби. Его хозяин-работодатель очень неохотно согласился быть свидетелем. Зато товарищи Екаба: англичане, ирландцы, темнокожие, — гнувшие, как и он, спины на хозяина, заявили: «Джейк не виновен». Пригрозили забастовкой, это подействовало. Друзья по эмиграции собирали деньги в «фонд защиты» попавшего в беду Петерса. Даже из далекой Америки поступил взнос: 70 долларов 75 центов.

На суде Екаб сам себя защищал, отмежевавшись от

---

¹ Отдел уголовного розыска.

бессмысленного террора анархистов, заявил с гордостью, что он — российский революционер, идейный противник царского самодержавия, а не убийца. Потом его дело рассматривала высшая судебная инстанция.

И вот в какой-то вечер отворилась дверь в доме Мэй, и она увидела на пороге Джейка. Испугалась, то ли от неожиданности его появления, то ли от того, что сразу заметила в его красивых, пышных волосах седую прядь, которой раньше не было. Мэй припала на его плечо, заплакала от радости. Джейка освободили, сняв с него все обвинения. Он вырвался из одиночества предсмертной камеры, одиночества самого невыносимого и жестокого.

Казалось, все уладилось. Только отныне что-то очень беспокойно стало на душе Екаба. Он часто становился хмурым, раздражительным: в нем бурлили мысли и чувства, назревал перелом.

В какой-то день Джейк, расположившись у камина, раскрыл газету — чаще всего он покупал «Геральд» — и наткнулся на броское сообщение о деле заточенного в Тауэр необычного узника. Лорд Кейсмент, загадочный лорд Кейсмент! Для большинства англичан он был действительно загадочен: лорд — и вдруг мятежник!

Сэра Роджера Кейсмента приговорили за «измену родине». Это было тем более неожиданно, что незадолго перед этим он получил титул лорда. В возрасте сорока восьми лет он, известный дипломат, предпочел отставку, удалился от дел, уехал на свою родину, в Ирландию. А позже лорд Кейсмент присоединился к тем, кто готовил во время войны, в 1916 году, Дублинское восстание против колониальной политики Англии, за независимость Ирландии. Выступление это, как признали историки, наносило чрезвычайный ущерб престижу и могуществу воюющей Англии. Кейсмента выследили, схватили.

Под сильной охраной его доставили в каменный Тауэр. Кейсмент не строил иллюзий. Знал, сколько этим мощным двором тюрьмы-крепости прошло в последний

путь знатных особ, даже королевской крови... Но он не чувствовал ни страха, ни отчаяния.

На суде Кейсмент произнес сильную и яркую речь о праве своего ирландского народа на свободу, призвав в свидетели бога. Представители же саксонской юриспруденции не вняли ничему, и вынесли приговор о безоговорочной смерти. Лорд Кейсмент должен был умереть!.. Прошлого у Роджера Кейсмента уже не было. В будущее он уже не верил, и мир людей ему представился абсурдным и иррациональным. Самообладание он сохранил до самой своей последней минуты.

Судьба Кейсмента всколыхнула чувства Екаба с новой силой. Его посетили совсем не странные мысли: очень разные люди в борьбе могут стать близкими по духу, по верности идее свободы.

...В тот день Екаб направлялся на работу, которая ему давно опостылела. Неожиданно он встретил группу взволнованных людей, шедших к Тауэру, их лица выражали боль и страдание, они не стыдились своих слез. Это были ирландцы, вынужденные покинуть родину, но и жалкая жизнь в Лондоне не давала им постоянного куска хлеба.

Екаб приостановился. Да, в этот день должен умереть Роджер Кейсмент! Он повернул обратно и последовал за бедно одетыми ирландцами, оплакивавшими соотечественника.

У Тауэра перекликалась стража, вооруженная алебардами. Толпа ирландцев (среди них он нашел и своих знакомых из подвальных прачечных Ист-Энда), жаждавшая свободы и справедливости, напомнила ему латышских крестьян, готовых молиться и бороться. Ведь и сам Екаб в царской России был в сходном положении.

Все крупнейшие газеты мира поместили подробности казни лорда Кейсмента. Американские, например от 3 августа 1916 года, сообщали, что задолго до часа казни у ворот тюрьмы собралась толпа, занявшая целых два

квартала. Без двадцати девять тюремный колокол начал звонить. Он словно успокаивал толпу, которая на размеренные удары отвечала гулом и приветствиями. Позади тюрьмы, ближе к месту, где в Тауэре был установлен эшафот, столпились ирландцы.

Вдруг колокол замолчал. Толпу у тюрьмы сжала мертвая тишина. А там, за толстыми стенами Тауэра, осужденный восходил на эшафот. (Все происходило вне глаз толпы: благородная Англия дает возможность несчастным оставаться в последние минуты жизни наедине с палачом и со своими мыслями.) В девять — один сильный и мощный удар гулкового колокола: казнь свершилась, толпа разразилась воплями гнева и проклятий.

Ирландцы позади тюрьмы молились, стоя на коленях. Только один человек в толпе молча стоял во весь рост, склонив голову и не молился — это был Екаб Петерс. Его обуревали ярость и боль. (В Тауэре доктор констатировал смерть Кейсмента, а чиновник произнес традиционные слова: «Приговор был приведен в исполнение согласно закону и гуманным образом». Тело казненного зарыли на тюремном дворе и засыпали известью.)

Потом все произошло как в придуманном романе. В наш век парадоксальных событий и неординарных судеб действительно больше чудес настоящих, чем это обычно полагают. Как позже расскажет Луиза Брайант (американская журналистка, ставшая женой Джона Рида), которая сама слышала все из уст Екаба о его перипетиях крутой лондонской жизни: «Самая романтическая революционная история, которую я знаю, была рассказана мне им самим о его возвращении в Россию, связанном с казнью сэра Роджера Кейсмента». Удивительно, но ни один, кто писал о Екабе Петерсе, не придавал значения этому факту. А ведь человек живет в определенных обстоятельствах, и чем они богаче, неординарней, а душа человека ранимее, чувствительнее, тем он более отзывчив на добро, отвечая состраданием и справедливым гневом.

Переполненный новыми острыми чувствами, Екаб не пошел к своим уютным и джентльменским брюкам: все это потеряло для него всякий смысл. Бродил по мокрым камням улиц Уайтчепла, по запутанным и грязным подъездам к Темзе. Впивался жадным взглядом в огромные корабли с русскими именами, от них веяло духом России! Все мысли и мечты юности (он их никогда не забывал) возвращались к нему в новом, преображенном значении. Он твердо решил возвратиться на Родину.

ВОССТАВШИЙ НАРОД

Детство — такая пора жизни, от которой у каждого в душе тянется пусть и слабенький, но светлый лучик. Екаб очень любил яблоки, их аромат, и особенно тонкий запах «белого налива», которые мать раскладывала в сундуке между рядами белья...

Вспоминал позже: «С восьми лет должен был искать себе пропитание и стал пасти скот у соседей-хуторян». Философия жизни была в деревне проста: если нет своей скотины — иди нанимайся к хозяевам. Родители Петерса явились на свет батраками, ими же и оставались.

Екаб учился в министерском училище; звучит громко, а на самом деле — двухклассная школа в волости. Учеба растянулась на четыре года. Все из-за той же жестокой необходимости заработать хотя бы кусок хлеба: есть ведь хотелось каждый день.

Три года он батрачил в баронских имениях. Осознанный мир юноши раздвинулся и расширился: Екабу стали близки, он пытался постичь до того совсем неведомые понятия, к которым тянулись все обездоленные, — добро, справедливость, честь... «Уже в школе я стал интересоваться борьбой против помещиков, но никакого представления о социалистах и социал-демократии у меня не было» — его слова о том времени.

Парни из Курземе¹ тянулись в Либаву (ныне Лиепая): город хоть небольшой, но в нем была другая жизнь. Не слаще, может быть, даже порой горше доли батрацкой, но там могла отыскаться работа на фабриках и в мастерских, которые к тому времени в городе быстро росли и расширялись. Многие становились моряками, плавали в далекие земли, в необычную жизнь... Екаб не стал моряком: «С переездом в Либаву в 1904 году я встретил бывших школьных товарищей, которые уже состояли в (революционных.— В. Ш.) организациях, и в мае я вступил в кружок Латышской социал-демократии² в гавани, где я работал на элеваторе».

Революционная социал-демократия в Либаве жила достойной жизнью. Разумеется, глубоко скрытой. Действовали такие известные подполью личности, как Я. Лютер-Бобис, Я. Ленцманис; целая семья Янсонов — Ян Янсон-Браун (в Англии к нему в Борнмут ездил Екаб), его дети — Карл и Анна: брат был моряком, сестра — работницей, перепрятывала революционную литературу, листовки. Легендой было бесстрашие Хр. Салниня («Гришки»), не боявшегося ни жандармов, ни шпииков. Организация была связана с П. Стучкой, Я. Райнисом, сосланными в глубины России, с Фр. Розинем-Азисом, Э. Ролавым, вынужденными выехать в эмиграцию. В Латвии к тому времени изучали Плеханова, знали имя Ленина, читали его работы и ленинскую «Искру».

Не сразу молодой социал-демократ Екаб Петерс был приобщен к наиболее значимым звеньям дела. В течение 1904 года «посещал лишь кружки и был на одном массовом собрании», — вспоминал он.

Выбор, однако, был сделан.

«В 1905 году я перешел работать на маслобойный завод и попал в кружок, который возглавлял товарищ

¹ Западная часть Латвии.

² В Либавскую организацию Латышской социал-демократической рабочей партии (ЛСДРП).

Лук. Здесь моя работа уже стала гораздо более активной. Назревала революция; надо было часто ездить в деревню вместе с пропагандистами, на самом заводе распространять листовки, собирать средства в помощь арестованным».

Екаб делал рядовую работу. Но в революции не было мелочей, малое соединялось в великое, что, совершившись, изменило бы судьбу народа.

Весь 1905 год в Латвии одна забастовка сменяла другую, бурлили демонстрации, часто сливаясь в общее, грозное движение, происходили вооруженные столкновения; горели подожженные помещичьи имения. Латвия в революционной России становилась все более значимой в борьбе за подрыв власти царизма и его верхней опоры в Прибалтике — немецких помещиков-баронов.

Царский генерал-губернатор не остается в долгу: в Латвии вводится осадное положение. Развязываются руки карателям, отрядам «помещичьей самообороны», то есть бандам, нанятым баронами для спасения своих шкур и имущества. Эти дни жестоких расправ навсегда врежутся в память Екаба, останутся как осколки в теле, которые нельзя извлечь... В имении Награнден родного Петерсу Газенпотского уезда ¹ граф Кайзерлинг привязал к седлу батрака Розе и, пустив лошадь полным карьером, таскал его за собой и стегал нагайкой до тех пор, пока не забил до смерти. Тело батрака помещик подвесил на дубе у большой дороги для устрашения возмущенной бедноты. Не было ни одной волости в Латвии, где расправа баронов Кайзерлингов, Бредрихов и им подобных не вылилась бы в расстрелы и расправы над сотнями и сотнями революционно настроенных батраков и их семьями.

Потому и стали появляться отряды «лесных братьев»: молодые отчаянные парни собирались в лесах, брались за оружие. Их справедливый гнев укреплял волю, стремление к отпору контрреволюции. Народ полюбил «лесных брать-

---

¹ Ныне Кулдигского района Латвийской ССР.

ев», подвозил им продукты, осенью и зимой собирал для них теплые вещи, переправлял их в лесные чащобы. Партия наставляла и руководила.

Но силы все же были неравны. Революционные выступления терпят поражение. «Лесные братья» расплачиваются самой дорогой ценой — своей кровью, а то и жизнями. Хозяевами положения становились каратели, учрежденные царской властью военно-полевые суды. Появились виселицы, названные в народе «галстуками смерти». Тысячи борцов ссылались в Сибирь на каторгу. Латвия оказалась в тисках массового кровавого террора.

Партии, бойцам революции пришлось отступить, а отступление всегда трудно, непросто — физически и психологически. Видные партийные деятели Латвии, вынужденные укрыться в эмиграции, создают Заграничный комитет Социал-демократии Латышского края (СДЛК). В эмиграцию уходит часть «лесных братьев», боевиков.

Екаб пока оставался в Латвии. Вероятно, он полагал, что не слишком «скомпрометирован», в должной мере соблюдая конспирацию. В этом проявились решительный характер Екаба, его смелость, готовность и умение рисковать, без чего (как он уже понимал) ему теперь не прожить...

В то время Петерс работал на маслобойном заводе. Осторожно продолжал раз и навсегда начатое. «Меня тянуло к активной революционной работе в Либавской организации, а после поражения революции потянуло к активной фракционной борьбе и толкнуло на позицию большевистской фракции», — вспоминал он позже.

Но в марте 1907 года Екаба Петерса арестовывают и помещают в Либавскую тюрьму. Обвинение: «покушение на жизнь директора завода во время забастовки». Дело могло вылиться в совершенно однозначный смертный приговор. Или (что менее вероятно) в ссылку в Сибирь. Полтора года мучительных допросов в тюрьме в предчувствии неотвратимо надвигающегося трагического финала. Его пытаются, вырывают ногти из пальцев рук. Он как

может сопротивляется — участвует в оупляющей, отнимающей силы голодовке. Видимо, все же обвинение против него было полностью сфабриковано, построено на песке, что вообще по тем годам реакционного лихолетья было делом обычным. Петерс предстал перед Рижским военным судом и был оправдан... Счастье революционера? Удивительная случайность? Что было гадать! Возможно, зверь контрреволюционного террора уже пресытился выпитой кровью и мог позволить отпустить новую жертву.

Екаб отправился в деревню — подальше от городской полиции, жандармерии, которые не спускали глаз с таких, как он. Трудился на лесопилке — там тоже были революционные кружки, поддерживавшие связь с Либавой. Один сезон был лесорубом. Валил стройные сосны в курземских лесах, работал самозабвенно, ощущая радость труда и прилив восстанавливающих сил.

Однако жандармы стали беспокоить и лесорубов. Екаб решил, что сейчас неразумно еще раз испытывать судьбу. Партийная организация посоветовала уехать на время, и он покинул своих товарищей-лесорубов, у которых многому научился: терпению и выдержке, умению рассчитывать силы, сдержанной жажде жить и бороться за свои права.

* * *

Оказавшись в Англии, Екаб Петерс никогда не забывал картины народных страданий и борьбы мятежной Латвии. Об этом ему каждый день напоминали и изуродованные тюремными палачами пальцы рук, и грубые мозоли, добытые в курземских лесах, и обожженные от горячих утюгов ладони. А мятежный и гордый лорд Кейсмент дал чувствам и разуму Екаба нечто свежее, чистое. Его мужественная борьба и трагическая смерть внесли в разум Екаба ясное понимание того, где быть и что делать. Сознание прояснилось, стали отчетливо представляться дали и перспективы жизни, появилось желание действовать!

...Екаб только к полуночи добрался домой, к Мэй. Камин давно потух. Отрешенно он сказал жене, что должен вернуться на родину. Ей придется пока остаться в Лондоне с маленькой дочерью. Мэй принадлежала к тем «домашним» англичанкам, которым хотелось, чтобы мужа всегда были рядом, а будет ли Россия иметь царя или революционное правительство — это она предоставляла решать другим. На днях она спряталась на вокзале подземной дороги на Пикадилли в сбежавшейся толпе: сверху «зеппы»¹ сыпали бомбы. Даже будучи испуганной, Мэй оставалась хорошенькой, и к ней обратился какой-то молодой джентльмен: «Мы цивилизованные люди, а вот прячемся в землю. Не правда ли, мисс, все это очень забавно?» Домой она прибежала дрожащая и испуганная, доверчиво прижалась к Джейку. А как она будет без него? Ведь войне и лишениям не видно конца.

Но решимость Екаба была столь велика, что он сказал, что готов вернуться в Россию (если не будет другой возможности) и нелегально. Правда, такая попытка была бы отчаянной и рискованной (тут же, в Англии, могли схватить английские «бобби»², а на русской границе — жандармы), ведь он враг правительства страны-союзницы. Но следует признать: в этом решении проявилась удивительная черта Петерса — когда обстоятельства, казалось, практически непреодолимы, этот человек мог пойти на все, рискнуть жизнью, чтобы достичь цели.

К счастью, Екабу недолго пришлось ломать голову, чтобы отыскать способ возвратиться.

В Россию ворвалась Февральская революция. Царизм пал, все перевернулось, закрутилось, волна обновления понеслась по фронтам и городам, по деревням и весям.

Хотя со здания русского посольства в Лондоне сняли

---

¹ Немецкие дирижабли «Цепелины».

² Полицейские.

царский герб, императорский посол Набоков, восседая на старом месте, ничего эмигрантам не обещал, да и правительство Англии не спешило.

А эмигранты торопились домой, в Россию. Им старался помочь Максим Литвинов: он потребовал свидания с либералом, премьер-министром Ллойд Джорджем (тот его не принял); уговаривал лейбористских членов парламента выступить с заявлением о революции в России (уговорил); потребовал от Набокова убрать портрет Николая II, красовавшийся в зале посольства (Набоков, очень нехотя, убрал). Реальной помощи пока не было.

От шотландского порта Абердина ходил с потушенными огнями до норвежского Бергена пассажирский пароход «Велчер», конвоированный двумя миноносцами, разбившими волны по его бокам: в море пиратствовали немецкие субмарины... Многие нетерпеливые эмигранты отправлялись на кораблях без охраны. Пароходы часто натыкались на мины, тонули, их топили подводные лодки. Так погибли многие из «Герценовского клуба». В считанные минуты скрылась в морской пучине безоружная и раненая «Зара», а вместе с ней — спешащий из Лондона Янсон-Браун. Эту трагедию описала «Правда», снова выходящая в Петрограде.

— При любой возможности! — Так решил уплыть Екаб. — Не ожидая миноносцев! Будь что будет!

Товарищи его напутствовали, тепло проводили. Простился он и со всем лично дорогим, что у него было в Лондоне; сказал «до свидания» обеим Мэй. Взошел на борт парохода, тоже безоружного, к тому же еще незастрахованного (на все эти изъяны Екаб махнул рукой). Вещей у него не было. А из кармана торчали английские газеты с крупными заголовками: «Революция в России!», «Отречение царя!».

Через холодные беспросветные туманы северной весны пароход потащился на Мурманск. Матрос на палубе показал, где находятся наготове спасательные шлюпки.

Бросил под ноги пробковый пояс. Екаб не реагировал, был спокоен и сосредоточен... Все мысли и чувства были о главном — он стремится туда, где хотел и должен быть, а это так много значит для революционера и патриота. Верил, что Россия, родная Латвия его ждали!

РЕВОЛЮЦИЯ НЕОБЫЧАЙНОЙ СМЕЛОСТИ. ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ

Екаб Петерс вновь на российской земле. В столице все еще ликовали толпы, приветствуя Февральскую революцию. Всюду речи и лозунги — непривычные, порой непонятно-замысловатые: о прогрессе, о благе, о добре, о свободе. В партийных организациях из уст в уста передавали, что из эмиграции возвращается Ленин. Его очень не хватало.

Петерс почувствовал остро, как никогда раньше, что более десяти лет состоит в самой революционной партии (в Англии он захаживал еще и к социалистам, но там не услышал ни свежей мысли, не ощутил бодрящего ветра настоящих дел), когда в трясучем поезде из расшатанных бурого цвета вагонов с надписью на каждом: «40 человек и 8 лошадей» он покатил на Северный фронт. Империалистическая война была ему не по духу; тревожно обжигало сознание несправедливо проливаемой крови. Партия, его партия, считала, что народ надо вырвать из кровавой бойни. Петерс должен был помочь ей в этом.

Он добрался до окопов среди гнилых болот под Ригой. С какой жестокостью и яростью еще недавно здесь велись бои (дело обошлось только с нашей стороны в девять тысяч раненых, убитых, пропавших без вести), а вот теперь

тишина — белый иней поздней весны повис на елях, мертвые лежали в медленно оттаивающей земле. Петерс отыскал солдатский комитет латышских стрелков¹, встретил большевиков, уцелевших от репрессий и бессмысленных боев, те на него смотрели как на чудо — прямо из Лондона!.. Там — Гайд-парк, площадь Трафальгар, гуляют лорды, здесь — еще недавно пировали бесы войны, был суций ад...

С революции февраля многие на фронте впали в какое-то раздумье, ждали — задуют ветры солдатских надежд, ждали конца войны, ждали мира. Возникали на позициях митинги, кипели страсти. По-прежнему в окопах было голодно, заедали вши. На фронт приезжал тогда военный министр Временного правительства Керенский. Выходил на импровизированную трибуну. Демонстрировал короткие выразительные жесты, произносил рубленые отработанные фразы. Обещал спасти Россию от бессовестнейшего предательства (здесь упомянул большевиков); требовал защищать свободу от внешних и внутренних врагов. «Я с вами!» — театрально выбрасывал руку Керенский. Голос его усиливался, переходил в крик. К концу речи министр охрип, изнемог, сделал шаг в сторону и повалился на руки своего адъютанта — вытянутое лицо его было мертвенно-бледным. Болезненному министру мало помогали диета, питье молока. Расходясь, солдаты честили министра, называя «треплом», «штабной макаронной». Ведь надоевшую войну он призывал вести «до победного конца».

В мае в Рижском театре «Интерим» собрались на свой второй съезд делегаты латышских стрелковых полков. Бурно обсуждались острые вопросы. Большевики тянули делегатов на свою сторону, меньшевики и эсеры — в другую. Разгорелись дебаты, отчего корабль съезда изрядно потрепала стихия споров. Командующего армией Радко-Дмитриева, призывавшего «героев-латышей» продол-

¹ В составе 12-й армии Северного фронта были латышские стрелковые полки.

жать войну, выслушали со сдержанным нетерпением. Когда же адъютант Керенского Ильин стал ратовать за «патриотизм», разрисовывать привлекательность грядущего наступления, стрелков прорвало: свистом и топотом они согнонали говоруна с трибуны.

Петерс слушал горячих, задиристых, грубых, а порою очень острых на язык стрелков, и ему вспоминались те парни-лесорубы, с которыми он провел не один день в курземских лесах. Ведь под солдатскими шинелями бились горячие сердца рабочих, крестьян, батраков. В этот раз Петерс не выступал. Говорили от имени ЦК СДЛК Ю. Данишевский, Я. Ленцманис, лучше знавшие, как он был уверен, жизнь и все недавние перипетии солдатских испытаний на фронте. А когда стрелки спустя несколько дней приняли свою знаменитую резолюцию, закрепившую навсегда их роль в истории социалистической революции в России, Петерс аплодировал вместе со всеми, кричал, возбужденный и удовлетворенный.

Ленину стрелки отправили послание: «Мы приветствуем Вас как величайшего тактика пролетариата России, подлинного вождя революционной борьбы, выразителя наших дум и желаем видеть Вас в нашей среде». Стрелки послали приветствия К. Либкнехту, П. Стучке, Ф. Розиню и Я. Райнису.

Петерс пришел на митинг 7-го Бауского латышского стрелкового полка, охранявшего революционный порядок в Риге. В городской парк в сопровождении эсеров приехали гости — моряки, с виду боевые парни, готовые, чтобы им поверили, рвать на себе морские рубахи. Они утверждали, что наступление на фронте — это-де сейчас главное для революции, не скрывали меньшевистско-эсеровские настроения, все менее популярные в Риге, и стрелки слушали моряков без восторга.

Дали слово Петерсу. Он поднялся к столу, снял пиджак (тогда еще не носил солдатской одежды), повесил его на спинку стула, словно вышел показать, как надо работать

по-настоящему. Под улыбки и смех стрелков, закатал до локтей рукава белой рубахи. Стал говорить.

Петерс говорил с солдатами просто, его слушали внимательно: преподносились не красивые, но нереальные фантазии и не смутные, непонятные лозунги. Он выкладывал им суровые, порой жесткие идеи о немедленном мире, о возвращении домой, о земле. Оружие надо повернуть против своих правительств, втянувших народы в войну. И пусть моряки не поют с чужого голоса: эта война трудящимся не нужна! Он рассказывал об угнетенной Ирландии, поведал, как боролся и умер ирландский патриот Кейсмент. Империалисты душат всех, без разбора языков, рас и веры...

Солдаты живо откликались, бурно одобряли оратора, многие ворошили чубы: на самом деле все так, как говорит этот большевик.

Бывший латышский стрелок В. Мелналкснис, слышавший на фронте немало речей, выступление это не забыл: «После речи Екаба Петерса долго слышались единодушные аплодисменты стрелков, вопрос «За кем идти?» был решен». Идеи и мысли, что он умело защищал, хорошо «укладывались» в чубатые солдатские головы...

Пропагандист Исполкома латышских стрелков Е. Петерс становился одним из самых популярных фронтовых ораторов. Кто-то посчитал, что за десять недель он выступил 56 раз. Никто с ним не мог тягаться — ни упитанные краснобаи из буржуазных партий, ни действительно выглядевшие «штабной макаронной» эсеры, ни нервные меньшевики или анархисты, то и дело появлявшиеся с депутациями. Еще один латышский стрелок, Петерс Гришко, вспоминал так: «Один раз слушал Екаба Петерса летом 1917 года. И этого было достаточно, чтобы его не забыть». А в самом Петерсе крепла уверенность в силу нелегкой правды, в мудрость партии, которую он умел облекать в простые слова. Выступая, Екаб умел заражать, увлекал страстью, неистовством, верой в правоту большевиков.

В начале лета латышские и русские солдаты 12-й армии

под Ригой все чаще выходили из окопов, втыкали в землю штыки винтовок и шли на нейтральную полосу. Со стороны немецких траншей тоже выходили солдаты, высоко подымая белый флаг... В отчете Верховного командования тревожно сообщалось, что «братание идет вовсю», все попытки офицеров прекращать братание оканчиваются неудачей, если применяют против братающихся пулеметы, то толпы солдат набрасываются на них и приводят их в негодность... Даже Двина не препятствовала братанию, так как солдаты переплывали ее на лодках.

Одним из зачинщиков братания, рьяным его организатором был Петерс; его английский с лондонским «прононсом» здесь был, как правило, ни к чему, зато беглый немецкий оказывался весьма к месту...

В Англии Петерс думал о России, теперь же он все чаще мысленно возвращался в Лондон, к старшей Мэй и к малышке Мэй. Нетрудно было найти этому психологическое объяснение. Семья тоже была частью его жизни, а вынужденная разлука с ней вызывалась необходимостью, и это немного успокаивало. Он воочию видел, как тысячи и тысячи таких, как он, отцов семейств, мужей давно не виданных, почти забытых ими жен бедствовали на фронте: их засыпала снарядами немецкая артиллерия, вместо хлеба их кормили речами и посулами. Бедствовали и страдали все.

Когда Петерса привлекли к изданию большевистских газет, он быстро стал одним из редакторов органа ЦК СДЛК «Циня». В июле на съезде СДЛ Петерса избирают в состав ЦК партии (с этого времени организация стала называться Социал-демократией Латвии).

В августе контрреволюционеры-корниловцы сдали Ригу, угрожая создать ударный кулак против революционных сил в центре России. Войска отступали. Петерс работал в деморализованных частях 12-й армии: важно было сплотить революционно настроенных солдат, их комитеты, большевистские организации.

Во время выборов на Демократическое совещание ¹ его избрали представителем от крестьян Лифляндской губернии. Заседания были бурными. Он вернулся в Латвию, не ожидая окончания работы совещания, оказавшегося на деле парламентской и эсеро-меньшевистской говорильней. В не занятой немцами части Латвии, в революционизирующейся армии к тому же дел было невпроворот, «надо было готовиться ко Второму съезду Советов и готовить войсковые части для Октябрьской революции», — напишет потом он в своей биографии об этих трудных днях.

Городки и селения северной части Латвии были переполнены войсками, теснимыми немецкими армиями. Всюду солдаты, обозы, беженцы, увязшие в осенней грязи непроезжих дорог. Поэтому удивительно было увидеть в городке Цесисе вдруг откуда-то появившихся двух иностранцев, чистеньких, в цивильной одежде. Сопровождаемых штабным капитаном, их всюду пропускали в прифронтной полосе. Вот они остановились на мощеной площади города перед только что вывешенной афишей, которая гласила:

«Товарищи солдаты!

Совет рабочих и солдатских депутатов Цесиса 28 сентября в четыре часа организует в парке митинг. Товарищ Петерс выступит от Центрального Комитета Латвийской социал-демократии и будет говорить о «Демократическом совещании и кризисе власти».

Военный с повязкой Искосола ² 12-й армии на рукаве тут же закричал:

— Этот митинг запрещен комендантом!

Столпившиеся у афиши солдаты бросали ему в ответ:

---

¹ Всероссийское демократическое совещание было проведено в сентябре 1917 г. в целях ослабления нарастающего в России общенационального кризиса и укрепления позиций буржуазного Временного правительства, создано по решению руководства партий эсеров и меньшевиков.

² Искосол — Исполком Совета солдатских депутатов 12-й армии, находившийся в руках меньшевиков и эсеров.

— Твой комендант ... буржуй! (прилагательным служило непечатное слово).

Капитан, сопровождавший иностранцев, сорвался:

— Этот Петерс большевик! А митинги в полосе военных действий запрещены. Это закон! И Искосол тоже этот митинг запретил.

Солдаты, топтавшиеся у афиши, угрюмо молчали, сплевывали. Один, уходя, сказал капитану:

— Искосол тоже из непотребных буржуев, а мы, солдаты, хотим слышать о Демократическом совещании.

Одни солдаты уходили, другие подходили, привлекаемые надрывным голосом военного с повязкой. Подошел невысокий крепкий человек в солдатской форме и твердо, тоном, не терпящим возражений, объявил штабному капитану:

— Митинг будет, как здесь написано. Я — Петерс!

А присутствовавшие иностранцы были из Америки — Джон Рид и Альберт Рис Вильямс, приехавшие с разрешения властей на фронт, чтобы собрать материал для американских газет. Тогда они и познакомились в малознакомом им Цесисе с Петерсом, одним из наиболее волевых и уже известных большевиков в Латвии и на Северном фронте. Петерс свою речь произнес (как и обещала афиша), а на другой день повел американцев на митинг латышских стрелков.

Вильямс по этому поводу записал: «Они собрались в лесу — десять тысяч коричневых мундиров, гармонизовавших с осенним оттенком листьев. Когда произносили имя Керенского, оно вызывало взрывы смеха, зато всякое упоминание о мире встречалось дружными аплодисментами.

— Мы не трусы и не предатели, — заявляли ораторы, — но мы отказываемся сражаться, пока не узнаем, за что сражаемся. Нам сказали, что мы сражаемся за демократию. Мы этому не верим. Мы уверены, что союзники такие же хищники, как и немцы. Пусть они докажут противное!

Пусть объявят свои условия мира! Пусть опубликуют секретный договор! Пусть Временное правительство докажет, что оно не идет рука об руку с империалистами! Тогда мы сложим на поле битвы наши головы до последнего человека!»

Джон Рид в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир» свидетельствовал: «Мы приехали на фронт, в 12-ю армию, стоявшую под Ригой, где босые и истощенные люди погибали в окопной грязи от голода и болезней. Завидев нас, они поднялись навстречу. Лица их были измождены; сквозь дыры в одежде синело голое тело. И первый вопрос был: «Привезли ли что-нибудь почитать?»

Газеты, книги? Что они могли дать солдатам?.. Рид понимал: больше чем все остальное — надежду!

Рид и Петерс расстались друзьями: для друзей Рид был просто Джеком, Петерс же близкими ему иностранцами именовался не иначе как Джейк.

Американцы оставили фронт, полные впечатлений и с толстыми, почти сплошь исписанными блокнотами. Как только Петерс снова появился в Петрограде, они тотчас же перехватили его, взяв обещание, что он заглянет к ним. Встречу назначили в каком-то итальянском ресторанчике, близ гостиницы «Астория», в котором давно уже ничего не было итальянского; заказали чай с леденцами. Пока ждали, заговорили о слухах по поводу директив большевиков на вооруженное восстание; американцы надеялись что-либо услышать от Петерса¹. Петерс вскоре появился, с ним пришел и С. П. Восков², уже до этого познакомившийся с американцами.

— Да, некоторые товарищи в России боятся даже слова «восстание», — поведал Петерс, — обвиняют Ленина в бланкизме и прочей чепухе. А положение действительно совсем не то, что в апреле, — приостановился он, обводя

¹ Петерс был еще и представителем СДЛК в ЦК РСДРП(б).

² Большевик, председатель завкома Сестрорецкого оружейного завода.

взглядом американцев и загораясь.— Тогда в Советах большевиков была лишь небольшая кучка, а теперь за ними большинство в обеих столицах. Теперь,— сделал ударение Петерс,— Советы — это революция. И вооруженное восстание все равно произойдет. Но произойдет ли оно вовремя — вот вопрос. Или Керенскому удастся вызвать достаточное количество верных ему войск? Он не может убрать из города войска Петроградского гарнизона: они подчиняются только Военно-революционному комитету. Но он может открыть ворота Гогенцоллернам, как это сделали с Ригой.

Петерса горячо поддерживал Восков. Американцы с корреспондентской настырностью во что бы то ни стало пытались узнать о письме Ленина относительно восстания: оно уже было директивой для действий, о нем шли разговоры среди партийцев. В ответ слышали такую фразу: «История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь». Произнесена она была Петерсом с большим значением, и корреспонденты поняли, что эти слова, возможно, сказаны Лениным. Рид, воодушевившись, потом почти распевал их, как строку стихов.

Петерс и Восков заспешили, ушли. Рид дал себе слово любым способом раздобыть ленинское письмо. Он почти клятвенно сказал своим:

— Я могу обещать — сохраню письмо в тайне!

Масла в огонь подлила элегантная Бесси Битти, представлявшая в России «Сан-Франциско бюллетин». Она сказала, что Петерс ездил к Ленину в качестве связного и что лучше всего, образно говоря, взять Петерса за горло. Все накинулись на Бесси: знает такое и молчит!

Американцы снова поймали Петерса.

— Послушайте,— сказали они ему,— мы, конечно, не разбираемся в вопросах тактики, но ведь нам известно, что Ленин в эти дни ни о чем больше не пишет, кроме как о вооруженном восстании. Почему же нет ни звука о восстании, ни намека? Неужели вы не боитесь, что рабочие

и вас сочтут такими же болтунами, какими они считают меньшевиков и эсеров?

Американцы в этот раз показались Екабу слишком настойчивыми. Петерс взорвался:

— Чего вы от меня хотите? Чтобы я передал вам копию нашего секретного плана?! Составляйте сами свои прогнозы.

И, уже как детям, объяснил:

— Могли бы, кстати, сообразить, что сейчас только восстание сможет обеспечить победу Советской власти. И Ленин надеется, что члены партии это поймут. Мы снова поднимем лозунг: «Вся власть Советам!» А это в настоящих условиях означает именно подлинную власть большевизированных Советов.

«Слова Петерса несколько отрезвили нас, но удовлетворить не смогли», — заметил на это А. Р. Вильямс в своей книге «Путешествие в революцию».

Так как групповой «натиск» на Петерса не совсем удался, то Луиза Брайант подумала, что его скорее всего можно «окружить» в одиночку. Этот случай Луизе, при ее энергии, быстро представился. Как было в подробности, она не рассказывала, но Петерс с ней был более откровенен. Почему? Возможно, потому, что Петерс в глазах Луизы Брайант, как она сама сказала, был в то время «вдохновенный юноша с мягкими манерами».

Через шесть лет Луиза писала в своей книге «Зеркала Москвы» так: «Ленин очень доверял Петерсу... Петерс очень гордился этим доверием. Однажды он сказал мне, когда я жила в небольшом переулке у Невского проспекта: «Ленин находится недалеко от этого дома».

В то время я плохо поняла, какой важный секрет он доверил мне... В 1917 году он перевел для меня очерк жизни Керенского, а за чашкой чаю разъяснил мне много вещей о революции, которых я не понимала».

Узнала Луиза секрет или не узнала, но она не подвела Петерса, и в течение шести лет, до 1923 года, сказанное

им тогда о Ленине она не поместила ни в одну свою публикацию.

Потом Петерс исчез из поля зрения американцев. А месяц октябрь досчитывал последнюю свою неделю. В это время Е. Петерс и М. Лашевич — комиссары Петроградского ВРК — находились в Ревеле. Задание было трудным: на месте помешать переброске в Петроград войск с фронта, еще способных слушать Керенского, а заодно быстрее послать на помощь в Питер революционных солдат и матросов. Вместе с Кронштадтом и Гельсингфорсом (там действовали другие комиссары) свою подмогу окажет Питеру Ревель. Потом Петерс увидит этих революционных парней в деле. Скажет себе: «Хороших ребят отобрали с Лашевичем. Им не страшен ни черт, ни Керенский!..»

Ленин, которому до этого пришлось скрываться, готовился перейти в Смольный. Стихия борьбы все более подчинялась его твердому руководству.

Как-то в эти дни Ленин и встретил молодого, небольшого ростом, крепкого человека в солдатской форме. У него было озабоченное, несколько измученное, но доброе лицо, немного курносый нос и вьющиеся волосы, с заметной белой прядью. Он назвал себя, и Ленин тут же сказал:

— Наслышался о вас, Яков Христофорович¹. Говорят, что если бы вы ходили в атаки на фронте, то наверняка получили бы Георгиевский крест. Наше дело требует не меньшей смелости. Мы ведь делаем еще неведомое...²

Потом в заботах и кутерьме жарких, полных неожиданностей дней они встречались неоднократно, и Ленин всякий раз убеждался, что Петерсу была чужда напускная революционность, красивая поза, которой страдали шумные, крикливые на словах радикалы. Ленину нравились такие люди. В своей среде Ленина называли «Старик»,

---

¹ Среди русских товарищей Екаба Петерса называли, как принято на Руси, Яков Христофорович Петерс, под этим именем он и значится в справочниках и энциклопедиях.

² Об этом эпизоде Петерс рассказывал позже близким.

произносили это имя уважительно. Потому что «Старик» думал и судил обо всем удивительно свежо и молодо, привлекая к себе с неодолимой силой. Но работать рядом с ним было совсем не просто. Петерсу бывало куда как нелегко. Потом он признавался: «Часто на закрытых заседаниях ЦК партии Ленин вносил определенные предложения, основанные на своем анализе положения дел. Мы голосовали против. Позже оказывалось, что Ленин был прав, а мы нет».

Такие промахи изрядно угнетали Петерса. Ленина они не смущали: опыт ему подсказывал, что в революции даже умные, много знающие могут ошибаться и что она иначе не победит, если поднявшиеся на борьбу не овладеют тонким искусством «лепить» историю. Надо только постоянно этому учиться! Смело исправлять свои ошибки!

Октябрь — революция необычайной смелости — застаёт Петерса делегатом II Всероссийского съезда Советов. В состав ВЦИК съезд избирает 62 большевика, среди них Екаба Петерса. К нему постоянно, как к знатоку английского и немецкого, посылали всех иностранцев.

Петерса захватила огромная созидательная деятельность, которая теперь начиналась большевиками в России, хотя казалось порой, что все только ломалось и рушилось. Была работа — необходимая, черная, повседневная. Неудержимо несся поток революции, Петерс был им захвачен и сам творил его, давал ему силу. Через десятилетия, когда многое сотрется в памяти людей, близкий Екабу человек — жена скажет, что «у Петерса с Октября 1917 года биография начинается особенно интересная». Так оно и было! Время, когда Петерса унижали, преследовали, в лучшем случае терпели, кончилось. Он не знал, что будет с ним в революционной России, но он вверился ей полностью, и Россия его благодарила, создавала Екабу имя, делала его настоящим революционером: сильным и благородным.

Петерс вошел в состав Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Комитет сотрясают волны

людских требований — вызывающих, неотступных. Ничего нельзя ни отложить, ни оставить нерешенным...

Прибывают вооруженные делегаты воинской части с резолюцией: убрать командира-контрреволюционера — в часть отправляется комиссар ВРК. Иностранный журналист просит пропуск проехать в Москву — разрешение выдается. Надо утвердить членов следственной комиссии по делам свергнутого правительства Керенского — Петерс от имени ВРК подписывает бумагу. Выдается удостоверение А. М. Дижбиту о назначении его комиссаром по делам беженцев. В Зимнем дворце обнаруживаются склады вина (туда уже потянулись толпы пьяниц и искателей легкой наживы) — дежурный ВРК думает: не замуровать ли все входы на склады? И передает вопрос на заседание ВРК, не прерывающего свои жаркие дебаты даже ночью. Не хватает комиссаров в полках, а вот уже требуются комиссары по охране музеев и дворцов...

Исполняя еще и обязанности представителя ЦК СДЛ в Центральном Комитете РСДРП(б), он в середине декабря спешит в Латвию. В Валмиере собирается Второй съезд Советов Латвии, провозглашающий установление Советской власти на территории, не занятой немцами. Сохранилось выступление Петерса на съезде. Он звал к поддержке Октябрьской революции, к созидательному труду, чтобы «на развалинах старого строя построить новый строй, который выражал бы волю широких масс». Завершая свою страстную речь, он сказал: «Я надеюсь, что вы, товарищи, также героически возьметесь за этот созидательный труд. Я призываю все массы поддерживать Советскую власть на местах так же крепко, как в Петрограде».

Петерс возвратился в Питер, который все более становится похожим на военный лагерь. Силы, лишенные народом власти, бросились собирать всех, кто не принимал революцию, стали плести заговоры, тайно сколачивать военные организации. В начале декабря 1918 года В. И. Ленин получит сообщение об участии американских офицеров

**Петерс. Лондон.
1910 г.**

**Е. Петерс
(четвертый слева в 1-м ряду),
Ф. Дзержинский среди членов
коллегии ВЧК**

ЗАГОВОР ЛОККАРТА

АНТАНТА

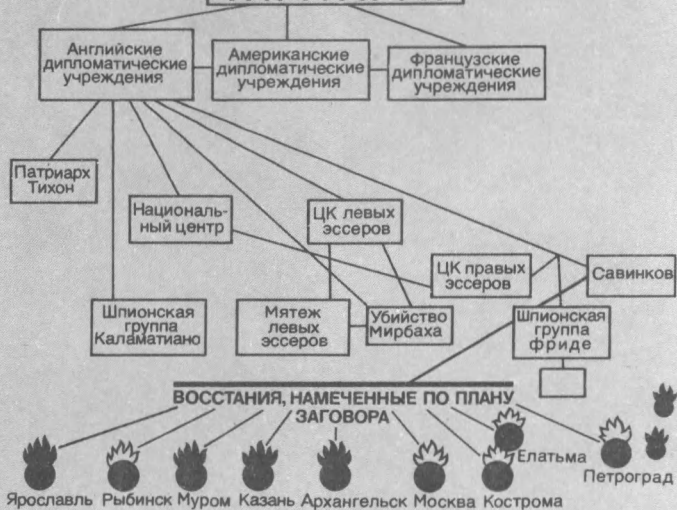

Схема связей заговора Локкарта

Э. Берзиль

**Я. Буйкис
(Шмидхен)**

**Петерс в штабе
обороны Петрограда.
1919 г.**

Петерс и Дзержинский

Е. Петерс (3-й слева во втором ряду),
далее слева направо:
И. Сталин, Я. Рудзутак,
Я. Фабрициус среди латышей —
делегатов XIV съезда РКП(б). 1925 г.

Петерс с сыном Игорем

**А. З. Петерс
(фото 80-х годов)**

На вечере
памяти Петерса в Никраце.
1986 г.

в выступлении Каледина и особо укажет Г. И. Благонравову¹ и В. Д. Бонч-Бруевичу² на то, что «аресты контрреволюционеров, которые должны быть проведены по указаниям тов. Петерса, имеют исключительно большую важность, должны быть проведены с большой энергией. Особые меры должны быть приняты в предупреждение уничтожения бумаг, побегов, сокрытия документов и т. п.».

Как ни напряженно работает ВРК Петроградского Совета, как ни выбиваются из сил посланные на места комиссары (люди спят урывками или почти не спят) — забот становится не меньше, а вылазки контрреволюции яростнее и наглее. Стало ясным, что большевикам нужна организация, которая непосредственно повела бы борьбу со всякими контрреволюционными действиями. Логика борьбы привела к необходимости в конце семнадцатого года создать ВЧК — Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Рождалась организация, необычная, не имевшая аналогов в прошлом. Возникла, не имея ни достаточно сил, ни умения, ни опыта. Председателем ВЧК был назначен Ф. Э. Дзержинский, Ксенофонтов — секретарем, казначеем, а потом заместителем и председателем Революционного трибунала — Е. Петерс. О ее создании, и о приемных часах (с 12 до 17) известили газеты.

В дом бывшего градоначальника по Гороховой пришел Дзержинский и объявил — начинаем работу. Канцелярия нового учреждения вместились в его портфеле, касса с мизерной суммой (вначале 1000 рублей, потом еще 10 000 для организации ВЧК) — в столе у казначея Петерса.

Собрались вместе сначала всего несколько человек. Кроме Дзержинского и Ксенофонтова — Петерс, Евсеев,

---

¹ Г. И. Благонравов — Чрезвычайный военный комиссар Петрограда.

² В. Д. Бонч-Бруевич — председатель Комитета по борьбе с погромами.

Лацис, Орджоникидзе... Потом в ВЧК придут бывшие члены ВРК — Фомин, Ильин, Шукин, Озолин, Веретенников. Лациса направят в Казань возглавить армейскую ЧК. Комиссия почти сразу же понесет и невосполнимые потери: при ликвидации «черной гвардии» анархистов погибнут двенадцать чекистов, а сам Дзержинский (он руководил операцией вместе с Петерсом) получит ранение. Поначалу вооружены были чекисты пистолетами или револьверами, а встречали их зачастую пулеметные очереди.

ВЧК рождалась, «когда кругом царили саботаж, хулиганство, грабеж; когда бывшие офицеры, генералы и чиновники организовали свои банды, переправляя Каледину и Алексееву кадры для контрреволюционных отрядов» — так оценивали положение «Известия ВЦИК». Было и другое. «ВЧК не только начала свою работу без аппарата. ...Нужно было выдержать героическую борьбу и проделать колоссальную работу, чтобы доказать рабочим, что в момент, когда кругом бушуют волны гражданской войны, когда буржуазия в стране еще не задушена, необходимо было специальное учреждение, стоящее на страже тыла революции», — писал впоследствии Петерс.

Вначале в ВЧК брали только коммунистов. Потом в комиссию потянулись беспартийные рабочие, честные, энергичные, понявшие ее задачи и необходимость. Зачислялись и левые эсеры. В их адрес высказывались сомнения, но делать было нечего — коммунисты имели с ними блок (левые эсеры входили поначалу и в Советское правительство), и ничто пока не предвещало будущих острых коллизий. К марту 1918 года сотрудников набралось около 120 человек, а в конце года, по словам Петерса, их было не более 500. И это против многотысячных сил хорошо подготовленных и вооруженных контрреволюционеров!

«Неприятно было идти на обыски и аресты, видеть слезы на допросах. Не все усвоили, что пусть мы и победили, но, чтобы удержаться у власти, мы должны беспощадно бороться, не останавливаясь ни перед какими трудностями,

и не поддаваться никакой сентиментальности, иначе нас разобьют, подавят, и мы снова станем рабами», — говорил позже Петерс.

Проявлялось то, что хорошо и критически было подмечено еще одним мудрым чекистом — В. Р. Менжинским, сказавшим, что ВЧК «развивалась с трудом, с болью, со страшной растратой сил работников, — дело было новое, трудное, тяжкое, требовавшее не только железной воли и крепких нервов, но и ясной головы, кристаллической чистоты, гибкости неслыханной и абсолютной, беспрекословной преданности и законопослушания партии».

Шаг за шагом вырабатывались методы и приемы борьбы. ВЧК приобретала имя и популярность у трудящихся и вызывала злобу, ненависть и страх у врагов Советской власти. Развязанная контрреволюцией гражданская война учила и научила понимать логику самых острых форм вооруженной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Война была крайне трудной, кровавой, ожесточенной, победы перемежались с неудачами.

В начале пути молодая революция, как все новое, смотрела на мир романтизированными глазами, он часто представлялся ей в идеализированном облике. Убежденной, и не без основания, что в своей основе она несет подлинный гуманизм, революции хотелось сразу проявить эти свои качества.

Вот тому пример. В конце 1917 года в Петрограде состоялся один из первых процессов, проведенных Революционным трибуналом. Судили графиню С. Панину, контрреволюционную даму, ходившую в вождях кадетской партии и ближайшую сторонницу свергнутого Керенского. Она присвоила 93 тысячи рублей казенных денег. Вторым подсудимым оказался монархист В. Пуришкевич, помещик-черносотенец и организатор еврейских погромов в царской России. В его доме во время обыска были обнаружены оружие и контрреволюционные документы. Трибунал вынес крайне мягкий приговор. Графине Пани-

ной выразить строгое осуждение перед лицом всемирного революционного пролетариата. Присвоенные ею деньги передать в распоряжение народного комиссара просвещения А. В. Луначарского. Саму графиню освободили. Пуришкевич получил лишь краткий срок тюремного заключения. Но вскоре и он вышел на свободу. Вспоминая казус с Пуришкевичем, известный чекист Мартин Лацис рассказывал, отвечая тем, кто на Западе и в России трубил об «ужасах чрезвычайки»: «Мы, например, освободили Пуришкевича... А этот «рыцарь» остался верен себе и не одного потом из наших товарищей угнал в петлю».

Трибуналу хотелось показать свой гуманизм и человечность. Он это делал, надеясь, что мир сразу же начнет изменяться под воздействием таких примеров. Иллюзии? Разумеется, но их разделяли тогда многие, в том числе и Петерс, председательствовавший в трибунале. Контрреволюционных генералов нередко отпускали под честное слово, что они не будут больше вредить революции.

Первое время врагу зачастую удавались хитрость и обман, акции коварства и вероломства. А вскоре контрреволюция развязала открытый белый террор.

Испытывая лишения, теряя все больше и больше лучших своих представителей, рабочие и солдаты сами заговорили о «мягкотелости к своим классовым врагам». Писали об этом с тревогой в газеты. Российская революция не хотела покорно идти на плаху. Налетевшие испытания заставляли ее взрослеть, выходить из своего отрочества, острее сознавать глубину опасности и цели врага.

Петерс теперь редко находился на Гороховой, чаще — в лабиринтах города, который, казалось, был опутан невидимой опасной сетью. Чай со слипшимися леденцами в кругу друзей казался навсегда ушедшей идиллией: пили кипяток, очень редко морковный чай. А забот все прибавлялось — контрреволюция не дремала.

Петерс проявлял решительность и беспощадность к вра-

гам, за это они прозвали его «охранником». Он знал, откуда это пошло. В Россию доходили «почтенные» газеты Запада, такие, как «Таймс», где его называли не иначе, как «кровожадным тираном» и «безнравственным» — как же, бросил свою семью в Лондоне. На обвинения в безнравственности можно было махнуть рукой, в них выражалась бессильная классовая злоба и обыкновенная глупость. Но он переживал и боялся, боялся за Мэй. Устоит ли она под напором клеветы на ее мужа? Письма из Лондона прилетали редкой птицей. Сам он мог посылать их лишь изредка с okazji, да и как-то выходило, что все больше спрашивал о маленькой Мэй. Наслышавшись и начитавшись всего о своем муже, Мэй-старшая терялась, судорожно листала газеты. Родственники ссылались на ту же «Таймс». Мэй, прочитав об очередных «ужасах ЧК», нервно шептала: «Какой кошмар!» И все реже и короче отвечала на письма Джейка.

В марте 1918 года правительство Республики переехало в Москву. Руководил этим Вл. Бонч-Бруевич; ему помогали латыши Е. Петерс, К. Петерсон и Э. Берзинь, отвечавшие за охрану поезда. Переехала в Москву и ВЧК, заняв дом на Лубянке, в котором раньше помещалось страховое общество. В первый же день анархистствующие хулиганы застрелили ее сотрудника, когда он зашел в чайную и сел за столик. Дзержинский потребовал разыскать убийцу, разоружить анархистов, их «черную гвардию».

Обстановка в Москве отличалась от петроградской. Здесь шумно, с перестрелками, пьяными налетами действовали всевозможные анархистские организации. Они считали себя истинной властью или по крайней мере «параллельной» Советской. Из своего штаба на Малой Дмитровке анархисты командовали «черной гвардией», выдавали «ордера» на аресты. Обвешанные оружием и гранатами, они потрошили и обыскивали квартиры, прибирали к рукам приглядевшиеся особняки и вывешивали на них черные флаги. Захваченное имущество шумно (не без саморекламы) раздавали обывателям.

Для ЧК не представляло большого труда проникнуть в анархистские «коммуны», жившие беспечно, принимавшие каждого, кого влекла «вольная доля». Выяснилось, что в них собрались в основном обыкновенные хулиганы и бандиты, «идейных анархистов» оказалось не больше чем один из двадцати.

ВЧК приобрела уже определенный опыт — ведь бандитизм и хулиганство зимой 1917/18 года, по словам Петерса, приняли в Петрограде «ужасающие размеры». И чекисты с этим тогда справились. Поэтому в Москве хватило одной операции, чтобы «параллельной» власти фактически не стало. 13 апреля «тысячная армия хулиганов, занимавшая десятки особняков и терроризировавшая население Москвы, была ликвидирована в течение одной ночи» (Петерс). Не без жертв, конечно, с обеих сторон. Остались, правда, рассеянные и деморализованные группки да фальшивомонетчики, печатавшие миллионные купюры. Этим отрядом преступного элемента отныне занимался в основном уголовный подотдел ВЧК.

Чекистов, однако, ждали куда более трудные испытания.

МОЖНО ЛИ РЕВОЛЮЦИЮ ДЕЛАТЬ ДЕЛИКАТНО?

В кабинет Петерса принесли кованный среднего размера сундук. Екаб ввел правило: все подозрительное, сомнительное, важное — предметы, ценности, бумаги — должно было немедленно доставляться к нему. И вот перед ним ларец, опоясанный позеленевшей латунью.

- Откуда он?
- Из отряда Попова¹.
- И что в сундуке?

---

¹ Д. И. Попов — левый эсер, в то время командир отряда при ВЧК.

— Не знаем,— чекисты пожимали плечами,— может, золото... Чудной замок — не открывается.

— Не открывается, говорите,— с усмешкой поглядывал Петерс то на товарищей, то на запертый сундук,— а если бахнет?..

— Бомба?.. Не может... без сердца надо быть, чтобы такую работу, как картинка, и враз на воздух,— засомневались чекисты.

Петерса отвлекли другие дела, более неотложные, и на какое-то время он выбросил сундук из головы.

...В Москве открывался V съезд Советов, он должен был вынести окончательное мнение относительно Брестского мира¹. Левые эсеры требовали: «Долой Брест, да здравствует восстание против немцев!» Они вели линию на то, чтобы втянуть страну в «революционную» войну с Германией, в войну, которую народ не мог и не хотел тогда вести. Не добившись поддержки на съезде, левые эсеры стали действовать по плану, заранее ими разработанному и тайно поддерживаемому иностранными силами. Трудности были и в большевистской партии; даже в Центральном Комитете не все поддержали Ленина. 6 июля на съезде продолжались ожесточенные споры.

...На звонок телефона, раздавшийся в ВЧК, Петерс ответил сразу же. Сообщение было ошеломляющее — о взрыве в Денежном переулке, в германском посольстве. Екаб тут же вскочил и помчался к Дзержинскому. На пути попался шофер Сергей Тихомолов, ему он приказал выехать к подъезду, быть наготове. Разговор у председателя ВЧК был коротким.

— Нет, товарищ Петерс, не вы, а я поеду туда!.. Это провокация! — Дзержинский, сопровождаемый несколькими сотрудниками, выехал на своем «паккарде».

¹ По Брестскому договору от 3 марта 1918 г. от Советской России отторгались значительные территории, ставились другие невыгодные условия; договор был навязан германским империализмом, но он давал возможность передышки Советской власти.

Взрывом убило посла — графа Мирбаха. Дзержинскому показали документы, предъявленные убийцами: мандат ВЧК (с поддельными подписями Дзержинского и члена коллегии ВЧК Ксенофонтова), печать на нем была подлинной (потом окажется, что ее поставил левый эсер В. А. Александрович, бывший в то время зампреда ВЧК). Выяснили и личность убийцы — левый эсер Я. Г. Блюмкин, скрывшийся в отряде Д. И. Попова, где, как потом выяснилось, был центр мятежа.

Дзержинский туда и поехал. В здании его окружили враждебные лица — ближайшие сотрудники Попова. Бледный от негодования, председатель ВЧК потребовал выдачи убийц. К Дзержинскому вышли члены ЦК левых эсеров П. П. Прошьян и В. А. Карелин.

— Блюмкина мы не выдадим. Граф Мирбах убит по приказу нашего ЦК, и мы принимаем на себя ответственность за этот акт.

Тут же Дзержинский и сопровождавшие его были арестованы. Шофер Тихомолов оставался во дворе в машине. Вышли два матроса, взяли его под руки, повели; Сергей увидел Александровича.

— Ты за кого? — спросил тот.

Догадываясь, что происходит что-то неладное, Сергей выпалил:

— Я за Советскую власть!

Александрович упорно сверлил его колючим взглядом. Сергей добавил:

— Я за Ленина!

— Его туда же! — сказал Александрович, и два матроса толкнули его в комнату, где уже был Дзержинский. Очень взволнованный, председатель подошел к Сергею, сказал:

— Я все слышал. Вы молодец. Они еще ответят за все!..

С убийством Мирбаха Советская Россия оказалась на волоске от войны. И ситуация час от часа ухудшалась. Левые эсеры начали военные действия, заняли центральный телеграф, призвали части гарнизона их поддержать, стали

расставлять военные посты в Москве, захватывать учрежденческие автомобили, брать заложников. Мятежники планировали захват Кремля, арест Ленина и всех неугодных им делегатов съезда.

Дело шло к насильственному изменению политики Советской власти. Как потом выяснилось, мятежники располагали почти 2 тысячами штыков, 8 орудиями, 64 пулеметами, несколькими броневиками. Левые эсеры вероломно разрывали свой союз с коммунистами, с Советской властью, а те, что были в ВЧК (Александрович, Попов), использовали свое положение, чтобы попытаться отрезать «головку» ВЧК, перетянуть основные ее силы на свою сторону или нейтрализовать их. Непосредственно в ВЧК треть сотрудников была левозэсеровской.

Петерс терпеливо ждал сообщений от Дзержинского. Но ничего достоверного не поступало. Стало только известно, что убит германский посол. Екаб быстрым шагом отправился к Большому театру, где заседал съезд Советов. С ним был его помощник Иван Павлуновский, за месяц до этого начавший работу в ВЧК, партиец с пятого года. Он выполнял в Петроградском ВРК важные поручения и доказал, что на него можно во всем положиться. У театра Петерса ожидал член коллегии ВЧК В. В. Фомин. Здесь же оказался и Александрович, который сказал:

— В отряде Попова что-то неладно. Поедем, разберемся.

Екаб переглянулся с Павлуновским, пожал плечами (Петерс отвечал за охрану делегатов и не мог далеко удаляться, Александрович это знал). Провокация не удалась.

В театре Петерс узнал подробности: левые эсеры начали мятеж, арестовали Дзержинского. Этому трудно было поверить, но Екаб давно привык к неожиданностям.

Мятеж левых эсеров крайне обострял политическую ситуацию, грозил очень серьезными последствиями. В. Д. Бонч-Бруевич рассказывал, что, получив известие о том, что случилось с Дзержинским, «Владимир Ильич нель-

зя сказать побледнел, а побелел. Это бывало с ним тогда, когда охватывал его гнев или нервное потрясение при весьма опасных и неожиданных обстоятельствах».

В Большом театре, на съезде, где страсти то затихали, то накалялись, пока ничего не знали о происходящем. Среди гостей съезда были иностранные дипломаты: в директорской ложе сидел английский представитель Локкарт, рядом — французский генерал Лаверн, члены других миссий. Они слушали выступавших рассеянно, выражение их лиц было такое, словно вот-вот узнают о чем-то экстраординарном. Сведения должен был доставить английский агент с паспортом на имя сэра Рейза, якобы корреспондента телеграфного агентства Рейтер.

И вот «сэр Рейз» мягкой, кошачьей походкой вскользнул в ложу к Локкарту, он сообщил давно ожидаемое — в городе происходят вооруженные столкновения и совсем неприятное — театр оцепили латышские стрелки, ими заняты все выходы. Лица дипломатов вытянулись, господа судорожно стали рыться в карманах, отыскивали какие-то бумаги, рвали их на мелкие клочки, засовывая обрывки под обшивку бархатных кресел.

Инициативу в борьбе с мятежниками взял на себя Петерс, он стал действовать, не ожидая ничьих указаний, исходя из обстановки. Дзержинский, к сожалению, помочь теперь не мог.

«В отряде Попова решились на арест председателя ВЧК, значит, отряд теперь против нас? А у них сила не малая, на довольствии тысяча человек, но реально будет около 600 бойцов!» — размышлял Петерс. Они с Фоминым без шума отвели «поповцев» из охраны Большого театра и заменили их бойцами из отряда самокатчиков, служивших в ВЧК. Усилили охрану латышскими стрелками, особенно на выходах из театра. Низкие, приземистые автоброневики у театра заурчали трескучими моторами, развернулись, угрожая пулеметами. Павлуновский остался с охраной, строго потребовал от нее бдительности и неуступчивости.

Петерс вернулся на Лубянку, позвал к себе членов коллегии ВЧК коммунистов Лациса, Фомина, Полукарова и других; договорились о плане действий, распределили обязанности. После этого позвонил в штаб Попова, потребовал к телефону Дзержинского. Там распорядился Александрович, который сначала соврал — мол, Дзержинский занят, а потом признал, что председатель ВЧК под арестом и к телефону его не допустят. Петерс резко сказал в трубку:

— Вы себя ставите вне закона, и ВЧК примет меры! — бросил трубку на рычаг.

— Сволочи и каналы! — добавил он слова, очень редко при его мягкости и деликатности им произносимые. Между бровями у Екаба легла тяжелая складка, как и всегда в минуты крайнего напряжения сил.

Вскоре Петерсу передали требование Ленина: задержать фракцию левых эсеров на съезде в качестве заложников. Он поспешил к Большому театру, оставив за себя Лациса, уверенный, что на Лубянке теперь все в порядке. Но Екаб еще не дошел до театра, как к Лацису ворвался наряд, посланный Александровичем. Мятежники заняли здание ВЧК, арестовали Лациса.

Взяв Большой театр под полный контроль, латышские стрелки приступили к операции. Со сцены объявили, что большевистская фракция хочет провести свое отдельное заседание — это в общем-то никого не удивило, такое тогда бывало часто. Большевики покинули театр и направились на Большую Дмитровку. Тактическая уловка поначалу удалась. Но она раскрылась, как только левые эсеры тоже попытались покинуть театр, а их стали задерживать и возвращать в зал. Им пришлось сдать оружие.

К выходу заторопились и представители дипломатических миссий. Проверив документы, дипломатов выпустили. Долго рассматривали паспорт и корреспондентское удостоверение «сэра Рейза», но выпустили и его.

Левым эсерам объявили, что они задерживаются до особого распоряжения, и (как того требовал Ленин) было еще

сказано, что за жизнь Дзержинского и других арестованных товарищей авантюристы ответят своими головами. М. А. Спиридонова — лидер левых эсеров — и группа ее ближайших сообщников остались в театре и были нейтрализованы.

Неожиданно захватившие здание ВЧК мятежники устраивались в нем, выставили охрану. У Петерса под рукой еще были силы и можно было попробовать выбить эсеров оттуда. Но хватит ли бойцов? Не слишком ли много будет жертв?

Петерс пошел на хитрость. Он позвонил секретарю ВЧК Левитану и предложил передать начальнику караула приказ, якобы поступивший от самого Попова: выслать людей в Сокольники для «ареста банды контрреволюционеров». Левитан так и сделал, и часть мятежных солдат выехала в Сокольники. Позиции «поповцев» ослабли. Находившиеся в ВЧК члены коллегии И. К. Ксенофонтов и В. И. Савинов, воспользовавшись измененной ситуацией, вызвали отряд балтийских моряков под командованием А. Я. Полякова и с их помощью обезоружили караул, выставленный левыми эсерами, арестовали около 40 солдат. Контроль над зданием ВЧК полностью перешел в руки тех, кто остался верным Советской власти.

Во двор на Лубянку въехал «паккард», и из него выскочил шофер Сергей Тихомолов. Оказалось, что мятежникам понадобилась машина и они приказали Сергею сесть за руль. Куда-то приехали, остановились, Тихомолову наказали ждать. Но как только заговорщики ушли в дом, Сергей дал газ, резко рванул и скоро уже был на Лубянке. Рассказал, что знал, а главное — сообщил несколько паролей и отзывов, подслушав их, когда ездил с эсерами по городу. Это было кстати!

В ночь на 7 июля Петерс прибыл в ВЧК. В эти часы он принял на свои плечи новое бремя — был назначен временно председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии. И не лишними здесь будут высокие слова — взял на себя

огромную ответственность за все, на чем держалась в эти дни Советская власть.

Свою позицию к происходящему, отношение к Брестскому миру он выразил так: «Ленин всегда честен с рабочими. Он не вертится, как флюгер на ветру. Ленин, защищая Брестский мир, откликнулся на изменение объективных условий».

За плечами Екаба были уже и чекистский опыт, школа Дзержинского, который, по словам Петерса, «делал много сам, а главное — учил своим примером... как надо работать».

Теперь от каждой революция требовала все без остатка — ум, руки, наконец, если понадобится, жизнь. Ибо решалась судьба страны. Чтобы обезопасить центр ВЧК, Петерс приказал выставить сторожевые посты от Сретенки до Кузнецкого моста, исполнение проверил лично. Подкреплений ждать было неоткуда.

Пришедшему ночью сотруднику «Известий ВЦИК» Петерс сказал:

— Видите сами, сейчас говорят винтовки!

До утра наборщики типографии успели скомпоновать обзор «Город ночью», где, в частности, говорилось: «У входа в ВЧК дежурит большой отряд вооруженных матросов и латышей. В самом помещении... расположилась масса вооруженных защитников, по лицам которых можно судить, что у них напряженное и в то же время бодрое настроение.

В одной из комнат, где помещается кабинет тов. Петерса, царит оживление... принимаются доклады начальников отрядов, трещат телефоны. Ставший во главе комиссии во время задержания тов. Дзержинского молодой и энергичный тов. Петерс совершенно спокойно делает распоряжения по объединению всех мер, направленных для безболезненной ликвидации безумной провокации».

Ликвидировать мятеж Ленин поручил Председателю Высшей военной инспекции Н. И. Подвойскому, командующему Московским военным округом Н. И. Муралову и ко-

мандиру латышской стрелковой дивизии И. И. Вацетису.

К концу дня пошел дождь. В комнате, где Вацетис изучал карту города, оперативные данные, зажгли свечи, так как электрическая станция не работала. Сведения были не утешительны: под покровом густого вечера левые эсеры захватили Главпочтамт, начали рассылать антисоветские воззвания. Посланные отбить почту две роты успеха не имели, многие перешли к эсерам. Начальник штаба дивизии, подчиненной Вацетису, бывший полковник царского генштаба отказался от должности, покинул штаб.

— Вы революционеры. Вы знаете, за что вы погибаете, — оправдывался он, — а я за что?

Вацетис назначил нового начальника штаба, стал срочно собирать силы, находившиеся в Москве: латышские стрелки, образцовый полк, школа курсантов. Надежных было крайне мало — их давно поглотили фронты. Троцкий, тогда народный комиссар по военным делам, потребовал немедленно отстранить Вацетиса от командования, мотивируя это тем, что тот — кадровый полковник старой армии, воспитанник Академии генерального штаба, хотя после Октября и вставший на сторону Советской власти. Члены ЦК Латвийской социал-демократии, к которым обратился Ленин с запросом о Вацетисе, поручились за надежность бывшего полковника. Троцкий, однако, не успокоился. Настоял (во имя революции!), чтобы к Вацетису приставили четырех комиссаров. Ночью Троцкий несколько раз звонил: не сбежал ли полковник?..

Комиссар латышской дивизии К. А. Петерсон намекнул Вацетису на свержительность известного лица и положил руку на его плечо: держись, мол, дружище.

В два часа ночи 7 июля Подвойский и Вацетис прибыли в Кремль, где было темно и пусто. Огромное помещение освещалось лишь маленькой электрической лампочкой, подвешенной высоко под потолком. Ленин вышел из-за двери и быстрым шагом подошел к Вацетису. Тот доложил: не позже 12 часов дня «мы будем полными победителями в

Москве». Ленин крепко пожал ему руку, сказал отрывисто, горячо:

— Спасибо, товарищ. Вы меня очень обрадовали.

Утром 7 июля Москва тонула в густом тумане. Серобелая пелена где затрудняла, а где и облегчала действия преданных Вацетису стрелков и красноармейцев. Ночью все же удалось выбить левых эсеров из Главпочтамта. А с утра взялись очищать от них узкие переулки, снимать мятежные посты на Яузе. Эсеры собрали силы на Чистых Прудах.

Петерс связался с Вацетисом. До этого они близко друг друга не знали. Во многом были разные люди, в революцию пришли неодинаково: один — еще недавно царский офицер, хладнокровный, сдержанный; другой — давно уже революционер, страстный, неумный. Понимая, что сейчас переживает Вацетис, Петерс не стал к нему обращаться официально. Назвал просто Иоаким и заговорил по-латышски. Тот охотно ответил:

— Спрашиваешь, как мои дела. Сам можешь догадаться: не очень...

— Я хотел бы тебе помочь, Иоаким...

— А у тебя что-либо есть в наличии? В нашей ситуации одного желаня мало.

— Понимаю. Но я действительно мог бы собрать сотрульников ВЧК, отряд Полякова, свеаборжцев...

На другом конце провода было тихо — Вацетис думал. Не торопясь, ответил, что согласен. Подумал и добавил, что должна быть полная гарантия, поэтому люди должны действовать решительно.

Вацетис всеми своими силами продолжал борьбу с эсерами, сжимал железное кольцо. Вот подкатили орудия к бывшему особняку миллионера Морозова, где расположилась «головка» эсеров, их ЦК. Командовал пушками Э. Берзинь. С балкона особняка застрочил пулемет.

— Я их отвлеку! — крикнул оказавшийся здесь Иван Павлуновский и бросился с небольшой группой чекистов на-

право. Пулемет перенес огонь в сторону бежавших. «Погибнут ребята!» — подумал Берзинь, и придвинул орудия еще ближе к особняку. Ударили шрапнелью и картечью. Один снаряд влетел в окно здания. Посыпались стекла, задрожали стены. Мятежники, потеряв управление, бросили особняк, многие из них устремились на Курский вокзал, полагая удрать из Москвы. Павлуновский действовал смело, но потерял двух бойцов.

Улицу за улицей очищал от мятежников отряд матросов Полякова, в нем было более 100 человек. Чекисты помогли освободить от левых эсеров типографии в Ваганьковском переулке, разоружили на станции Химки отряд моряков, направленный левыми эсерами из Петрограда в Москву на помощь Попову. Мятежники не выдержали и на Чистых Прудах. В безнадежном состоянии они обстреляли из орудий Кремль, здание Совнаркома, но получили сокрушительный отпор и стали разбегаться. Вскоре освободили Дзержинского, Лациса и других чекистов.

К исходу операции было взято и разоружено более 400 мятежников, захвачены орудия и автомобили. Подвойский и Муралов докладывали в Совет народных комиссаров: «Крайне рискованная и тяжелая задача была выполнена с неподражаемой лихостью».

Из хроники тех дней: 7 июля Ленин приезжает на Лубянскую площадь, где собрались латышские стрелки во главе с И. И. Вацетисом, и благодарит их за проведенную операцию по подавлению левоэсеровского мятежа.

На Московском вокзале захвачен Александрович. Он обрил голову, сбрил усы, но разведчики ВЧК его узнали, привели к Петерсу. Предатель то винился, то клял свою судьбу и вдруг разразился истерикой, долго плакал.

Прояснилось и с кованым сундуком, что доставили из отряда Попова. По приказу Петерса привели офицера-сапера. Тот быстро и ловко раскрыл, осторожно приподнял металлическую крышку... И когда увидели, что в самом сундуке, молодые и бывалые чекисты ахнули:

— Вот это бомбища!.. Это же «подарок» для вас, товарищ Петерс! Знали, что мы сундук принесем прежде к вам!..

Поймали и Попова. Когда его привели к Екабу и он увидел сундук на столе — шарахнулся в сторону.

— Не бойтесь, Попов, ваша «секретка», как и вся грязная игра, разоблачена, — сказал Петерс. Попов молчал.

10 июля съезд Советов завершил свою работу, одобрив Брестский мир, позорный, крайне тяжелый, но так нужный Советской власти для передышки.

В правительственном сообщении говорилось: «Ликвидация мятежа была вполне достойна первоначального замысла и всего хода этой постыдной авантюры... Поставя перед собой такую цель, как захват государственной власти, вожди левых эсеров, по-видимому, совершенно не оценивали размеров и значения этой совершенно непосильной для них задачи».

Объективные обстоятельства, настроение народа были против авантюры эсеров. На помощь партии Ленина выступили все, кто понимал, что требуется в данный чрезвычайно ответственный момент для защиты революции и Советской власти. Это и решило исход событий.

Петерс прибыл на заседание Московского Совета, сделал доклад о деятельности ВЧК. Во время его отчета меньшевистские политиканы, входившие в Моссовет, кричали ему: «Охранник!» Он приблизился к трибуне, гневно выпалил, как выстрелил: «Я горжусь быть охранником власти трудящихся!» От волнения закашлялся, а зал ответил сильным всплеском одобрения, громом аплодисментов.

Сказанная Петерсом фраза облетела тогда Россию. Во вражеском же лагере изошрялись: «Вот видите, Советы нуждаются в специальной охране, о каком же народовластии Советов может идти речь!» Подхватили эту мысль и правые эсеры, служившие Колчаку и создавшие «свои» правительства за Уралом, в Сибири. Петерс ответил и им: «Каждый гражданин является охранником своей власти. Диктатура пролетариата — это власть классовая, она защищает рабо-

чих. Вы, правые эсеры, охраняете у Колчака господ против рабов!»

ВЧК очистили от эсеровских элементов, в ее коллегии теперь вошли только коммунисты во главе с временным председателем ВЧК Петерсом¹, фактически разделившим на определенный момент с Дзержинским руководство ВЧК.

Позже много напишут о событиях тех нескольких дней, последовавших за убийством графа Мирбаха. Будут разные версии, подробности, детали, основанные на документах и на словах очевидцев. Неизменным останется одно — признание, что при подавлении мятежа левых эсеров Екаб Петерс блестяще выполнил задание Ленина, проявил силу ума и воли, бесстрашие, находчивость, а когда надо — и военную хитрость.

Советская Республика учредила орден Красного Знамени, им награждались выдающиеся военные командиры за отличие на фронтах в борьбе с врагами молодого государства. В числе первых орденов были удостоены Яков Христофорович (Екаб) Петерс и Иван Петрович Павлуновский.

Вскоре Павлуновский с легким вещевым мешком (белье, мыло, бритва да скудный паек на дорогу) выехал на фронт — начальником ЧК 5-й армии.

Вацетис станет командующим Восточным фронтом, с 4 сентября 1918 года — Главнокомандующим вооруженными силами Республики. Ленин высоко ценил этого кадрового офицера, стойкого красного командира, проверенного на деле.

Революция не мстила заблуждавшимся, наказывала действительно виновных. Левые эсеры — не исключение. Свидетельство тому — приговор Ревтрибунала при ВЦИК: «Попова объявить врагом трудящихся, стоящим вне закона, и как такового при поимке и установлении личности расстрелять» (читатель уже знает: Попов был пойман, ему даже устроили «очную ставку» с его адским сундуком).

---

¹ Эти новые обязанности Петерс выполнял до 22 августа 1918 г.

«Прошьяна, Комкова, Карелина, Трутовского, Малеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова, Фишмана — заключить в тюрьму с применением принудительных работ на три года.

Спиридоновой, Саблину, принимая во внимание их особые прежние заслуги перед революцией, смягчить меру наказания и заключить в тюрьму сроком на один год».

ЯДОВИТЫЕ ЗМЕИ

Когда в конце мая был ликвидирован организованный Савинковым контрреволюционный «Союз спасения родины и свободы» с его разветвлениями в Казани, Рязани и других местах, чекисты заметили, по словам Петерса, «причастность к деятельности русской контрреволюции иностранного империализма». По многим признакам можно было полагать, что Запад собирает «деятельных» людей в России, снабжает их деньгами и дает советы. ВЧК получила достоверные данные, что контрреволюция всерьез замышляет арестовать В. И. Ленина, Советское правительство, ликвидировать Советскую власть. Неизвестно было, кто конкретно стоит во главе заговора, кто материально поддерживает заговорщиков. Заметили, что некие подозрительные лица проявляют интерес к латышским стрелкам, собиравшимся вечерами в своем клубе в Питере. Полки латышей охраняли в Петрограде и Москве некоторые ключевые пункты. Это были молчаливые, дисциплинированные, исправно несущие службу красные солдаты. В своей массе они были преданы русской революции, хотя очень надеялись в будущем вернуться на родную землю (по Брестскому договору Латвия была оккупирована Германией).

В ВЧК ломали голову над вопросом: с какой целью и кому именно понадобились штыки стрелков?

Чекисты не сразу разработали удовлетворительную версию. И хотя официальное время работы — с 11 до 22 часов

с двухчасовым перерывом на обед — уже закончилось, не расходились. Неукоснительно действовало правило: не уходить, пока не сделаешь дело.

Снова собрались в комнате Дзержинского за столом, покрытым красным сукном. На стене плакат «Каждая минута дорога!». Высокий Дзержинский сидел несколько сутуловато, собранный и готовый тотчас вступить в разговор. Член ВЦИК Кингисепп неслышно постукивал пальцами по толстому сукну. Скрипник так старательно сворачивал «самокрутку», что, казалось, более важного для него в тот момент ничего не было. Закурил и Дзержинский, тоже «самокрутку» из грубой махорки. Петерс молчал, обменивался взглядами с товарищами, рассматривал бумаги, которые он принес с собой. Все думали об одном, но каждый — по-своему. И потому спорили до хрипоты, выдвигали доводы и контрдоводы — сомнительные отвергали, искали истину. Дзержинский, пройдя тюрьмы и каторги, сохранил бурную натуру, страстно отстаивал свои убеждения, казалось, мог подавить любого в ВЧК своим авторитетом, партийным весом, деловыми качествами, но он никогда не стремился к этому. Упорствующие зачастую могли от него услышать: «Делайте по-своему, но вы ответственны за результаты». И на этот раз версии не выработали.

Вновь собрались у Дзержинского уже за полночь. Предстояло добыть материал, «характеризующий приемы и способы, которыми не гнушаются союзные правительства, все время лживо уверяющие русский народ в дружбе, в уважении к его национальной свободе». Все чаще поглядывали на Петерса, возможно, потому, что его соображения выглядели наиболее реальными. Ему в ту ночь и поручили трудную задачу, тщательно укрытую от чужих глаз и ушей.

В ВЧК не было принято отказываться от заданий, тем более трудных. Не раз слышали такие слова Дзержинского:

— Разве трудное задание не должно выполняться? Если трудные дела мы откладывали бы и не выполняли, то не было бы революции и буржуазия продолжала бы властвовать

над рабочим классом. А если трудное поручение передать другому, то от этого трудность не уменьшится.

Петерс вернулся в свою комнату. Было ясно: необычная по трудности задача требовала и необычных методов действия. Но каких? Складка вновь легла на переносицу.

Петерс обвел комнату невеселым взглядом, словно вообще ее не видел ранее. Все было аскетически просто: несколько венских стульев, черный телефон (никогда не знаешь, какие вести он тебе принесет). Простой стол, на нем чистые листы бумаги, вскрытые пакеты, на некоторых крупные надписи: «Весьма срочно», «По военным обстоятельствам»... Неизменный жестяной чайник и металлическая солдатская кружка. Единственная в комнате роскошь — кожаный диван со сложенным на нем солдатским одеялом, здесь Петерс обычно и спал, чаще всего урывками.

Петерс физически ощутил, что революция не простит недостатка воли, невнимательности, промахов, медлительности, когда Советская Республика под ударами армии белых генералов и иностранных врагов напрягалась из последних сил в сражениях. А ее еще душили и тайными заговорами. Нужно было всего себя вложить в дело защиты революции. Он, чекисты к этому были готовы! Справедливо сказала потом Луиза Брайант: «Если бы Дзержинского и Петерса завтра уволили с работы, то они не имели бы ничего, с чем можно начинать новую карьеру, кроме одетой на них одежды да подорванного здоровья».

Трудные задачи начинают решаться с того, что за них берутся. Петерсу импонировал призыв «Думай, решай и исполняй!». Он вызвал к себе начальников отделов и ближайших помощников. Те сразу же оставили свои комнаты и заспешили мимо тускло освещенных стен, обклеенных приказами, воззваниями и эмблемами рабочей Республики.

Комната Петерса наполнилась молодыми людьми в галифе и сапогах с начищенными голенищами. Петерс так и не полюбил эти галифе — от них, как полагал, отдавало чем-то

напускным, лишь внешне бравым. Он предпочитал сдержанность в одежде, но считал, что люди должны быть всегда подтянутыми и опрятными. Однако чекистская молодежь была не прочь выглядеть молодцевато (как сама это понимала) и роптала, если начальники критиковали ее за это.

Петерс сказал собравшимся, что ВЧК имеет кое-какие данные о заговоре (а именно таковой и можно предполагать). Заговор серьезный, с участием иностранных держав. Но многое не ясно, поэтому нужны свидетельства. Какие? Где их искать? Этого он и сам не знает. Сказал только, что, если в озеро бросают огромный камень, волны от него доходят до берега. Враги действуют активно, значит, имеются секретные приказы, тайная переписка, шифры и коды, главное — люди, хранящие и передающие все это. Их и надо искать. Петерс настойчиво рекомендовал: работать изо всех сил, день и ночь. Подчиненные, кто явно, кто про себя, улыбнулись: ведь и до сих пор был такой распорядок, что никто не мог как следует выспаться. Однако сразу поняли — придется работать еще напряженнее и спать еще меньше.

Петерс добавил, что тяжесть предстоящего боя с заговором, умело готовящимся и беспощадным, предназначена в основном им. Посоветовал привлекать к делу милиционеров, честных рабочих и крестьян. А сознание тревожит мысль: Ильича беспокоит положение в Нижнем Новгороде. Не на Волге ли центр заговора? Может быть, стрелки — лишь отвлекающий маневр контрреволюционеров?

Тогда же командир латыш Шмидхен со своим товарищем Спрогисом приехали в Москву. Они нашли Эдуарда Берзиня, который служил командиром дивизиона латышских стрелков Кремлевского гарнизона, и друзья вечер провели вместе. Выбрав после этого день, Шмидхен и Спрогис пришли на Арбат, дом 19 по Хлебному переулку. Хозяин квартиры — английский дипломат Роберт Брюс Локкарт как раз заканчивал обед. Локкарт не был снобом — он отложил салфетку, вышел к гостям и, пока те говорили, разглядывал их с интересом и одновременно с презритель-

ным сознанием своего превосходства. В первый момент дипломат заподозрил в них провокаторов. Подозрения — они у консула были всегда от профессионально выработанной осторожности — прошли, как только консул уловил в их голосах нотки грустной искренности и Шмидхен вручил ему письмо от Френсиса Кроми — военно-морского атташе, располагавшегося в бывшем английском посольстве в Петрограде. Локкарт легко опознал почерк бравого Кроми, его стиль, которому отвечала, в частности, фраза о том, что он готовится покинуть Россию и собирается при этом сильно хлопнуть за собой дверь. В подлинности письма убедила его орфография. Он улыбнулся: ах, атташе Кроми до сих пор не в ладах с правописанием. В конце Кроми рекомендовал подателя письма как надежного человека, услуги которого могут быть полезны.

Шмидхен (или Смидхен, как послышалось консулу) — бледный, небольшого роста — представился бывшим подпоручиком царской армии, теперь служащим в латышском полку. Он осторожно намекнул Локкарту, что командиры латышских стрелков, в том числе и в гарнизоне Кремля, разочарованы Советской властью, которая приняла Брестский мир и оставила Латвию под игом Германии. Латыши не хотели бы воевать с английским десантом, высаженным в Архангельске, а их (как Шмидхен полагает) готовят послать на север. Вообще же, латыши в России мечтают только об одном — вернуться домой, в свободную Латвию!

Консул сказал, что отлично понимает нежелание латышей сражаться против союзников, но он собирается вот-вот покинуть Россию и сомневается, успеет ли чем-либо помочь. Локкарт улыбнулся гостям, вопросительно посмотрел на Шмидхена, осведомился: имеются ли у подпоручика достойные знакомые из числа упоминавшихся командиров, которым можно доверять как себе? Шмидхен назвал Эдуарда Берзиня.

— Кто он, этот Берзинь?

— Командир особого дивизиона. Мой товарищ и друг.

К слову, он отвечает за охрану Кремля. Охранял поезд Ленина во время переезда правительства в Москву...

Локкарт напрягся, словно ослышался, хотел переспросить, но ограничился тем, что предложил Шмидхену прийти завтра вместе с Берзиным.

«Не поспешил ли?» — подумал Локкарт, когда неожиданные посетители ушли. Несмотря на письмо друга Френсиса Кромби, консул, как истый англичанин, был в согласии с тем, что кушанье должно долго томиться на медленном огне, пока не поспеет. Он не отрицал мысли о том, что надо иногда и потрясти дерево (как говорят в России), но ведь и тогда следует убедиться, зрелы ли на нем плоды...

Весь вечер оставшегося дня английский консул совещался с французами — генеральным консулом Гренаром, генералом Лаверном. Пили кофе, курили сигары, улыбались, довольные друг другом.

15 августа Локкарт в компании Гренара встретил Шмидхена и обещанного Берзиня. Командир особого дивизиона выдался ростом, был подтянут. Его интеллигентное лицо с редкой бородкой выглядело несколько бледновато, как, впрочем, и у Шмидхена (очевидно, командиры питались не лучше своих солдат). Берзинь подтвердил имеющееся недовольство среди командиров-латышей и желание солдат вернуться домой, в свободную Латвию.

Услышанное воодушевило иностранцев. Гренар обратился к гостям со словами, прозвучавшими весьма проникновенно:

— Судя по вчерашнему разговору с господином генеральным консулом, что подтвердилось и сегодня, вас очень интересует судьба Латвии после войны и свержения большевиков. Я директив от своего правительства не имею, но уверен, что Латвия получит самоопределение за ваше содействие.

Локкарт был более определенным, сказал прямо:

— Латыши должны порвать с большевиками, предавшими их родину германскому империализму. И, полагаясь

на будущее, от лица союзных правительств могу обещать: после победы — немедленное восстановление независимой Латвии, свободной!

Консул считал, что теперь обещать можно все. В глазах Берзиня и Шмидхена он усмотрел одобрение.

Незаметно перешли на деньги. Берзинь, гордившийся службой и своим положением, ответил, что его лично материальная сторона интересует мало, он вообще старается не ради денег, а ради разрешения «латышской национальной проблемы». Затем он поведал охотно слушавшим его дипломатам, что из представителей полков создан (при глубокой конспирации!) «латышский национальный комитет» для обсуждения вопросов о «противосоветском перевороте». Возможно, «комитету» некоторые суммы и понадобятся.

Локкарт скептически улыбнулся: он слышал о приверженности латышей к тайным организациям. Лучше бы эти туземцы свою энергию обратили в действия. Но в общем Берзинь Локкарту и французам понравился: патриот-латыш, безбоязненно откровенный, был в царской армии. Правда, теперь служит большевикам, но в их партию не вступил, значит, надо понимать, особыми обязательствами не связан; свободен и свободолюбив. Да, ему доверяли охранять поезд Ленина, но, с тех пор как большевики подписали позорный мир с Германией и отдали родину Берзиня немцам на растерзание, вряд ли он, да и любой другой чувствительный латыш простит все это Советам...

Расставаясь, Локкарт как бы ненароком спросил латышей: где они будут встречаться друг с другом, ведь не в Кремле же? И услышал ответ, что условленное место уже выбрано — Сокольники, у Оленьих прудов. Вопрос выглядел плохо скрытым намеком на то, что Берзиня и Шмидхена могут проверить, например тот же Локкарт. Гости дали понять, что они на это не обижаются. Правда, Шмидхен, будучи завербован бравым и тонким Френсисом Кроми, уже был проверен упоминавшимся выше «сэром Рейзом», который провел еще в Петрограде за

ним соответствующее наблюдение. Локкарт в душе, однако, считал, что только дело покажет, чего стоят эти латыши, свалившиеся, можно сказать, с неба.

А начиналось дело очень рискованное и опасное, похоже, с большой надеждой на удачу. Машина тайного заговора набирала скорость... В Лондон, Париж телеграфные аппараты отстукивали шифровки об успешном развитии предприятия.

Дипломаты продумали даже мелочи. Утром Локкарт заметил: невдалеке от дома то появлялся, то исчезал какой-то молодой человек. «Опоздали, господа чекисты, — злорадствовал Локкарт, — гостей и след простыл! Нас не проведешь, и, как говорят в России, мы не лыком шиты!» Предполагая, что за домом может быть установлена слежка, Локкарт вчера, расставаясь с Берзиным, сказал тому, что следующие встречи будут в другом месте, а «ангелом-хранителем» Берзиня отныне будет один славный малый по имени Константин, энергичный, обаятельный, нравящийся женщинам и не лишенный честолюбия. Он, Локкарт, полагает, что Берзинь с Константином отлично поладят.

Локкарт взялся связать латышей с англичанами, высадившимися в Мурманске. Берзинь на это ответил, что он найдет «своих людей» для поездки. Вскоре они были подобраны. Локкарт написал бумагу. «Британская миссия, Москва, 17 августа 1918 года. Всем британским военным властям в России. Предъявитель сего... латышский стрелок, направляется с ответственным поручением в Британскую штаб-квартиру в России. Обеспечивайте ему свободный проезд и оказывайте всемерное содействие. Р. Локкарт, британский представитель в Москве». В одно удостоверение вписали имя Шмидхена, в другое — капитана Криша Кранкаля. На куске белого коленкора был отпечатан шифр, и шифр надлежало доставить в ту же главную квартиру.

В тот же день, 17 августа, Константин и Берзинь встретились на Цветном бульваре. Падали первые желтые листья, хрипло кричали вороны. Они зашли в кафе «Трамбле». В за-

лах с потускневшими зеркалами за столиками шумела публика, пили чай с булками, втайне здесь же купленный самогон, запрещенный властями. Константин представился несколько фамильярно: сказал, что пусть его зовут Константином, а Берзиня он будет величать Эдуардом, как-де в Латвии, где отчество человека вспоминают лишь в официальных бумагах. Проявив такую осведомленность, Константин, «славный малый», общительный, прекрасно говоривший по-русски, рассказал о себе. За плечами у него философский факультет Гейдельберга, Королевский Горный институт Лондона. Он скорее человек дела, нежели политики, но вот имеет слабость: любит оказывать услуги друзьям. Так, по мелочам... А больше всего он занят коллекционированием; у него в Лондоне крупнейшее собрание книг и воспоминаний о Наполеоне. Да, в Лондоне. Но сам по духу он русский, хотя и иудей по происхождению — сын ирландского капитана и одесситки. До войны жил в Петербурге.

— Взрослый человек, занимающийся коллекционированием, всегда односторонен, — подумал Берзинь, — но именно такие со своей психически-болезненной устремленностью неистово рвущихся бросаются очертя голову в неожиданные предприятия и, самое удивительное, могут проломать прочнейшие стены.

Константин (это был «сэр Рейз») посвятил Берзиня в детали разработанного плана: 6 сентября в Большом театре предполагается совместное заседание ВЦИК и Совнаркома, охрана, вероятно, будет из латышей, они и арестуют Исполком и Ленина, захватят Государственный банк, Центральный телеграф. Над Лениным и его ближайшими соратниками будет устроен законный суд, а до того латыши отконвоируют арестованных в тюрьму.

— Под замочек! — улыбнулся обаятельно Константин. — Некоторые считают, что Ленина надо отправить в Архангельск, к англичанам. Я не разделяю этого ¹. Берзинь

---

¹ Константин был уверен, что за время поездки в Архангельск Ленин сумеет склонить на свою сторону конвойных и те освободят его. Поэтому, с его точки зрения, после ареста Ленина следует расстрелять.

рассудительно обратил внимание Константина на всю сложность плана и на то, что замысел, по его мнению, страдает серьезным изъяном — в нем преувеличивается возможность латышских полков. Даже при полном успехе они не смогут долго удерживать стратегические пункты против той силы, которая по-прежнему будет стоять за большевиками. Константин возражал, приводил свои доводы. Важно — кто начнет антибольшевистское восстание. По мере его успеха на сторону восставших начнут переходить и другие соединения Красной Армии. Главное — вначале проложить дорогу.

Константин не мог, не хотел, может быть, даже не имел права рассказать все, что он знал о тайном плане. Он не сказал о том, что слышал в самом высоком кругу дружественных дипломатов. Союзники предполагали сами взять Москву, залогом этого уже была совершенная 4 августа высадка англичан в Архангельске. Константин заботился о другом: создать у латышей мнение, что они и есть та основная сила военной машины заговора, сыграть на их честолюбии. Он сказал, что латыши — это настоящие солдаты; как они четко сработали, когда пленили левых эсеров в Большом театре 6 июля!

Они расстались, как показалось Константину, со взаимным доверием. Берзинь получил 700 тысяч рублей; Константин извинился, что сумма не округлена до полного миллиона, и все из-за того, что из банков деньги получать невозможно — его агенты собирают деньги у русских богачей.

19 августа они встретились уже на частной квартире. Константин был прекрасно настроен, с удовольствием воспринял известие, что Шмидхен находится с локкартовским удостоверением уже на пути на север. 22 августа Константин узнал, что «работа» идет успешно; Берзинь сообщил, что командир первого латышского полка уже получил соответствующую сумму для ведения агитации среди стрелков, скоро придет представитель «национального комитета» 5-го полка, Берзинь передаст и ему инструкции и деньги. Таким

образом, все шло по плану. Константин дал Берзиню еще 200 тысяч рублей.

Встретившись 28 августа, Константин попросил Берзиня не откладывать поездку в Петроград и, чтобы еще более заинтересовать того, сказал, что после Петрограда будет выдан сразу миллион. Берзинь получил петроградский адрес — Торговая, дом 10, подъезд 2, квартира 10, спросить Елену Михайловну, сказать, что от господина Массино. Сославшись на дела службы, Берзинь выехал в Петроград. Елены Михайловны дома не оказалось, но в квартиру его впустили.

А что же в ВЧК? Здесь считали, что обстоятельства несколько прояснятся. Постепенно, как это происходит с фотографической пластинкой в проявителе, вырисовываются детали. Петерс, уверенный, что он в этом не ошибается, сказал Дзержинскому:

— Мы узнали определенно — лично я это подозревал давно, — что следы ведут в дипломатические посольства. При ликвидации заговора в Вологде мы нашли бумаги, и они нам снова сказали, что штаб заговора находится в союзных миссиях. За дверями английской миссии!

— Англичане? Вы достаточно в этом убеждены, товарищ Петерс? — спросил Дзержинский, не спуская глаз со своего заместителя.

— Решаюсь сказать: да, Феликс Эдмундович. Мы уже не менее месяца ведем секретную слежку. Нам удалось войти в связь с некоторыми агентами миссий. Кажется, это они и охотятся за латышами.

Петерс подробно рассказал Дзержинскому, чего уже достигли парни из отделов. Дзержинский слушал сосредоточенно, лицо его оставалось серьезным. Он все же озадаченно сказал:

— Допустим, закручивает английская миссия. Но как мы проникнем за двери английских покоев и офисов? Существует международный закон об охране прав дипломатов. Мы до сих пор даже при переезде границы не позволяли

себе вскрывать дипломатические саквояжи. А здесь надо вламываться в помещение миссий. С обыском. А если ничего не обнаружится? Вы представляете себе, Екаб,— уже мягче продолжал Дзержинский,— какие могут быть осложнения для нашего правительства? Мы дадим Западу поводы для криков об анархии в России, о нарушении международных законов, святых прав личности.

— Понимаю, дело непростое,— согласился Петерс.

В ВЧК решили тщательно присмотреться к самому Локкарту. Что он из себя представляет? Много было известно. В юные годы Локкарт готовил себя к роли кальвинистского проповедника. Затем эти намерения оставил. Писал рассказы и статейки, правда, почтовые расходы превышали размер полученных гонораров. Сдал экзамены на дипломата. Служил рядом со «знаменитыми молчальниками» ведомства иностранных дел: сэром Эдуардом Греем, сэром Эйром Кровсом, элегантным сэром Джоном Малькольмом. Впервые прибыв в Россию еще при царе, выкушал (как Локкарт сам позднее признавался) «первую рюмку водки и поел икры так, как ее полагается есть, а именно — на теплом калаче». Обладая большими способностями, Локкарт быстро совершенствовал свой русский язык. Был как-то в Киеве: взял извозчика, поехал на Владимирскую горку, взобрался на вершину, полюбовался видом. Потом принял участие в крестном ходе общины крестьян и богомольцев. Составлял и отправлял в Лондон конфиденциальные сообщения; получил от посла «благодарность и предложение регулярно представлять политические доклады». Своими сведениями послужил и военному министерству. Добыл репутацию «особенно искусной ищейки»... Где-то осенью 1917 года его скомпрометировали связи с женщинами, вынужден был отплыть домой и мог тогда мечтать «только о рыбной ловле». Это в ВЧК было известно.

Чекисты не знали, что извлек Локкарта на свет божий лорд Мильнер, один из самых стойких «молчальников», которого революционная Россия стала все более раздра-

жать, представил его Ллойд Джорджу. Премьер-министр новую надежду удовлетворенно похлопал по спине, что-то невнятно пробормотав о молодости: Локкарту был тридцать один год. Локкарту внушили, что его истинная миссия «должна оставаться в секрете».

Прибыл он в Россию как неофициальный представитель Англии, но по привычке и к вящему удовлетворению его называли здесь консулом. Его принял заместитель наркома Г. В. Чичерин, только недавно перед этим покинувший Брикстонскую тюрьму в Лондоне, в которой пребывал за «пропаганду против войны». Локкарта это шокировало — человек, сидевший в тюрьме, у большевиков почти министр. К тому же Чичерин был в каком-то желто-рыжем костюме, что никак, по локкартовским представлениям, не соответствовало лоску и пуританской чопорности истинного дипломата. Потом Локкарт нанес визит Троцкому: тот долго и высокопарно говорил о революционной войне с империализмом, о мировой революции и, отпустив Локкарта, дал распоряжение выписать ему пропуск со льготными правами передвижения по стране: «Прошу все организации, советы и комиссаров вокзалов оказывать всяческое содействие членам английской миссии госп. Б. Р. Локкарту, В. Л. Гиксу и Д. Гарстину». Локкарт два раза ходил на официальный прием к В. И. Ленину. Замечено было, что Локкарт вел себя уверенно, легко, создавал широкий круг знакомств. Не забыв о прошлых неприятностях по амурной части, он теперь особенно ценил свои связи с баронессой Бекендорф. Мура, как он называл ее, теперь дарила радости любви ему, а прежде молодому коллеге консула, капитану Гиксу.

Было ясно, что в лице Локкарта ЧК встретила с английской Интеллидженс Сервис (разведкой), которая за свою долгую историю часто прибегала к террору, шантажу, изощренным провокациям, не раз организовывала успешные заговоры. Словом, враг очень серьезный. Трудности были еще и в том, что события так сжали само время, что для спокойных размышлений его просто не оставалось. Борь-

ба — тайная и явная — против контрреволюции все чаще оборачивалась борьбой за время, за то, чтобы опередить врага. Время становилось фактором выживания, оно в те дни было особенно ценно.

Положение Советской России становилось все более трудным. Фронты сотрясались под ударами армий белых генералов, все более наглевших интервенционистских войск. Ленин призывал страну: все силы на спасение Советской Республики! Локкарт писал в министерство иностранных дел, что большевистское правительство не стремится к разрыву отношений с Англией. «Доказательством этого является его нежелание сделать достоянием гласности наши интриги в этой стране». Заговорщики пользовались и «уступчивостью»¹ большевиков. Заговор вероломных послов вступал в свою заключительную фазу.

Подвижен, неутомим «сэр Рейз» (Константин, Массино), он же Сидней Рейли. Об этих днях он напишет: «Я работал под открытым небом, встречался со своими агентами на улицах, в парках, скверах, на бульварах. Там от них получал сводки, сведения и вел с ними переговоры. Раз или два чуть не попадался в устраиваемые в то время огульные облавы. Август 1918 года был особенно дождливым, что делало мою работу иногда очень тягостной. Иногда для отдыха нанимал на час-другой отдельный номер в банях».

Особенно Рейли опекал Берзиня.

«Встречался с Берзиным на квартире, специально для этого нанятой им и находящейся где-то за Арбатом. Обычно, когда ездил к нему, я раз в пути менял извозчика, а на обратном пути доходил пешком до Арбата и там нанимал другого извозчика».

Все шло, как считал Рейли, удовлетворительно. Его план приобретал реальные черты, как части возникающего из ту-

---

¹ Даже в это тяжелое время партия стремилась провести в жизнь ленинский принцип мирного сосуществования.

мана приближающегося паровоза — сначала труба, затем овалный котел, крутящиеся колеса. Специалисты, посвященные в тайны заговора, восхищались Рейли. «План Рейли был смел и мастерски разработан», — удостоверял английский разведчик Хилл, знавший толк в таких делах.

Как-то вечером, без всякого предупреждения и несмотря на опасность ареста, Рейли примчался к Локкарту, проинформировал, что кремлевский командир ходил на Лубянку, хотя по команде он там никому не подчиняется!

— Я спросил его, — сказал Рейли, — как это все понять, а Берзинь не моргнув глазом ответил, что хотя прямо чекистам он не подчиняется, но разрешение на поездку в Петроград только они могли помочь получить, иначе как же уехать?

Локкарт задумался, заморгал глазами, стал кричать Рейли: понимает ли он, что будет в случае провала? А может быть, Берзинь ходил даже к Дзержинскому? И не мы их обводим вокруг пальца, а они нас? Ведь на что способны большевики, мы еще по-настоящему не знаем.

— Правда, Берзинь не большевик, — успокоенно сказал Локкарт. — Недавно узнали, что он вообще, пожалуй, вполне обходится без признания так называемой «классовой борьбы». Он интеллектуал, художник, архитектор, учился в Германии. Там, в Потсдаме, по его проекту построено оригинальное здание. Нет, интеллектуал не станет служить безнравственному большевизму.

— А посмотрите на Чичерина, — оппонировал Рейли, — какое обхождение, а служит красным, словно папа римский богу!

Рейли встал:

— Господин консул, можете мною располагать. Если этот латыш предатель, я готов его уничтожить!

Локкарт поражался энергии, рационализму «сэра Рейза». Но в такие минуты он ему не нравился. Так выпирала наружу холодная жестокость, чуждая джентльмену. Прямо-таки пират, сошедший со страниц авантюрных романов.

Но машина заговора набрала скорость: близилась развязка.

...Американский генконсул Девитт Пуль появился в холле в назначенное время. Смотрел весело и беззаботно. На встречу собрались американские офицеры, французы Гренар и Лаверн со своими спутниками. Локкарт отсутствовал (так было условлено из осторожности), но были его представители. Присутствовали также какие-то люди в штатском.

Пуль бодро поприветствовал присутствующих. За его спиной звездно-полосатое знамя Америки. Пуль сел в кресло и вдруг уставился на стол:

— Неужели у нас нет приличной пепельницы?

Секретарь вытянулся, оплошность была тут же исправлена.

Генконсул оглядывал собравшихся, и на его лице появилась неприкрытая брезгливость: увидев людей в штатском, он спросил:

— Что за люди?

Секретарь, который умел не только почтительно вытягиваться перед генконсулом, но и дать при случае дельный ответ, сказал, что некоторых мистер Пуль в общем-то знает, другие новые. Но все очень нужны. Без приглашения только журналист Маршан, но... он близок к президенту Франции, да и печать — это вообще знамя свободы! Генконсул все понял, встреча началась...

Журналист Ренэ Маршан был первым, кто покинул собрание, не дождавшись конца «обмена мнений», выскочил как из-под холодного душа. То, что услышал, потрясло воображение, оскорбило чувства. Надобно с кем-то поделиться. Но с кем? А почему бы не с самим президентом Пуанкаре? Пусть он узнает из первых рук о перипетиях в России.

В тот же вечер Маршан засел за письмо Пуанкаре: «Я считаю себя одним из тех, кто боролся, руководимый глубокими убеждениями, против большевизма. Я с горечью констатирую, что за последнее время мы позволили себя

увлечь исключительно в сторону борьбы с большевизмом. На совещании за время беседы не было сказано ни одного слова о борьбе с Германией. Говорили о другом. ...Я узнал, что один английский агент подготовил разрушение железнодорожного моста через Волхов недалеко от Званки... Разрушение этого моста равносильно обречению Петрограда на полный голод... Один французский агент присовокупил, что им уже сделана попытка взорвать череповецкий мост. А это означает полный голод Петрограда, ибо отрезаются пути доставки основной массы продовольствия. Я глубоко убежден, что дело не в изолированных починах отдельных агентов. Разумеется, я спешу подчеркнуть, — продолжал Маршан, — что присутствовавшие генеральные консулы от своего имени не сделали ни малейшего намека на какие бы то ни было тайные разрушительные намерения».

Вздыхнув облегченно, Ренэ Маршан задумался над тем, каким образом передать конфиденциальное письмо в Париж. Он понимал, что французский генконсул не одобрит его поступок. Пуль и Локкарт будут рассержены, наклеют ярлык предателя «общих интересов». Надо опасаться и ЧК.

Если бы Маршан был не столь впечатлительным и не оказался бы во власти своих чувств, а, главное, досидел бы до конца на встрече в американском консульстве, то узнал бы куда больше. Среди неизвестных ему лиц находился «сэр Рейз», но здесь он был одет в форму английского офицера и называл себя Сиднеем Рейли, который славился якобы тем, что знал здесь всех, а его как Рейли почти никто. Он держал страстную речь против большевиков. Маршан мог бы удивиться и присутствию грека Пуля Ксенофонта Каламатиано, представителя коммерческой американской фирмы.

Закрытая встреча пришла тогда к единодушному мнению действовать в трех направлениях:

1. Дезорганизация Красной Армии подкупом, саботажем, задержкой продовольственных транспортов, следующих в Москву, а также путем разрушения транспорта. Это

поручалось Рейли и его сообщникам — капитану Хиллу, «полковнику Берзиню» из Кремля, агентам из Управления военных сообщений Красной Армии. В Петрограде — капитану Френсису Кроми.

2. Диверсионно-подрывная работа: взрывы, поджоги, аварии. Готовит и осуществляет полковник французской армии Вертимон и его помощники.

3. Шпионаж. Поручен был тихому и малозаметному американскому коммерсанту в России Каламатиано (он же Серповский).

Предполагалось, что основные действия совершатся после отъезда дипломатических представителей «союзников» из России, чтобы не компрометировать их.

ВЧК тем временем все более убеждалась, что заговор есть, хотя ни день «икс», ни размах заговора еще не отражались полностью (сейчас это легко сказать!) в чекистской версии происходящего. ЧК добывает почти достоверные данные о том, что Константин, Массино, «сэр Рейз» — это имена-прикрытия хитрого и тонкого английского разведчика Сиднея Рейли. В конце августа установили и одну из его московских явок — конспиративную квартиру по Шереметьевскому переулку. Агента можно было арестовать. В ЧК раздумывали: «Пусть ящерица покажет и хвост — тогда и отрубим!» Особый агент из Сикрет Интеллидженс Сервис под шифром I—ST, благословенный лично Ллойд Джорджем и доставленный в Россию на борту крейсера «Королева Мария» (вряд ли все это было известно Петерсу), Рейли пока остался «гулять»...

Соображаясь с обстановкой, ВЧК принимала различные меры предосторожности. Комиссар латышской стрелковой дивизии К. А. Петерсон приходит к В. И. Ленину. «Узнав о грозившей тов. Ленину опасности, я сейчас же поехал к нему, доложил о дьявольских планах негодяев и предупредил, чтобы он был осторожным,— записал комиссар под свежим впечатлением встречи.— Но Владимира Ильича все эти планы английских мерзавцев только расхохо-

тался и воскликнул: «Совсем как в романах!» Это было дня за три-четыре до выстрела Каплан».

Петерс продолжал со своими парнями продираться сквозь колючую сеть заговора, стараясь завладеть документами полной достоверности, фактами неопровержимыми. Чекисты, проинструктированные Петерсом и Дзержинским, довольно толковые парни, умевшие перевоплощаться не хуже настоящих артистов (откуда только такие способности у них обнаружили!), были внедрены (так задумали в ВЧК) в лабиринты заговорщических хитросплетений. На всякий случай было принято несколько опережающих мер. Потом Петерс это расшифрует так: «Опасность предательских выступлений в отдельных местах пришлось устранить... Мы ликвидировали местные заговоры в Вятке и Вологде».

И вдруг 30 августа в Петрограде убивают крупного работника, председателя Петроградского ЧК М. С. Урицкого. Злодейство совершил сын заводчика, правый эсер, но было ли это звеном цепи большого заговора? В момент получения известий из Питера никто не мог на этот вопрос ответить.

Петерс почувствовал нервическую дрожь в спине. Если он и испытал страх, то не за себя, а за все это большое дело, за которое он взялся. Могло оказаться, что движется в неверном направлении. Неужели интриги Секрет Интеллидженс Сервис свяжут по рукам и ногам и Советскую власть? Петерс не успел как следует поразмыслить над этим роковым вопросом, как открылась дверь.

Вошел Дзержинский. Бледный, худой, с запавшими глазами. Он сообщил, что только что позвонил возмущенный убийством Урицкого Владимир Ильич и предложил ему, Дзержинскому, немедленно выехать в Петроград и принять должные меры. Ленин считает, что убийство Урицкого — это белый террор. На вопрос Петерса: будут ли указания ему, председатель ВЧК сказал лишь одно: «Нельзя допустить, чтобы дипломаты-заговорщики так просто улизнули из России, с видом ничего не ведающих».

Дзержинский присел, закурил и задумался. Не докурив, смял «самокрутку», бросил в пепельницу:

— А знаете, Петерс, лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!

Дзержинский озабоченно взглянул в глаза Екабу. Сказал тихо:

— Это из Гете, но лучшего сейчас не придумать.

Многим Петерс казался странным: молчаливый, упрямый, часто резко неуступчивый. Но еще более странным казался Дзержинский, человек с бледным худым лицом и запавшими, всегда горящими глазами, бесстрашный, беспощадный в первую очередь к себе. В скупое свободное время, оторванное от крайне ограниченного сна, читал «Фауста».

В тот же день было совершено покушение на В. И. Ленина.

Известие было страшным. Бурей ворвалось оно в комнату Петерса. Стало невыносимо тревожно на душе, холод побежал по телу. Не могло успокоить и то, что сам Ленин говорил: «В настоящее время ни один большевик в России не может уклониться от опасности». Личная безопасность для Петерса ничего не значила, но злобный враг поднял руку на вождя революции!

Россия содрогнулась от жестокого преступления.

БРОСОК ЗМЕИ

И снова случилось так, как и во время восстания левых эсеров. Дзержинского рядом не оказалось, на сей раз он был на пути в Петроград. Стрелявшую в Ленина террористку допрашивали Я. М. Свердлов и Я. Х. Петерс. Был вынесен смертный приговор революционного суда, оформленный и записанный рукой Петерса. Капкан отправили в полуподвальную комнату Большого Кремлевского дворца. Приехал комендант Кремля П. Д. Мальков, который привел приговор в исполнение. 4 сентября «Известия ВЦИК» сообщили:

«Вчера расстреляна Рейд-Каплан, стрелявшая в тов. Ленина». Бесплодными оказались надежды тех, кто стремился эсеровским выстрелом изменить ход истории. Революция защищалась.

31 августа чекисты вошли в здание бывшего английского посольства на Дворцовой набережной в Петрограде. На шум на лестнице вышел атташе Френсис Кроми и, не слушая, что говорят вошедшие (а те предъявили документ на право обыска), выхватил револьвер, открыл огонь. Три чекиста упали, сраженные пулями Кроми. В ответ загремели выстрелы чекистов. Кроми тяжело, как бы нехотя, опустился на ступени лестницы. Прибежал врач. Самый юный из чекистов (это была его первая операция) Иосиф Стадолин был убит, два его товарища тяжело ранены. Врач взял руку атташе, однако близкий друг Локкарта этого уже не чувствовал.

На поиски С. Рейли отправился Петерс. Нагрянули на московскую квартиру Рейли, там никого не обнаружили. Оставили засаду. А Рейли 31 августа находился в Петрограде и, узнав о событиях в английском посольстве, о гибели капитана Кроми, сразу выехал в Москву, где ожидалось, как он полагал, решающие события... Петерс не знал, что Рейли заспешил в Москву, а Рейли не знал, что его ждет засада...

Из показаний С. Рейли, данных им в 1925 году: «По дороге с вокзала я купил «Известия», но не читал их, и только по приезде на мою заранее заготовленную квартиру я, развернув газету, увидел, что так называемый локкартовский заговор раскрыт. Положение получилось потрясающее. Связи с моими главными передаточными пунктами были порваны, и я вдруг очутился в воздухе. Кроме того, полная неизвестность о размерах провала и о лицах, ими захваченных... Моя беспомощность была полная...»

В первые часы в Москве ему явно повезло: он инстинктивно почувствовал, что надо с вокзала укрыться на запасной явке. Засада ждала его в другом месте. Рейли умел мастерски замечать следы и, как змея, почти никогда не по-

вторял свои тропы. Потом он признавался: «Иногда к вечеру я ходил на ту квартиру, в которой в данный момент ночевал (редко больше 3—4 дней на одной квартире), приводил в порядок все собранные мною сведения».

Очутившись «в воздухе», Рейли сумел быстро спуститься на землю. Он обошел засаду, а вечером перебрался к артистке художественного театра А. А. Оттен. Она считала его офицером английской миссии, и (как заявит потом на суде) Рейли ухаживал за нею и ей нравился. Суд оправдывает артистку. В следующую ночь Рейли «нанес визит» другой «знакомой» — машинистке ВЦИК Ольге Старжевской, которую впервые встретил в фойе Большого театра во время работы съезда Советов. Рейли представился тогда служащим в советском учреждении, и за взятку в 20 тысяч рублей она выписывала Рейли пропуска в Кремль. Теперь, ночуя у Старжевской, Рейли сознался, что он вообще не русский, а англичанин. Старжевскую суд приговорил к трем годам тюрьмы.

Как ни искали люди Петерса этого обольстителя женских сердец, шпиона-хамелеона, тогда его не нашли. Убедились лишь, что Рейли из Москвы бежал. Но куда?

Хмурый Петерс ходил по комнате. Где эта змея могла скрыться? Наткнулся на диван с аккуратно застеленным серым одеялом. Потянулся к телефону. Передумал. Взял книгу с полки: у него были любимые Некрасов, Толстой. Попалось что-то совсем другое — пыльная растрепанная книжица о звездах и мироздании. Оказывается, что до ближайшей звезды самым быстрым курьерским поездом за тысячу лет не доедешь. Кошмар! Неужели и Рейли так же недосягаем!

...Ренэ Маршан очень спешил, он выскочил в Охотный ряд перед прогремевшим трамваем. Французу преградил дорогу красноармейский патруль — два солдата с винтовками на плечевом ремне, штыки примкнуты. Красноармейцы окинули строгим взглядом по-европейски одетого Маршана, потребовали документы. Француз был не из боязли-

вых (истый газетчик), еще недавно редактировал «Фигаро». Это всегда придавало уверенность, но сейчас сердце Маршана учащенно забилося. Как хорошо, что с ним нет его письма к президенту Франции! Того и гляди, могло бы попасть в руки патруля. Красноармейцы уловили волнение француза, придирчиво спросили, кто он, откуда и куда направляется. Журналист ответил — располагается в особняке Берга. Красноармеец из патруля дошел с Маршаном до особняка Берга. А там шел обыск. Маршан не смутился, пожал плечами, словно давая понять, что это его не касается, вошел в особняк.

Чекисты тем временем завершили обыск. Проверены столы, книжные этажерки, брошенные саквояжи, осмотрены тщательно развешанные картины, платяные шкафы. Набралось довольно много бумаг (почти все они были на французском), их загрузили в автомобиль, Тихомолов повез все на Лубянку.

По поручению Петерса его люди отправились в Милютинский переулок. На месте был составлен протокол: «1 сентября 1918 года мною, комиссаром ВЧК, по ордеру № 6371 был произведен обыск на квартире французского гражданина Генриха Вертомона (правильно: Анри де Вертимона.— *В. Ш.*) по Милютинскому пер., д. № 18. При обыске мною были обнаружены различного рода записки, шифры, шифровальные письма и телеграммы (на французском языке), все почти зашито в мягких стульях и диванах, а также в костюмах. Также был найден перекселин (надо: пироксилин.— *В. Ш.*) — в 3-х банках из-под кофе по 4 фунта 25 золотников каждая. Одна жестяная банка весом 5 фунтов 73 золотника и 39 штук капсюлей для динамитных шашек. Гражданин Вертомон сам не арестован из-за того, что он не был дома и также не явился. Комиссар Вальтер».

Петерс прочитал бумагу комиссара и отложил ее в сторону: все как всегда, довольно буднично. Зато всякие записки, письма, телеграммы и особенно бумаги, привезенные Сергеем из особняка Берга,— это было тем, что Петерс так

ждал. Он с жадностью принялся читать. Будет просмотрен каждый листочек — тщательно, скрупулезно, как учил Дзержинский. Уже в более спокойной обстановке спустя годы Петерс напишет: «И нетерпеливые комиссары, и следователи учились у него, как, работая над расшифровкой мелких бумажек, можно найти ценнейшие нити для дальнейшего раскрытия контрреволюционных заговоров».

А в это время Локкарт понудил офицеров разведки немедленно сжечь «опасные документы». Дымок заструился над трубой английского консульства. Петерс, приехавший к консульству на замызганном «паккарде» с Сергеем Тихомоловым за рулем и двумя вооруженными чекистами, увидев странный дымок, приказал немедленно подняться на верхние этажи. Хотя на первом этаже уже находились ранее прибывшие сюда чекисты, они дали маху — не обратили внимания на дым! Обыск с приездом Петерса провели успешнее. Обнаружили кое-что интересное.

Последние теплые дни истекавшего лета сменились в Москве прохладой. Задул свежий ветер. По улицам понеслись первые желтые листья. В сером небе ветер разрывал сине-темные тучи и гнал их куда-то дальше. Стало заметно холоднее. Люди ежились. Наступала еще одна военная осень России!

Как-то, приподняв воротник легкого пальто, Локкарт перед закатом солнца проделывал разгрузочный моцион: стал замечать, что полнеет. Намекала об этом ему и Мура. Он вышел на улицу в сопровождении своего младшего коллеги Гикса. Встретившийся патруль не остановил консула, красноармейцы его узнали, посторонились, проводив взглядом. Локкарт вернулся к ужину, решив, что можно особенно не волноваться. Однако он ошибался.

Ночью его разбудил П. Д. Мальков, усадил в автомобиль, привез на Лубянку.

Петерс с нетерпением уже ждал, отложив все дела. Локкарта вели не коридором, на стенах которого были развешаны революционные плакаты и приказы ВЧК, а по узкому

проходу, уставленному шкафами еще от старого режима. Локкарт показался Петерсу довольно спокойным, как и подобало истинному англичанину. Представился почти театрально — он консул его величества! Петерс сказал, что не имеет права допрашивать представителя английской миссии, но не был бы господин Локкарт столь любезен помочь разрешить некоторые вопросы. Локкарт великодушно согласился, выразив, однако, свое недоумение по поводу нарушения дипломатического иммунитета.

— Ворвавшись в мой дом, ваши люди вели себя далеко не любезно.

— Но почему вы не предъявили дипломатических документов?

— Это было почти невозможно. Они меня просто уволокли в машину, и вот я перед вами...

— О, если это подтвердится, я накажу виновных, им надо знать, с кем они имеют дело,— сказано было серьезно, но мелькнула тонкая ирония.

Петерс спросил англичанина, кто приходил к нему в середине августа от латышей.

— Приходил, кажется, некий Смидхен, разве всех упомянешь! В России принято свободно ходить в дома,— ответил Локкарт,— я хотел бы следовать этому доброму обычаю взаимоотношений...

— Это ваш почерк? — Петерс указал на бумагу, лежащую на столе, подвинув ее ближе к дипломату. Локкарт соображал: это, вероятно, единственная бумага, написанная его рукой и попавшая каким-то чудом к чекистам,— удостоверение, выданное Шмидхену. С легким жестом пояснил:

— Не вижу в этой бумаге никакого криминала: латыши попросили пропуска к англичанам, я и написал.

Петерс подвинул протокол Локкарту — подписать данные им показания. Тот категорически отказался, сославшись на свое положение дипломатического представителя.

Петерс отодвинул бумаги в сторону, давая понять, что он

соглашается до времени иметь терпение, но требует не уваливать от ответов.

— Знали ли вы Каплан? — последовал его вопрос.

Локкарт ответа не дал, потребовал избавить его от «незаконного и унижительного» допроса.

— Где Рейли? — спросил Петерс.

Англичанин удивился, что это имя известно ВЧК, и обрадовался: вопрос означал, что «лисица» (этой кличкой он любил называть Константина) скрылась. Локкарт снова не ответил.

Какой-то момент Петерс и Локкарт пристально рассматривали друг друга — так близко они сошлись впервые. Может быть, сейчас они, подумал Локкарт, были похожи на кобру и мангуста? Локкарт таким и запомнит Петерса: над белой косовороткой спокойное усталое лицо с гривой аккуратно причесанных волос со снежно-белой проседью. Потом в своей «Исповеди» Локкарт напишет: «Он не пытался заставить меня отвечать угрозами, а только уставился на меня внимательным взором».

— Господин Локкарт, не могли бы вы сказать, что было темой разговора 25 августа в американском консульстве? — настойчиво спросил Петерс.

— Оказывается, чекисты пронюхали и это! — подумал теперь уже тревожно консул. Но этот вопрос Локкарт легко мог повернуть в свою пользу:

— О совещании в американском консульстве вам проще спросить у самого консула Америки Пуля. А впрочем, встречи дипломатов дружеских стран — обычная практика. Если вам известно, как вы сказали, о встрече 25 августа, то вам должно быть известно и то, что консул его величества там не присутствовал, что, откровенно скажу, означает, что совещание было малозначительным.

Петерс на это ничего не сказал, лишь посмотрел на торжествующе вздернутый подбородок консула. Алиби безупречно — говорила поза дипломата. Локкарт действительно не присутствовал на встрече у американцев и сейчас

думал, как умно он тогда поступил. Наступила тишина, было такое впечатление, что Петерс все свои аргументы выложил. В общем разговор закончился, Локкарта увели.

Англичанин смог кое-что подытожить: Рейли следы заметил, дай бог, основательно, о Шмидхене чекист спросил, однако, можно думать, что и тот ускользнул из их рук. Особенно Локкарт был доволен своей находчивостью. Ведь когда его привезли на Лубянку, он вдруг обнаружил, что в его кармане оказалась так некстати записная книжка с тайными шифрами и пометками о выплаченных суммах. Локкарт мгновенно решил, что требуется и может его спасти. Но надо избавиться от охраны. Он попросился в уборную. Вся надежда теперь была на московскую канализацию, которая часто не работала вследствие всеобщей разрухи. Он машинально потянул ручку (пойдет ли вода?) и вздохнул с облегчением — порванный и сброшенный в унитаз компрометирующий материал моментально исчез. Потом консул будет расписывать свой «подвиг» даже печатно.

Петерс пережил еще одну бессонную ночь. Утро началось с того, что пришлось объявить Локкарту: он свободен. На освобождении настояли Я. М. Свердлов и Г. В. Чичерин, учитывая право англичанина на экстерриториальность. Петерс возражал, но спорить было напрасно... Надевая плащ, дипломат криво усмехнулся, сказав Петерсу саркастически-сочувственно:

— Господа чекисты далеко не мастера своего дела.

Про себя подумал, что Рейли был прав, как-то предсказав, что этим совдеповцам потребуется минимум пять лет, чтобы освоить азбуку тайной войны.

Петерс, словно что-то вспомнив, спросил англичанина как об одолжении: не мог бы консул пояснить, почему на юге Англии гости приходят к передней двери, а на севере страны они идут к черному выходу? Локкарт пожал плечами:

— Представьте себе, никогда не обращал на это внимания.

Но сразу пожалел, что выставил себя несведущим, в невыгодном свете. Пустяк, а выбил его из колеи!

Дул мокрый ветер. Локкарт взял извозчика, поехал к себе. Он вернулся на квартиру вроде бы и победителем, но усталый и в отвратительном настроении. Однако уважающий себя джентльмен всегда найдет время побриться и позавтракать. Он побрился, принял ванну, сменил белье. Прислуга принесла завтрак. Потягивая кофе из фарфоровой чашки, он стал рассматривать большевистские газеты. Пришли Гикс и Гарстин, сообщили: арестовали Муру (баронессу Бекендорф), отвезли в ЧК. Настроение испортилось окончательно.

А 3 сентября рано утром Москва прочла сенсационное сообщение, выделенное жирными буквами в «Известиях ВЦИК»: «Ликвидирован заговор англо-французских дипломатов против Советской России, организованный под руководством начальника британской миссии Локкарта, французского генерального консула Гренара, французского генерала Лаверна и др. Подготавливался арест Совета Народных Комиссаров, фабрикация поддельных договоров с Германией».

Сообщение шокировало Локкарта. Сдерживая внутренний гнев, он все же понял, что большевики не решились бы на такое открытое обвинение, не имея доказательств в своих досье. Удивительным было и то, что Локкарта после всего заявленного вроде бы и не спешили арестовать, как это следовало по логике консула.

Локкарт сам отправился на разведку. Он смело (как полагал) «нанес визит» в ВЧК, на Лубянку. Там, конечно, его не ожидали. Могли и вежливо выставить.

Не повышая голоса, Локкарт заявил Петерсу:

— Обвинения не имеют никакого основания. Прошу дать мне возможность объясниться и представить исчерпывающий материал.

Петерс ответил:

— Исчерпывающий материал имеется в распоряжении ВЧК, и следствие будет продолжаться...

Никто не воспрепятствовал Локкарту покинуть ВЧК, и он посчитал, что так называемое «разоблачение заговора» — блеф. Можно перевести дыхание... Внутренний голос ему подсказывал, что если придется скрыться, то это надо делать именно сейчас. Но логика наставляла на другой путь — своим бегством он признает свою вину.

А тем временем Гренар, Вертимон и другие официальные лица Франции удрали в норвежское посольство. Норвежцы укрыли у себя и Девида Пуля.

Не успев за прытью дипломатов, чекисты решили на всякий случай близ здания скандинавов оставить несколько своих людей. Спрятавшиеся не показывали носа. Предосторожность чекистов оказалась к месту: какой-то человек пытался незаметно войти в консульство, его остановили. Он назвался Сергеем Николаевичем Серповским, предъявил паспорт, но в нем опознали Ксенофонта Каламатиано.

Его задержали, он возмущенно размахивал тяжелой тростью, на которую опирался, гордо и многозначительно напоминал о своем американском гражданстве. Задержанного обыскали, осмотрели квартиру. Но все безрезультатно. В ВЧК с Каламатиано начал разговор главный следователь Виктор Кингисепп. Допрашиваемый вел себя так, словно не понимал, чего от него хотят, от всего отмахивался, изображал из себя жертву чекистской предвзятости, тихоню, обычного коммерсанта. Глубокой ночью Кингисепп поднял с постели Петерса — тот забылся в нервном полусне на своем диване под солдатским одеялом. Петерс сразу пришел, по его лицу было видно, что он почти не спал и в эту ночь.

Допрашиваемый терял терпение, стучал недовольно тростью, требуя, чтобы ЧК прекратила покушаться на свободу честного гражданина другой державы. Петерс сказал Кингисеппу, что Каламатиано недавно ездил в Самару, хотя

американская контора «Вильям Кембер Хиттс энд К⁰», в которой он служит, никаких дел в этом городе не имеет. Это подозрительно. Обыск на квартире ничего не дал? Тогда что-нибудь может быть обнаружено при нем. Тоже ничего? Неужели тайник где-то на стороне? А может быть, в подошвах ботинок? Бывает и такое.

Петерс и Кингисепп еще и еще раз окинули взглядом несколько успокоившегося Каламатиано. А если тайник в трости? В такой изящной, достаточно толстой, хотя можно ли в ней что-либо спрятать? Но когда все же взялись за трость американца, тот позеленел как утопленник, демонстрируя, по замечанию Кингисеппа, «первородный страх».

Красивая трость оказалась хитрым тайником: в ней нашли более 30 расписок в получении денег, вместо подписей стояли номера; обнаружили в трости и другие шифры, тайные документы. Самым любопытным и ценным оказалось, что, расшифровав фамилии шпионов, скрытых под номерами, ЧК смогла выяснить, кто уже был схвачен, а кто еще «гулял». Сразу же были приняты необходимые меры.

Каламатиано (Серповскому) пришлось признаться. Американский консул Мэддин Саммерс, предшественник Пуля, завербовал Каламатиано, служащего американской конторы по поставке в Россию автомобилей и тракторов, и поручил ему создать возможно широкую агентурную сеть для сбора важных данных. «Наша организация зародилась в апреле с. г. (1918). Желательность и целесообразность такой организации была темой разговоров моих с г-ном Саммерсом, североамериканским генеральным консулом в России», — показал Каламатиано. Саммерс открыл явочный пункт в Москве по Театральному проезду, 8. Прикрываясь делами фирмы, Каламатиано ездил по стране, отбирал агентов, отовсюду привозил разнообразные сведения, делал все это довольно успешно. В Москве он завербовал бывшего подполковника генштаба Е. Голицына — «военспеца» в трех советских военных ведомствах. Получив агентурный номер 12, Голицын собирал различные материа-

лы и обильно снабжал ими представителя американской фирмы.

Через своих агентов Каламатиано узнал данные о количестве винтовок и патронов, производимых в Туле, сведения о формировании Красной Армии, о положении в прифронтной полосе. Теперь же он утверждал, что экономические данные якобы необходимы были фирме для доказательства платежеспособности России. Данные о прифронтной полосе — чтобы знать, насколько Красная Армия способна защищать склады фирмы (!). А трость? Каламатиано нервно улыбался и что-то говорил о своем «психологическом настроении»; причудами «романтика» он объяснял и подложный паспорт на имя Серповского.

Состоявшийся в конце 1918 года суд все это терпеливо выслушал и вынес приговор: Каламатиано расстрелять. Петерс: «С арестом Каламатиано шпионской организации был нанесен непоправимый ущерб».

В «ЗАТОЧЕНИИ КРЕМЛЯ» (и о буридановом осле)

То, что Локкарт так быстро оказался на свободе, дипломатами Запада вовсе не оценивалось как победа. Опыт им подсказывал, что впереди могли быть куда большие неприятности, ведь Советы показывали свой решительный характер. Настораживало и то, что в отношении Локкарта власти не требовали, например, высылки из страны, что в международных делах было допустимой практикой.

Дипломаты пребывали в нервозности. По имевшимся данным, Шмидхен не был арестован, но и установить связь с ним в этой кутерьме не удавалось. Гикс, посланный в Сокольники к Оленьим прудам (условленное место встреч Шмидхена и Берзиня), ни разу там не застал ни одного, ни другого. О Берзине все же узнали, что он на свободе и, кажется, вне подозрений, что заговорщиков истинно

воодушевляло: сохранилась такая ключевая фигура! Секретарь американской комиссии в России (была и такая комиссия) Норман Армур, возвращавшийся через Стокгольм домой, сказал 7 сентября 1918 года британскому посланнику в Швеции, что «в Москве Локкарт известил его о том, что ему удалось подкупить латышских стрелков и что этот план известен французскому и американскому консулам и одобрен ими. Ему, Армуру, ничего не известно о намечавшемся на 10 сентября государственном перевороте — заговоре, который, как сообщают большевики, был ими раскрыт. Он этому сообщению не верит. Армур предполагает, что командир латышей решил просто отменить операцию».

Локкарт рассуждал вполне логично: ввиду начавшихся арестов Берзинь операцию отложил, и Берзинь еще не сказал своего слова, а Константин предлагал латыша ликвидировать! Страшно подумать!.. Локкарт, Гренар, Пуль не забывали и то, что националист Берзинь получил от «друзей» почти два миллиона рублей (1 000 000 — от Англии, 200 000 — от США и 500 000 — от Франции), дал слово чести, что этой суммы при определенных условиях будет достаточно, чтобы ликвидировать правительство Советов. Он не может так просто отказаться от обязательств, данного честного слова и дезертировать. Ведь ему оказывалось высшее доверие — деньги передавались без расписки.

Консула в тот момент озадачивало больше другое. Очень некстати то, что его приятельница Мура арестована. После некоторых размышлений в нем возобладал рыцарь. Он отправился в Комиссариат иностранных дел. Его приняли, были вежливы, но развели руками, ссылаясь на ЧК. Тогда Локкарт прибег к крайнему средству: явился снова на Лубянку и попросил доложить о себе Петерсу. Не исключено, что этот «отъявленный чекист», как он считал, согласится поговорить как «мужчина с женщиной».

Из воспоминаний Локкарта: «Я обратился на Лубянку к Петерсу и просил проявить гуманность к женщине, которая ни в чем не виновата».

Из воспоминаний Петерса: «Войдя ко мне в кабинет, он был очень смущен, потом сообщил, что находится с баронессой Бекендорф в интимных отношениях и просит ее освободить».

Консул апеллировал к чувствам. Петерс был спокоен, обещал рассмотреть все аргументы, приведенные консулом, в пользу невиновности его приятельницы. Но вдруг... в какую-то минуту Петерс изменился, сурово сказал англичанину, что в этот раз ВЧК отпустить его не может.

Это был арест, ставший ответной мерой на действия Лондона. В английской столице взяли под стражу М. М. Литвинова, несмотря на то что он был назначен (4 января 1918 г.) послом РСФСР в Англии, о чем было сообщено министру иностранных дел Артуру Бальфуру. Литвинова запрятали в Брикстонскую тюрьму и на дверях камеры повесили издевательскую надпись: «Гость правительства его величества».

Локкарта поместили в странную квадратную комнату. Удобств никаких: простой стол, четыре деревянных стула, истертая и расшатанная кушетка; два окна комнаты выходили во двор. У простого умывальника с «соском» для англичанина повесили чистое полотенце, что вызвало надменную улыбку консула; откуда было знать странным и неотесанным чекистам, что истинный сакс, подобно Седрику¹, вымыв руки, не обтирает их полотенцем, а сушит, помахивая ими в воздухе.

Настроение консула было удрученное: в деле Муры он ничего не достиг, сам попал под стражу и неизвестно, чем все это закончится: большевики постараются отомстить ему — был убежден консул. В газетах, которые ему давали, он находил не менее удручающие сообщения. Из номера в номер большевики раскрывали подробности заговора, расставляли точки над «і».

5 сентября Локкарт прочел в «Правде» интервью заме-

---

¹ Седрик-саксонец — один из героев «Айвенго» Вальтера Скотта.

стителю председателя ВЧК. Петерс изложил часть подробностей раскрытого заговора, которые считали целесообразным обнародовать к тому времени.

Уши западных «друзей» России, в том числе и находившегося под арестом Локкарта, приученные к иного рода известиям, услышали на сей раз невероятное: Э. Берзиню, оказывается, ЧК предложила притворно принять приглашение западных дипломатов и выяснить, какие переговоры и кто именно желает с ним вести. Берзинь на время превратился в покладистого «буржуазного националиста», сторонника мнимо созданного «национального латышского комитета», которого не было и в помине. А ведь, по его словам, сей «комитет» вместе с Берзиным вроде бы надеялся, что союзники изгонят немцев из Прибалтики и создадут «свободную Латвию»! Брови Локкарта в изумлении поползли вверх. Потом им овладело негодование. Так опростоволоситься! Кто мог подумать, что ЧК так далеко зайдет! Прав был Рейли, когда высказал готовность ликвидировать этого предателя Берзиня.

Никто так никогда и не узнал, какие громы и молнии разразились в дипломатических кабинетах «друзей» России. Их «благородный» гнев лишь частью выплеснулся на страницы газет. Берзиню, нарушившему правила игры, следовало дать ниже пояса. «Таймс», махнув рукой на свою респектабельность, строчила: «Этот красный авантюрист запустил руку в нашу государственную казну и теперь потешается над нами с видом невинного младенца».

Кто мог знать, что Берзинь столь хитрое существо! Локкарт вспомнил — кажется, это было при их второй встрече, когда они размышляли, как убрать большевиков, — какая же святость проступила тогда на лице Берзиня! Но ничего искреннего в его чувствах не было. Фигляр!

Издерганный консул вдруг поймал себя на мысли, такой неожиданной, что его даже передернуло: а не является ли Мура также агентом ЧК — после случившегося можно допустить все. Прием, когда арестовывают и своих агентов,

не нов. Он живо вспомнил, как Мура неожиданно уехала из Москвы в Эстонию — якобы повидать своих родителей. Ведь на такую поездку нужен был пропуск, поезда строго контролировались, а Мура, по ее словам, пересекла еще и полосу, занятую армиями Германии, прошла пешком. Кто ей мог помочь? Хотя бы с тем же пропуском? Локкарта она не просила. Он постарался успокоиться, обратился к логике. Как теперь быть с просьбой об освобождении? Настаивать? Забыть? Но ведь он уже признался этим варварам, что с ней связан. Как же все это теперь оставить? Может вызвать подозрения.

На Лубянку то и дело приходили торопливые люди, часовой проверял документы, впускал в длинный коридор, в котором теперь был прибит гвоздями большой плакат на серой бумаге с призывом бросить все силы «на борьбу с дровяной катастрофой»: надвигалась зима, а дров в Москве почти не было. Это собирались газетчики: узнать о подробностях заговора.

Петерс был воодушевлен, свеж, как после нескольких часов спокойного доброго сна. Говорил: «Целая сеть англо-французских агентов, щедро оплачиваемая союзными деньгами, занималась специально задержкой продвижения продовольствия из хлебобродных районов в голодающие местности. У одного из арестованных по делу о заговоре французских офицеров найден огромный запас пироксилина и других средств для взрывов и поджогов продовольственных складов и транспортов. Наш товарищ Берзинь, мнимо вовлеченный в преступное дело, на тайной встрече с дипломатами спросил, что он должен делать для «успеха заговора», и Локкарт ему прямо ответил: «Прежде всего постараться, чтобы вверенные вам части оказались лишенными необходимого продовольствия, и этим вызвать их недовольство». Когда дошли до роли патриарха Тихона в готовившемся перевороте (а тот тайно обещал после свержения Советов звонить в победные колокола), то Петерс был совсем краток: «Святой отец воистину — «спереди

блажен муж», а внутри исполнен лицемерия и беззакония. Даже в кругах патриарха говорят: «Человек он недалекий, пороку не выдумает».

Допросы тем временем продолжались. Петерс вызывал к себе Локкарта обычно ночью. Он советовал консулу, чтобы тот «в своих же собственных интересах» рассказал полную правду. Консул по-прежнему упорствовал — отказывался говорить, прикрывался всякого рода шутками. Локкарт ожидал, что Петерс заговорит о Муре, и тогда англичанин надеялся что-нибудь выведать, сориентироваться. Но Петерс даже не вспоминал имени его приятельницы, чем ставил консула в тупик.

Консулу разрешили пользоваться чернилами и бумагой, и он завел себе нечто вроде «тюремного дневника»: если его «мученически», как он думал, расстреляют, то пусть все узнают. Странно, но первую запись он посвятил своему «мучителю-фанатику» Петерсу. «Я не могу сказать, что он обращался со мной некорректно... он не был груб, ни даже нелюбезен, и наши взаимоотношения были вполне корректны... Он заходил в мою комнату и справлялся о том, как меня кормят. Я не жаловался, хотя пища, состоявшая только из чая, жидкого супа и картошки, была очень недостаточна».

Локкарт просил дать ему книги; Петерс принес роман Герберта Уэллса. И вторую — книгу Ленина «Государство и революция». Передавал английские газеты, доходившие до Москвы. Караульные аккуратно приносили «Правду» и «Известия».

Больше всего Локкарта коробило от жирных заголовков статей, в которых большевики писали об «англо-французских бандитах». Он читал резолюции фабричных комитетов, требовавших предания его, консула, суду и вынесения смертного приговора. Можно было ждать самого худшего. Расстреляли же бывшего начальника департамента полиции Белецкого. Локкарт лично знал этого степенного савановника, когда он еще был облечен властью. Целительным

бальзамом были для него «Таймс», «Нью-Йорк таймс», «Фигаро», которые не щадили большевиков и предвещали им скорую гибель. Прочитав же в «Таймс» о Петерсе, что этот «царский каторжник, уголовный преступник зверски пытается арестованных, собственноручно расстреливает неповинных людей, кощунственно издевается над убитыми» и т. п., Локкарт разочарованно отложил газету в сторону. Подумал: как плохо в Лондоне знают положение в России, а на одном вранье ведь далеко не уедешь; мы вправе здесь отдать должное реализму мысли Локкарта.

Его перевели с Лубянки на территорию Кремля. Помещение было чистое, удобное — три комнаты: спальня, ванная, небольшая кухонька. В ванной бросающиеся в глаза чистые полотенца, но «образованный» англосак, помыв руки, по-прежнему помахивал ими в воздухе, смешно растопырив пальцы. Однако помещение и здесь показалось тесным. Самым неприятным было то, что он снова оказался не один, вопреки тому, что ему обещали власти. К своему удивлению, он увидел здесь Шмидхена. «Винючник всех наших бед!» — негодовал Локкарт. Судя по газетам, Шмидхен не уподобился притворщику Берзиню и угодил в тюрьму, но за то, что удостоверение, выданное Локкартом Шмидхену, каким-то образом попало в ЧК, англичанин считал виновником только латыша. Тридцать шесть часов Локкарт и Шмидхен провели вместе, не проронив ни слова; потом Шмидхена увели. Локкарт снова задумался: что означает присутствие Шмидхена здесь? Ошибка ЧК? Хитрая игра? Кто вообще этот Шмидхен? Ведь хвастался, что он близкий человек к Берзиню, а вот кремлевский командир у большевиков в почете и славе, а Шмидхен в тюрьме. Ответов не находил. Только стал думать о том, что эти чекисты не столь уж просты, как он полагал раньше, и что, вероятно, он опрометчиво сказал Петерсу, что чекисты далеко не мастера дела...

Самое неприятное началось после того, как Локкарт узнал от часовых, что именно из этой предсмертной обите-

ли в последний путь несколькими днями раньше увели Белецкого. Локкарта бросало то в жар, то в холод. Знать, что ты живешь в комнате, откуда предшественника повели на смерть,— что может быть страшнее!

Страхи и панику консула заметил Петерс: как бы чего с этим героем не случилось до суда! Да и дело не надо было осложнять — Локкарта приходилось беречь, как берегут того, кто наделал множество долгов и не прочь бы скрыться, не расплатившись, даже в небытие.

Петерс посетил консула. В тот же день Локкарт внес в свой дневник свежие впечатления. Петерс «охотно беседовал об Англии, о войне, о капитализме, о революции. Он рассказывал мне об удивительных событиях своего революционного прошлого. Показывал мне на своих руках следы пыток, которым его подвергали в тюрьме при царском режиме. Ни одна черта его характера не свидетельствовала о том, что он был таким бесчеловечным чудовищем, каким его много раз описывали». Его возражение против слова «чудовище» в отношении Петерса не было протестом против «Таймс», а скорее, это было просто для очистки своей совести.

Когда в следующий раз Петерс открыл двери временной обители Локкарта, последний услышал, что баронесса освобождена и ей разрешены свидания с ним, Локкартом. В первый момент Локкарт даже не обрадовался: чекисты вполне могли ее освободить, если она работает на них.

— Моя весть, как вижу, не вызвала у вас энтузиазма,— сказал Петерс.— Но мы сделали все, что могли. Сомнения в отношении Бекендорф выяснились. Порадуйтесь с нами, господин Локкарт.

А тот все не мог отделаться от мысли, что этот «странный человек», второе лицо в ЧК, освободил Муру лишь для того, чтобы затеять новые козни.

Вечером Локкарт записал в свой дневник: «Я получил вещественное подтверждение освобождения Муры в виде корзины с платьем, книгами, табаком и такими предметами

роскоши, как кофе и ветчина, а кроме того, длинное письмо... Джейк лично запечатал его печатью ЧК и пометил на конверте своим размашистым почерком: «Прошу передать адресату, не вскрывая. Я читал письмо». Это странный человек!»...

Допросы прекратились, Локкарт почувствовал облегчение. Большевицские же газеты не унимались и раздражали его по-прежнему. Он их не брал бы и в руки, но инстинктивно хотел узнать, что ему еще предстоит выдержать: им овладевал страх перед неизвестностью. Локкарт полагал в свое время, что Россия может стать частью цивилизованной Европы, теперь же ему казалось, что так никогда не будет, что эта страна — сорвавшийся с цепи колосс азиатчины.

Локкарту разрешили гулять по территории Кремля, в котором он раньше никогда не был. Локкарт вступал в разговоры с караульными, которые его конвоировали в этих прогулках. Это были разные люди: русские, латыши, венгры. Однажды Локкарт спросил конвойного, что тот думает о его участии, и услышал, что в караульной команде держат пари из расчета два против одного, что он будет все же расстрелян... Локкарт потерял интерес к дальнейшим расспросам.

Он все же сделал для себя маленькое открытие: эти безграмотные мужики, его конвоиры, думали на удивление логично. Если на них насылали смерть, то они готовы были ответить тем же. К этому заключению вела Локкарта и недавняя история с американцем Бари, чуть не закончившаяся трагически.

А все началось с того, что в марте ВЧК раскрыла организацию, занимавшуюся вербовкой и отправкой бывших офицеров на Дон, к Каледину и Корнилову. Тогда арестовали и янки — бизнесмена В. Бари, игравшего, как утверждали газеты в Москве, большую роль в этой организации. Американское генконсульство, естественно, вступилось за Бари и официально за него поручилось. Бари был осво-

божден до суда и... скрылся. На суде, по данным большевиков, преступность Бари была доказана, и его приговорили к расстрелу. Если бы Бари не сбежал, то его кости давно уже покоились бы в земле...

Правда, генконсулу Девитту Пулю вся эта история обернулась большой неприятностью: большевики ему выразили недоверие¹, хотя и не предложили убраться из страны. Сравнив свое положение со случаем Бари, Локкарт не смог сделать для себя утешающего вывода...

Наступили мрачные осенние дни с нудными дождями. Мокрый ветер завывал у кремлевских стен. Локкарт не гулял, предпочитал раскладывать пасьянс. За этим занятием и застал его однажды Петерс, который снова заговорил о собрании в американском консульстве 25 августа. Не пожелал бы Локкарт во имя истины все же прояснить характер собрания? Нет, он не желал! Снова говорил о своей безгрешности, о предвзятости ЧК. Вопросал: мол, какой здесь заговор, когда в нем один человек? Ваши газеты прожужжали уши: заговор Локкарта, заговор Локкарта!

Петерс посоветовался с Дзержинским, решили, что им ничего не остается, как припереть Локкарта к стенке.

Когда из особняка Берга привезли изъятые во французской миссии бумаги, при первом же их осмотре обнаружили письмо Маршана к президенту Франции. Давно ЧК не имела такого прямого свидетельства творимого союзниками в России! Пригласили самого Маршана на Лубянку. В допросе не было никакого резона — с ним хотели просто поговорить. Но не вышло и разговора. На коллегии ВЧК Петерс так доложил о встрече с француз-

---

¹ По делу В. Бари за приговором последовало еще и частное определение: «Московский революционный трибунал, обсудив неисполнение высокоавторитетным учреждением США, его московским консульством, поручительства... постановил: Московское североамериканское консульство, представленное Пулем и Лерсом, считать укрывателем преступника, содействовавшим побегу Бари, обманувшим доверие рабоче-крестьянской власти в России, привлечь которого к ответственности сможет один только американский народ».

ским журналистом: «Он был взволнован до безумия, почти плакал от возмущения, что союзники, и особенно французы, призванные спасти Россию, строили предательские планы взрыва мостов и поджога продовольственных складов». Петерс добавил, что, конечно, журналист большой ребенок, наивен, он «думал, что Пуанкаре не знает, что делают его представители в России; в своей наивности он не понял того, что все поджоги, подрывы — все это делается под непосредственным руководством Пуанкаре и Ллойд Джорджа».

Подлинник письма передали в следственную комиссию, фотографию письма — в газету «Известия», которая и напечатала письмо Маршана¹.

Локкарт долго перечитывал газету. Несомненно, письмо французского журналиста не подделка, согласился он. Однако француз преступил все границы дозволенного. Маршан своеобразно интерпретировал смысл Советского правительства, чья-де «поразительная государственная энергия, должен сознаться,— писал он,— теперь проявилась перед лицом самых ужасных затруднений». Это правительство, по мнению Маршана, заслуживает своего названия — «отнюдь не анархического и бессильного, но революционного в государственном, в высшем смысле этого слова... большевики повсюду, где они свергались как власть, возрождались, благодаря народному повстанческому движению». Политика союзников в этой несчастной стране ведет к «углублению анархии и обострению голода и гражданской войны, белого и красного террора». И это писал бывший редактор «Фигаро»! Локкарт успокоил себя шатким доводом: «Маршан, эта истеричка, перешел на сторону большевиков, очевидно, ЧК уплатила ему больше, чем «Фигаро». Скотина!..» Вечером записал: «Мною овладел приступ пессимизма».

---

¹ Двамя месяцами позже письмо перепечатала английская «Манчестер Гардиан».

Каждый день приносил новые данные, показывающие, что скрывалось за емким выражением «заговор Локкарта». Историки справедливо скажут «о первостепенной и неизбежной ответственности британского правительства за планирование и осуществление нападения на Советскую Россию»¹. Не оставались в тени и Соединенные Штаты. Преступный союз Великобритании, Франции и Соединенных Штатов, направленный против Советской России, был и естественным, когда заговорщики тянулись друг к другу в едином стремлении свергнуть Советскую власть, и странным... Станным потому, что часто капитаны от каждой стороны, подобно героям известной басни Крылова, конкурируя друг с другом, стремились именно своим путем продвинуть пиратский корабль заговора вперед... Выражение «заговор Локкарта» не совсем точное, чтобы дать представление о его истинном размахе.

Соединенные Штаты были не менее лицемерны, чем другие союзники. «Правительство Соединенных Штатов использует все возможности, чтобы обеспечить России снова полный суверенитет в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного человечества», — провозглашал в своем послании президент Вильсон в марте 1918 года. А государственный секретарь Лансинг (месяцем позже) неофициально уточнял: «Позиция США основывается на возможности интервенции в России». Для тех, кто хотел еще большей ясности, полковник Хауз (советник Вильсона) в феврале 1919 года неофициально рубил по-солдатски: «Главное, о чем речь, — это как наилучшим образом нанести поражение большевикам».

Можно удивляться, что ВЧК, только начавшая свой сложный путь, сумела представить очертания корабля и заговорщиков... Когда Советское правительство в марте

---

¹ См.: *Ротштейн Эндрю*. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М., 1982.

1918 года переехало в Москву, из Петрограда переехал и посол США Дэвид Френсис в... Вологду. Посол готовился встретить американские войска на пути с севера на Москву. Готовился и... торопил Вашингтон. В апреле он писал: «Я считаю, что время для союзнической интервенции приближается очень быстро и союзники должны быть готовы действовать очень решительно». Летом на севере России высаживаются американские войска. Страшным террором расчищают себе путь — 38 тысяч убитых, 8 тысяч расстрелянных и тысяча забитых побоями и умерщвленных голодом. Это потери Архангельской губернии, имевшей население всего 400 тысяч человек!

США начали интервенцию в Сибири и на Дальнем Востоке, где, по признанию командующего американским экспедиционным корпусом генерала Грэвса, тоже «жестокости были такого рода, что они, несомненно, будут вспоминаться и пересказываться среди русского народа через 50 лет после их совершения!».

В Вологде нет английского посла. Посол Джордж Бьюкенен в начале 1918 года вообще покинул Россию. У Англии тактика несколько другая: «Мы должны показать большевикам, что не собираемся принимать какое-либо участие во внутренних делах России... в то же время провинциальным правительствам и их армиям (т. е. белым.— В. Ш.) должны быть предложены деньги, агенты и офицеры. ...Это должно делаться как можно более скрытно, чтобы избежать, насколько возможно, обвинений в том, что мы готовим войну против большевиков» (из Меморандума кабинета Великобритании от 21 декабря 1917 года). А война-то уже шла, и английские интервенты высадились на севере, флот его величества вошел в Балтийское море и бомбардировал «все подозрительное» на берегах, обстреливал «морские цели». Однако в Вологду переехал посол Франции Нуланс. С раскрытием «дела Локкарта» союзники обвиняют французскую разведку, что она «разгласила тайну». Нулансу обидно выслушивать подобное... Демьян

Бедный со страниц «Правды» назвал Нуланса «лакированным бандитом».

Чтобы власть Советов взять измором,
Решив, что голод — лучший шанс,
Стал заговор за заговором
Организовывать Нуланс.
Швыряя денежные знаки,
Легко наемников найти...
Белогвардейцы рвут пути...

Соединенные Штаты задают тон. Посол Фрэнсис предлагает: «Захватить Петроград и Москву... без промедления: 50 тысяч войск будет достаточно, но 100 тысяч с избытком». А Девитт Пуль уже давно проинформировал Вашингтон об имеющейся группе, действующей «с целью образования правительства... которое сместит большевиков».

Бешеная гонка! Зловещий корабль заговора убыстряет ход...

25 августа Пуль дает понять коалиции заговорщиков, что все дело берут в свои руки США. Это выразилось в созванном глубоко секретном совещании в этот день.

Петерс, располагавший всеми оказавшимися в руках ВЧК разоблачительными материалами, проявил недюжинный ум, дав в итоге анализа точную характеристику роли США в этом огромном заговоре против России. Он написал для «Известий» статью «Для порядка». «Россия перестала быть жандармом, но вместо России вырос новый жандарм, новый хранитель порядка — наемник американской буржуазии Вильсон. ...Еще 25 августа у американского консула было решено...» Далее Петерс рассказал подробно о разделении труда, принятом на этом совещании, в целях подрыва Советской власти. Он подтвердил, что все пошло «по определенному плану: разбираются железные дороги и взрываются мосты, ведущие на фронт, к нашим армиям. Саботаж наблюдается в одном направлении: вызвать в массах недовольство и волнение. Своими деньгами, созда-

вая эти беспорядки, Вильсон и компания пойдут их тушить».

И менее всего обращая внимание на стилистические огрехи, он следующим образом завершил свои мысли: «Но их затея не удастся. Слишком поздно. Проснулся рабочий мир. И... будут раздавлены гады буржуазного мира мировой революцией».

...На Западе все больше поднимался шум в связи с арестом Локкарта, писали о «тяжкой участи английского дипломата», которого «подвергают пыткам». В ВЧК прибыл шведский генеральный консул Аскер.

Не садясь на предложенный ему стул, в официальных выражениях Аскер стал заявлять, что он уполномочен своим правительством и т. д., призывал к гуманности в отношении к «терпящему превратности» английскому дипломату и перешел к чтению ноты с угрозами сэра Бальфура, тогдашнего министра иностранных дел Великобритании. Петерс шведа прервал и сказал, что Аскер обращается не по адресу: ВЧК не уполномочено представлять Советское правительство. Незачем и зачитывать ноту — она напечатана в «Известиях». Угрозы на нас не подействуют! Если Аскер желает повидать Локкарта, то препятствий к этому нет!

В тот же день швед встретился с Локкартом — увидел просторные комнаты, чистые полы и окна (уборку делали люди из конвоя) и вынужден был признать, что слухи о тяжелой участи Локкарта ни на чем не основаны. А сам Локкарт записал: «Он убедился в том, что я не голодаю и не подвергаюсь никаким мучениям; сообщил мне, что в моих интересах делается все возможное, и простился». Ничего другого он записать и не мог, ибо за день до этого в его блокноте о Петерсе уже были такие слова: «Он относился ко мне с чрезвычайной любезностью, справился несколько раз о том, как себя держит стража, доходят ли до меня регулярно Мурины письма и нет ли у меня каких-либо жалоб».

Когда же на следующий день после посещения Аскером ВЧК англичанин прочитал в газетах о том, что он, Локкарт, лично опроверг дикие слухи, распространяемые буржуазной печатью, и подтвердил шведскому генеральному консулу, что обращение с ним не оставляет желать лучшего, Локкарт был в бешенстве. Констатировал: «Что не могли сделать сами большевики, за них сделал английский дипломат со своим признанием — я, тупица,— дав все данные о том, что вовсе не нахожусь в опасности!»

БУДНИ. I

В одну ночь, когда Петерс уже с блаженной мыслью поглядывал на диван с серым одеялом, ему принесли найденные при обыске бумаги. Среди них он увидел несколько страниц, вырванных из книги. Он узнал эти страницы — они были из первого тома романа графа Толстого «Война и мир», то место, где рассказывалось о князе Андрее, лежавшем тяжело раненным под голубым небом Аустерлица. Писатель-граф Петерса не особенно привлекал. В память врезался разве только первый бал Наташи Ростовской. Скучно-дидактические же поучения графа, его рассуждения о некоем роке Петерсу казались и успокаивающей, и устрашающей молитвой. Петерс предпочитал сурово-открытого Некрасова, хотя и его он теперь читал редко: сразу Петерсу вспоминались лондонские дни, его комната, камин, жена Мэй, дочка — да, это были тяжелые думы...

Углубившись в вырванные страницы из Толстого, Петерс удивился тому, что князь Андрей «думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никак не мог понять значения, и еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих». Читал ли Петерс раньше эти строки, он не помнил, но сейчас он никак не мог согласиться с толстовскими

суждениями. Петерс мог сказать и для чего живет, и как согласен встретить свой конец, если революции нужна его смерть.

Забыв, что собирался предаться сну, Петерс как-то машинально взял страницы Толстого, пошел к Дзержинскому. У последнего разговор наверняка склонился бы к «Фаусту», но Петерсу просто захотелось сказать, какую удивительную неправильность нашел он у Толстого. Во дворе проурчал мотор «паккарда», автомобиль выкатился на улицу, аккуратный и терпеливый Сергей Тихомолов повез Дзержинского домой (Дзержинский недавно получил комнату в Кремле, в Кавалерском корпусе и теперь редко ночевал в своем кабинете за перегородкой). «Бензина в Москве практически нет, а Сергей исправно ездит. Мудрит над какими-то смесями,— уважительно подумал Петерс, глядя в окно на темную Москву и удаляющиеся огоньки машины.— Без горючего и ВЧК работать не может!»

Петерс не мог уснуть. Мучили мысли — мысли о том, что он делал, во что верил, чему преклонялся. Он жил в мире опасностей, засыпая в тревожных снах, в них переживал разорванные ночи, ночи ВЧК, ночи России... Толстой утверждает, что никто из живущих не поймет смысла жизни, смысла смерти. Так ли это? А может быть, думал Петерс, надо повернуть к другой жизни, покончить с ничтожной, какой она была доньше, приниженной? Толстой почувствовал бесполезность жизни целого класса дворян, живших бессмысленно и делавших все более бессмысленной жизнь других, обобранных ими до нитки, забитых ими, задавленных подневольным трудом крестьян. Поэтому все то, что признавалось величием, тоже оборачивалось ничтожностью. В этом граф, пожалуй, прав, смягчился Петерс.

ВЧК работала с «материалом», который давала ей враждебная среда — этот источник «шпионства, всякой помощи капиталистам» (Ленин). Белоофицерские дивер-

санты, участники враждебных организаций монархистского направления, дипломаты-заговорщики, анархисты и бандиты, налетчики и спекулянты — все они проходили через ВЧК, бывали у Петерса. Он помнил слова, сказанные В. И. Лениным, что мы не боимся капиталистов, всяких шпионов и спекулянтов: «Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим». Петерс делал сейчас, пожалуй, самое трудное и самое осмысленное — из ада и грязи мира, потрясающей несправедливости, где сама жизнь теряла всякий смысл, он спасал то, что еще могло жить, должно было жить. Главное — сделать жизнь такой, чтобы нормальный человек мог ее полюбить. Тогда будет и смысл в жизни.

Борьба ВЧК против носителей смерти, борьба за жизнь народа приобретала особую ценность. В Россию приезжал англичанин Бертран Рассел, позже знаменитый философ. Он увидел Ленина, ездил по разрушенной стране и вынес впечатление, «что если бы России дали жить в мире, то могло бы произойти поразительное ее индустриальное развитие, которое сделало бы ее соперницей Соединенных Штатов. Большевики являются во всех своих целях сторонниками индустриализации; им нравится все в современной индустрии, кроме чрезмерных прибылей капиталистов». А Россию ее враги за все это хотели вернуть снова в рабское положение!

...Этот разговор, кажется, произошел в одну из последних встреч Петерса с Локкартом, когда англичанин все еще находился в «кремлевском заточении».

Петерс:

— Зашел к вам узнать, господин Локкерт, нет ли у вас каких-либо просьб, жалоб. Мы готовы содействовать вам всем, что в наших силах.

Локкерт:

— Спасибо. Вы очень внимательны. Действительно, если имеется возможность, хотелось бы изменить меню, а то лишь жидкий суп, чай, картошка...

Петерс:

— Улучшить питание — дело наиболее трудное. Рабочие Москвы и Петрограда неделями не получают восьмую фунта назначенного им хлеба. Мои люди питаются тоже не лучше; на Лубянке у нас вообще перевелись мыши.

Локкарта, по всему было видно, это менее всего интересовало. Что ему до того, что в ЧК выдавали продовольственную карточку: на хлеб (100 граммов в сутки), на завтрак (две маленькие лепешки и стакан чая, часто морковного), на обед (суп или щи из конины, на второе — тоже конина, тушенная с соусом из отрубей), на ужин (опять две лепешки с чаем). Дзержинскому, правда, с какого-то времени сделали исключение, но лишь в том, что еду носили ему в кабинет; он же каждый раз спрашивал: что дают сегодня другим? не хуже? Разве не заметил этот дипломат-разведчик, что когда ему принесли от Муры в корзинке кофе, ветчину и другие деликатесы, которые были неслыханной цены и добывались в темных углах «черного рынка», то красноармейцы из конвойной команды, почуяв такую роскошь, отворачивались, бледнели так, как будто бы их оскорбили лично! Но Локкарт хотел есть вволю, как и привык его класс.

Локкарт:

— Я могу вас понять и тех рабочих, что не получают хлеба. Но ведь у меня имеются определенные права и меня задерживают незаконно.

Потом он запел о другом:

— Я пребываю в комнатах, где до меня находился господин Белецкий и откуда ваши люди повели его на расстрел... Вся вина этого доброго старика, к слову, была только в том, что он при царе занимал высокий пост министра. Даже из газет вашего направления я узнаю, что таких несчастных, как Белецкий, вы уничтожаете десятками и называете все это «красным террором». Ваш «красный террор» ничего не имеет общего с человечностью, гуманиз-

мом. Какое же сообщество вы хотите построить? Я с ужасом смотрю в будущее России...

Петерс:

— Не собирался дискутировать с вами о гуманизме. Здесь мы расходимся полностью. Кстати, военные меры со стороны красной власти предприняты, чтобы защитить тех, кто на своих плечах выносит революцию. Террор большевики всегда осуждали, не они изобрели гильотину, у них нет ничего подобного Тауэру, к виселицам которого Англия «на законном основании» приводит всех неугодных, называя их преступниками. Я вам рассказывал, как был свидетелем казни лорда Кейсмента. У нас нет линчевания — этого изобретения американской демократии. Большевики, когда они взяли власть, проявили удивительную мягкость, снисходительность даже к тем, кто им желал погибели, был уличен в преступлениях против власти Советов. Я тогда так же был настроен, как все, и не мыслил, что в новой России придется вводить смертную казнь, которая была отменена на II Всероссийском съезде Советов. Мы, большевики, еще вчера смотрели на мир через розовые очки, полагая, что снисходительность и есть гуманизм, человечность. Нас проучили... Схваченный на месте преступления, генерал Мельников дал нам письменное обязательство («честное слово») больше не выступать с оружием против Советской власти. Его освободили. Был освобожден под «генеральское слово» и другой генерал, Краснов. А где они теперь? Воюют против нас! Слово и не было их «честных» обязательств. Расскажу вам об одном «секрете» ВЧК. В течение месяцев мы в своей среде обсуждали вопрос о смертной казни и твердо отклонили ее как средство борьбы с врагами. Бандитизм же в Петрограде тогда стал расти ужасно; мы арестовали князя Эболи, этого «короля бандитов». В итоге решили, что применение смертной казни неизбежно, и расстрел Эболи был произведен по единогласному решению. Когда же против Советской власти двинулись белые генералы, «союзники» интервен-

сионистски пробрались в Россию и вместе стали уничтожать рабочих и крестьян, начались взрывы и убийства. Это делали террористы. Мы вынуждены были ввести расстрелы. Я располагаю достаточно точными данными... За первое полугодие восемнадцатого года мы поставили к стенке 22 лица — все они были схвачены на месте преступления с оружием в руках. В июле события стали нарастать... В 22 губерниях России за один месяц было совершено 414 террористических актов против учреждений власти, их представителей. В августе, помнится мне, около 350, а вот в сентябре, еще в незакончившемся месяце мы их учили уже более пяти тысяч... Кульминацией была попытка убить нашего вождя товарища Ленина...

Локкарт:

— Мы здесь ни при чем!..

Петерс:

— Возможно, вы и ни при чем. Но ваши поощрительные действия политическому бандитизму, поддержка белых генералов, прямая интервенция в России создали обстановку для усиления террора, который наши трудящиеся люди называли «белым террором». Мы сняли розовые очки, поняли, что наша мягкость погубит нас и нашу революцию. Мы кончаем с «добренькими дядями» из монархистских кругов бывшего царя Николая; это он с вашими Ллойд Джорджем и Пуанкарэ заварили бойню между народами, государствами. Война стоила нам уже миллионов жертв — убитых, отравленных, умерших от тифа и голода. И разве честь нации не требует, чтобы министры, повинные в кровавом союзе с царизмом, союзе, вызвавшем столько жертв, были привлечены к ответственности! Мы никому не мстим, расстреляли явных белогвардейцев, царских палачей, которые уже сидели в тюрьмах в ожидании народного суда... Всякие страхи рассказывают о ВЧК, рассказывают и у вас в Лондоне, господин Локкарт, мол, в России расстреляли восемь тысяч профессоров, а их-то вообще у нас не будет и половины этого числа!.. Признаюсь: в эти

дни ВЧК имеет большие неприятности только за то, что в «Вестнике ВЧК» допустили мысль о возможности применения крайних мер к арестованным контрреволюционерам при их допросах. Нам написали письмо, где такая идея проводится, и мы опрометчиво напечатали его в «Вестнике...»¹.

На заседании ЦК РКП(б) было сказано не менее резко по поводу письма-статьи, «восхваляющей пытки», и было отмечено, что «при этом редакция в примечании не указала на свое отрицательное отношение к статье нолинцев». Выступление нолинцев и позиция редакции были осуждены. Не менее крутыми оказались и меры организационные. «Вестник ВЧК» должен прекратить свое существование — таково было решение ЦК РКП(б). Была назначена комиссия: Каменев, Сталин, Курский — с целью «обследовать деятельность чрезвычайных комиссий, не ослабляя их борьбы с контрреволюционерами».

Мучительная гримаса исказила лицо Петерса, он продолжал:

— Так вот. «Красный террор» вылился из глубокого возмущения не столько верхушки советских учреждений, сколько наших рабочих, красноармейцев, женщин — все они глубоко потрясены жестокостями врагов. Мои товари-

---

¹ Имеется в виду инцидент с письмом исполнительного комитета и партийного комитета из городка Нолинска Вятской губернии «Почему вы миндальничаете?», в котором писали о Локкарте: «Раз пойман опасный прохвост, то надо извлечь из него все, что можно, и потом отправить его на тот свет» и т. д. в таком духе; и все эти слова нолинцы подчеркнули жирной чертой. В связи с написанным вопросом о деятельности ВЧК привлек внимание Президиума ВЦИК, который признал, что высказанные в статье мысли находятся в глубоком противоречии с политикой и задачами Советской власти. В постановлении указывалось: «Прибегая по необходимости к самым решительным мерам борьбы с контрреволюционным движением, помня, что борьба с контрреволюцией приняла формы открытой вооруженной борьбы, в которой пролетариат и беднейшее крестьянство не могут отказаться от мер террора, Советская власть отвергает в основе как недостойные, вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм меры, отстаиваемые в указанной статье».

щи видели в Елисаветграде пять тысяч трупов чисто гражданских людей¹. Мне запомнилась телеграмма, в которой говорилось, что собрание стольких-то тысяч рабочих, обсудив вопрос о покушении на товарища Ленина, постановило расстрелять десять буржуев. Массовое возмущение подействовало на ВЧК, на местный аппарат, и «красный террор» начался без директив из центра, без указаний из Москвы.

Локкарт:

— Слушаю вас и начинаю думать, что вы — не мягкий человек. А ведь вы имеете семью, у вас есть маленькая дочь, и, думаю, мечтаете о дне, когда она будет с вами и вы будете проводить свободное время с ней...

Петерс:

— Не время сентиментам. Но мечтаю. А пока ваша гуманная Англия заваливает прихожую дома моей семьи в Лондоне газетами, в которых меня описывают неким чудовищем (газеты доставляют бесплатно!). Моя дочь не может показаться на улицу: там все дни простаивают типы с лозунгами и кричат: «Маленькая Мэй, убирайся в Россию к своему красному отцу!» Вот так, господин Локкарт!

Петерс мог выложить еще немало аргументов и доводов. Мог сказать, что еще не остыла кровь убитых Урицкого, Володарского, Нахимсона, Шейнкмана и многих, многих других. «Правда», «Известия» почти в каждом номере

---

¹ Вот что писал М. Лацис в статье «Правда о красном терроре»: «Сравните только жертвы белого террора, когда в один прием в одном Елисаветграде было оставлено 5000 трупов, когда в каждом городе на базарной площади поднималась виселица и целые баржи (на Волге и Каме) нагружались рабочими и крестьянами,— и вы скажете, что пролетариат был слишком сдержан и мягок.

...мы подчас были преступно великодушны.

...одних председателей Чрезвычайных комиссий убито 6 человек, в числе которых значится тов. Урицкий. Вот вам краткая история красного террора. Вот вам картины «ужасов Чрезвычайки» (Известия ВЦИК, 1920, 6 февраля).

помещали некрологи — тяжелые свидетельства кровавой работы вражеских сил в России¹. Но и то, что им было приведено, Локкарт не смог опровергнуть... И Петерс прямо сказал англичанину, что революция в России — это время, когда каждому надо задуматься: что делать, куда идти — с народом, против него или его покинуть. Локкарт, вероятно, понимает, что его карьера закончилась. Он в России провалился. И почему бы Локкарту не поразмыслить над тем, чтобы остаться в России, создать себе новую жизнь, счастливую. Предстоящий суд, безусловно, учел бы положительно такое желание. Работа для Локкарта найдется. Время капитализма все равно прошло.

Локкарт, сидевший полубоком к Петерсу, повернулся к нему всем корпусом, с некоторым удивлением, стал почти рассматривать Петерса.

— Вы не ослышались, господин Локкарт, я сказал то, что сказал: зову вас сжечь мосты к прошлому, у которого нет будущего. Перед вами есть хорошие примеры. (Петерс указал на капитана французской армии Жака Садуля, который в сентябре 1917 года прибыл в Россию в составе французской армии, а вот теперь объявил, что поддерживает Советскую Россию. Назвал достойным гражданина поступок Ренэ Маршана...)²

Локкарт молчал, как молчат отрешенные, сосредоточившиеся в себе люди, вдруг каким-то чудом узнающие, что говорят о чем-то очень для них важном. Поднял голову, спросил:

---

¹ К этому разговору с Локкартом потом в мыслях еще не раз будет возвращаться Петерс. Удовлетворенно он прочтет в докладе В. И. Ленина в феврале двадцатого года: «Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты».

² Садуль впоследствии стал коммунистом. Жизнь Маршана сложилась неровно, но одно время он состоял в партии коммунистов.

— В самом деле суд может сделать в таком случае для меня снисхождение?

— Что решит суд, не могу сказать,— Петерс развел руками,— но за свои слова отвечаю, они не «нонсенс», над ними, на вашем месте, я подумал бы крепко. Советская власть принимает каждого, кто хочет жить по справедливой мерке и честно...

Как ни странным показалось Локкарту предложение Петерса — англичанин не мог себе даже представить, что он способен перейти на сторону «красных», — Локкарт все же задумался. Ничто не просвещает человека так, как события, властно вторгающиеся в его судьбу, и влияние которых меняет понимание смысла жизни. Петерс, возможно, думал, что не все еще разрушено, испорчено в душе Локкарта. Ведь тот много видел в России. Два раза был принят Лениным, пусть разговор велся и сугубо официальный. А какую школу могли дать ему конвоиры, красноармейцы, охранявшие его? Разговоры дипломата с ними, их бесхитростные ответы, открытые мысли, часто грубые и неотесанные, обнаженные, но искренние, могли найти отклик в его мыслях, заставить задуматься над содеянным. Петерс пытался просветить пошатнувшегося в своем самодовольстве и самоуверенности дипломата, который хотя и повел нечестную игру, но теперь искал выход из положения, все более осознавая факт провала, находясь в смятении. Петерс разъяснял ему «тайны» революции, классовой борьбы, говорил правду о ВЧК. Англичанин вроде бы внимательно слушал. Но слышал ли?

«Я размышлял над предложением Джейка остаться в России с Мурой,— записал он в дневнике.— Оно вовсе не было так бессмысленно...»¹ Чтобы укрепить отношения анг-

---

¹ Относительно предложения остаться в Советской России написано самим Локкартом в его книге «Буря над Россией». В этом предложении ничего не было удивительного: на сторону Советов переходили люди разных судеб, разного происхождения. Вероятно, поэтому Локкарт в своей «Исповеди» не хитрил, не кривил душой.

личанина с Бекендорф, Петерс убедил Локкарта, что баронесса ни в чем предосудительном не замешана. Следствие ничего достоверно предосудительного не представило, и Петерс, поддержанный товарищами, проголосовал за ее освобождение. «Незачем плодить себе врагов — побольше бы нам друзей либо нейтральных», — сказал он, мотивируя свои соображения.

...Локкарт задумался о любви. Парадоксально! Но именно большевистская революция свела его с Мурой (графиней Бекендорф). Но любил ли он ее? Пожалуй, нет — чувства становились все более неопределенными.

Он не смог решиться перейти Рубикон, как советовал ему Петерс, хотя это «вовсе не было бессмысленным», как признавался Локкарт. Когда вдруг представилась возможность свободно распорядиться собою, свободно ответить на предложение Петерса, он потерял волю. Превратное понимание свободы стало для Локкарта его оковами.

Сохранились записи Петерса, сделанные по живым следам. О Локкарте: «...в частных разговорах он производил впечатление жалкого человека... Как жалкий карьерист, он вроде осла стоял между двумя стогами сена, с одной стороны — английский и мировой империализм, в долговечности которого он сомневался, с другой стороны — растущий новый мир. И каждый раз, когда ему говорили об этом растущем новом мире, о его победах и о ненормальном его, Локкарта, положении в том мире, которому он служит, Локкарт брался за перо, чтобы говорить всю правду. Проходило несколько минут, и снова бедный осел кидался к другой куче сена и бросал перо».

Локкарт был выслан, как были высланы Гренар и Вертимон. В ответ — согласие правительства Великобритании освободить из тюрьмы в Лондоне Литвинова. Перед тем как покинуть страну, Локкарт написал властям специальное письмо с благодарностью относительно своего почти почетного содержания под арестом, указав в нем,

что ему, представителю Англии в России, не на что жаловаться. Он взял с собой все свои записи, свой «тюремный дневник».

Суд по делу Локкарта и его сообщников подробно разобрался во всех обстоятельствах. Пять дней (с 28 ноября по 3 декабря 1918 года) шли заседания, были вызваны многие свидетели, в том числе Э. Берзинь, Е. Петерс, которые «твердо и определенно подтвердили» преступные деяния дипломатов, попытки подкупа (Берзинь сказал, что он три раза, получив суммы, относил их Петерсу).

Трибунал «признал установленную судебным следствием преступную деятельность дипломатических агентов империалистических правительств англо-франко-американской коалиции, пытавшейся при пособничестве представителей русских буржуазных контрреволюционных сил путем организации тайной агентуры для получения сведений политического и военного характера, подкупа и дезорганизации частей Красной Армии, взрыва железнодорожных мостов, поджогов продовольственных складов и, наконец, свержения рабоче-крестьянской власти и убийства из-за угла вождей трудовых масс нанести смертельный удар не только русской, но и международной социалистической революции». В приговоре указывалось, что действия западных дипломатов были «циничным нарушением элементарных требований международного права и использованием в преступных целях права экстерриториальности». Подтвердилось существование преступного союза внутренних и внешних сил, сплотившихся в борьбе с Советской Россией. «Мы видели, как десятки тысяч офицерства, помещичьего элемента шли на какие угодно преступления, заключали договоры о взрыве мостов с агентами империалистических иностранных держав» — так об этом говорил Ленин.

Локкарт, Гренар, Рейли и Вертимон были объявлены врагами трудящихся, стоящими вне закона РСФСР, при

первом обнаружении в пределах России они подлежали расстрелу. К расстрелу был приговорен шпион Каламатяно. Рейли удалось до суда скрыться (с документом на имя антиквара Георгия Бергмана он добрался до Лондона). Перевел дух, бросился к своим книгам из личной коллекции воспоминаний о Наполеоне. Рейли еще надеялся на реванш, искал вдохновения...

К суду был привлечен и иностранец под фамилией Камбер-Хиггс; суд не смог выявить с полной определенностью его вину. Это имя скрывало совсем другого человека, не того, за кого тот себя выдавал. Под этой личиной предстал агент разведывательного отдела британского военного министерства. Работал он настолько тонко, что стал при царе «другом» России, кавалером российских наград — ордена Св. Владимира 3-й степени, потом Св. Анны 2-й степени и еще Св. Станислава 2-й степени. После Октября он перебрался в Москву... Что он делал в Москве? Об этом почти никто ничего не знал...

Если верить исследованиям англичанина Э. К. Брауна, то этот разведчик «в 1918 году являлся одним из тех секретных британских агентов, которые были замешаны в попытке убить Ленина, чуть было не увенчавшейся успехом». Сам агент в своих мемуарах в 1932 году написал: «Я ежедневно встречался с Рейли, и он информировал меня о своих действиях и планах свержения большевиков путем государственного переворота». Особо секретный агент, по его же более позднему заявлению, должен был якобы полностью гарантировать осуществление плана Рейли. «Если бы с Рейли случилось что-нибудь, то я должен был продолжать его дело», — написал он в мемуарах. С Рейли действительно «случилось», и он бежал. Агент продолжал: «Этот удар не постиг мою организацию, потому что мы с Рейли работали в абсолютно непроницаемых отсеках и у нас были разные организации». Камбер-Хиггса суд оправдал, и он уже под настоящим именем — Джордж Хилл —

отправился, как он после хвастался, «продолжать дело» Рейли.

Нельзя сказать, что ВЧК ничего не знала о Хилле. Петерс обратил внимание на это имя, когда были перехвачены материалы о секретном совещании 25 августа у генконсула США. Из намерения «продолжать дело» Рейли у Хилла, скорее всего, ничего не вышло, и он вполне в этом мог винить ВЧК, все более овладевшую искусством ставить заговорщиков в рамки, парализующие их действия. И хотя Хилл после суда отправился в глубокое подполье, успехи его были ничтожны, поэтому уже в 1919 году он оставил Россию, вернулся в Лондон.

...ВЧК же продолжала жить своей жизнью, начатой так трудно, с невероятной тратой человеческой энергии. Были громкие успехи, были и неудачи. Ее деятельность подвергалась постоянной злобной и разнузданной критике со стороны тех, кто ее кровно ненавидел, желал гибели Советской власти. Порою критиковала ВЧК и партийная печать. На партийных собраниях, на разных совещаниях говорили о крайностях, о том, что ЧК перебарщивает, и многое другое. Эта «внутренняя» критика сама иногда выливалась в ненужные крайности, и чекисты переживали ее болезненно. Лацис писал, что «случались и промахи, как при каждом новом деле. Но эти промахи постоянно преувеличивались, и кругом создавалась атмосфера, убивающая всякую охоту работать в нужном для Советской власти органе — Чрезвычайной комиссии». Ленин внимательно следил за всем происходящим в ВЧК и вокруг нее, смотрел на вещи реально. Он решил высказать свои соображения и использовал для этого приглашение в клуб ВЧК на собрание по случаю первой годовщины Октября. Ленин чувствовал себя уже лучше после покушения, выглядел бодрым.

Собрание начал Петерс. Он объявил:

— Товарищи! К нам приехал Владимир Ильич Ленин. Будет выступать!

Грянули аплодисменты. Ленин, склонив голову, ждал, пока смолкнут овации (а они все усиливались), достал из кармана часы, стал показывать их аудитории — мол, время-то идет!

Ленин заговорил о «тяжелой деятельности чрезвычайных комиссий», о том, что «не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК». Управляя страной, мы немало ошибались, а ошибки ЧК «больше всего бросаются в глаза». Выхватывают эти ошибки: «плачут и носятся с ними», не имея желанья вникнуть глубже в сущность дела. А сущность дела состоит в том, что идет экспроприация буржуазии, и это дается в тяжелой борьбе — диктатурой. Ленин закончил так: «ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом».

Ленин ответил тем, кто упрекал ВЧК в жестокости: с какой жестокостью расправлялась буржуазия Франции с пролетариатом в 1848 году. Финляндская белая гвардия расстреливает рабочих ныне и кичится своей «демократичностью»! В заключение он обратил внимание на то, что сейчас от ЧК «требуется решительность, быстрота, а главное — верность».

Дискуссия и споры вокруг ВЧК возымели большое значение в решении многих вопросов ее деятельности, революционной законности, отпора врагам, которые не переставали плести заговоры против молодой Советской Республики.

7 января 1919 года заседание коллегии ВЧК «пришло к заключению, что необходимо сократить аппарат Чрезвычайных комиссий»; как об этом сообщила «Правда» от 16 января. «Было бы нелепо, — писал Петерс, — усиливать Чрезвычайные комиссии, отбирая у пролетариата его лучшие силы, после того, как наши враги ослабли, после того,

как Локкарт и К^о изгнаны из России... Для борьбы с контрреволюцией требуются теперь другие способы».

Не все разделяли подобное мнение. И в партии решили, что надо со всей тщательностью взвесить, обсудить это предложение ВЧК; оно должно быть либо принято — и тогда обрести форму революционного закона, — либо отброшено.

23 января 1919 года в Москве собрались члены организаций городского района Российской Коммунистической партии. Они обсудили деятельность ЧК и главным образом «проект Петерса» и «проект Крыленко»; последний говорил не столько о необходимости перестройки ВЧК, сокращения ее аппарата, а упирал на довольно распространенное мнение о необходимости поставить ЧК «в рамки закона», который к тому же понимался в духе формализованного и свойственного прошлому строю (новая юриспруденция только зарождалась). «Внутренние» критики ВЧК не успокаивались, хотя после выступления Ленина в клубе ВЧК главное стало ясно.

На этом собрании не было недостатка в страстях. Петерс говорил:

— Напрасно нас упрекают, что ЧК работала бесконтрольно — я заявляю, что ни один важный вопрос не решался мною без согласия авторитетных лиц или учреждений.

О предложениях своих оппонентов он решительно заявил:

— Проект товарища Крыленко — буржуазный продукт, и, как мы видим, его защищают не простые рабочие, а представители адвокатуры и юстиции, не могущие отделаться от старых традиций. (Петерс был прав по существу, но к Крыленко он, возможно, был излишне строг.)

«Проект Петерса» (необходимость ликвидации уездных ЧК и недопущение ликвидации ЧК вообще) получил «за» — 214 голосов, «против» — 57. «Предложения Крыленко» поддержки не получили.

ВЦИК среагировал оперативно. Уже на другой день,

24 января, «Правда» опубликовала за подписью Председателя ВЦИК Я. Свердлова постановление: «В целях правильной организации и более рациональной борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности...» — ликвидировать все уездные ЧК. На выполнение постановления ВЦИК местным властям давалось 20 дней.

Можно сказать, что месяцы горячих споров вокруг ВЧК отразили битву партии за ВЧК, за повышение ее боевитости, усиление революционной законности. И эта битва была выиграна.

...В условиях нелегких дискуссий вокруг работы ВЧК, когда наслаивалось много и несправедливо, ЦК РКП(б) решил сделать еще одно важное дело — более весомо поддержать авторитет штаба ВЧК. 25 марта 1919 года на Пленуме ЦК партии была утверждена коллегия ВЧК: Аванесов, Валобуев, Дзержинский, Эйдук, Жуков, Кедров, Ксенофонтов, Лацис, Медведь, Мороз, Петерс, Уралов, Фомин и Чугурин. А 30 марта Дзержинский был утвержден наркомом внутренних дел, что снимало прошлые разногласия между ВЧК и НКВД и усиливало важнейшие государственные органы на пресечение подпольных действий врагов Советской власти.

БУДНИ. II

Воинский эшелон отходил в Ярославль. Была зима, стлыли заиндевшие деревья, и чем ярче светило низкое солнце, тем становилось холоднее, сильнее вымораживалось небо — пустое, огромное и строго голубое. Красноармейцы припасли немного дров, остатки поломанной мебели, и в теплушке бодро загудела «буржуйка». Поезд поехал. Незаметно летело время: в разговорах, шутках, былях и небылицах. Кто-то запел, другие подхватили: сначала революционные песни, потом те, что поет весь народ. Петерс не пел, слушал внимательно, запоминал особенно понравившиеся.

В Ярославле после пережитого левозсеровского мятежа еще редко над какими трубами вился дым. К Петерсу приходили люди — кто побеседовать с ним, кто просто посмотреть на человека из Москвы: что нового привез? что скажет? Местные чекисты, милиционеры, которые не имели еще формы, а носили нарукавные повязки, люди из Советов, служащие, горожане старого Ярославля. Одни слушали Петерса молча, с достоинством. Другие, отвечавшие за дела в городе, за то, чтобы дымили трубы, оправдывались, бодро твердили, что рабочие-де заняты построением социализма. Третьи слушали Петерса плохо и все гадали, с какой же целью приехал в их город большой чекист. Некоторые поспешили кое-что упрятать, говорили: не миновать обысков.

Ярославль после путча бедствовал, страшно бедствовал. Тяжко было смотреть на разбитые дома, на ютящихся в холодных подвалах людей. Ремонтировалась же только церковь.

— Разве это дело? — спрашивал Петерс. — И почему не конфискуете дома буржуев? Туда и переселите рабочих!

А в ответ слышал, что ярославцы уверенно идут вперед к мировой революции, к светлому будущему.

В городе буйно веселились от самогона, слышны были пьяные дурацкие песни, с таким залихватским анархистским содержанием:

Цыпленок жареный, цыпленок вареный,
Цыпленки тоже хотят жить.
Его поймали, арестовали,
Велели паспорт показать.
Я не советский, я не кадетский,
Обыкновенный офицер... и т. д.

Борьба с самогонщиками не была прямым делом ЧК, но приходилось заниматься и этим, помогать милиции и местным властям. Петерс рассказал, с чего начала Нижегородская ЧК, которая во всеуслышание объявила в городе, что «всякий, занимающийся продажей и изготовлением

спиртных напитков, будет расстрелян», всякий, задержанный в пьяном виде, будет караться до шести месяцев тюрьмы. За 15 дней в Нижнем Новгороде было задержано за пьянство 60 человек. Чтобы успешнее бороться с этим злом, тамошняя комиссия решила публиковать в печати имена задержанных за пьянство и сообщать партийным комитетам. Большевики, сказал Петерс, как только пришли к власти, объявили о непримиримости к пьянству. Петроградский ВРК в ноябре семнадцатого издал приказ «о принятии мер по борьбе с пьянством», потребовал закрыть частные чайные и трактирные заведения «в случаях обнаружения торговли спиртными напитками».

Слушавшие Петерса оживились: о таких делах питерского ВРК и Нижегородского ЧК ярославцы не слышали. Жаловались: мало приходило газет в Ярославль. Если сто граммов хлеба выдавали здесь каждому работающему, то с газетами куда хуже — появлялись редко, было их мизер. К тому же многие почитают — и пустят на цыгарки, самокрутки.

Нелегкие мысли вселились в Петерса после Ярославля. Слишком велико бремя трудностей. Многое еще предстоит преодолеть. Разруху в первую очередь. Но главное — народ за революцию: рабочие, мастеровые, мужики с заскорузлыми руками, бойцы Красной Армии. Болтунов, бездушно твердящих о социализме, еще не мало, но мир без дураков не обходится.

...Только Петерс вернулся из Ярославля на Лубянку, ему принесли телеграмму о чрезвычайном происшествии. Местный Совет в Лодейном Поле созвал народный митинг в память расстрелянных контрреволюцией в Германии «любимых вождей мирового пролетариата» — Карла Либкнехта и Розы Люксембург. И сход постановил — отобрать несколько лиц из «местной буржуазии» и в отместку расстрелять их.

Петерс дозвонился до Петрочека (ЧК Петрограда), приказал немедленно послать в Лодейное Поле боевого,

политически подготовленного чекиста! Прекратить самосуд! Приостановить исполнение постановления Совета! Советская власть никому не мстит, она организованно борется со старым миром.

То, что в ВЧК были люди, которые увлекались Гете, любили Некрасова, спорили с графом Толстым, в портфелях носили Райнису, — не относилось к секретам. «Понимающие люди» при этом пожимали плечами: работа в ЧК по их понятиям вовсе не требовала художественных натур, любивших искусство, литературу, природу. Но они не знали, не догадывались, что эти качества помогали, и основательно, взбираться на вершины чекистского мастерства, овладевать искусством разведки и борьбы.

Близка чекистам была и культура. Они связывали ее прежде всего с избавлением людей от голода, холода, тифа, холеры и прочих болезней, а больше всего со спасением людей от своих и чужих контрреволюционеров. Петерс вынашивал мысли о путях достижения всеобщей грамотности, о борьбе с невежеством. Правда, сейчас народ прежде всего надо накормить, но ему нужны и подлинно человеческие мысли и чувства, с которыми не стыдно жить.

Петерс прочел в «Правде» статью Сосновского; тот писал об издании нужной литературы: пропагандистской, агитационной, но не классиков. Стиль был грубоват, с крикливыми призывами, вроде того, что «солдат без ружья хуже бабы», и все это выдавалось за народную мудрость.

Екаб вступил в полемику: «...трудно найти в деревне газету или брошюру. Даже в народных домах газета редкость... Каждый день во все уголки Советской России уезжают комиссары или сотрудники разных комиссариатов, но о том, чтобы взять с собой литературу, мало кто думает, а между тем это необходимо. Необходимо, чтобы каждый представитель из центра, каждый отряд, посланный на места для подавления восстаний, не являлся только чиновником или карателем, но... вдохновителем настоящего

представления о Советской власти — учителем и проповедником.

Против невежества, используемого шпионами империализма, нельзя бороться только оружием. Тут необходим луч света...»

Петерс продолжал: «Для деревни и фронта необходимо сделать не только кое-что, но отдать им все наши силы, наши литературные способности. При помощи самых популярных брошюр нам удастся пояснить трудовому народу всю мудрость Советской власти, и он поймет, что эта власть — его власть, что он должен ее охранять и укреплять. Тогда мы возьмемся за классиков и построим памятники нашей победы». Писал волнуясь: «Духовный голод невероятный, есть и желание читать, но нет книг. ...У нас не хватает не только бумаги, не хватает много еще другого...» Поэтому предлагал думать, что где-то надо и подужаться, подумать о пропорциях издаваемого.

Он задумался еще раз и над тем, что произошло в Лодейном Поле. В отместку за убийство вождей германского пролетариата «по предложению председателя собрания расстреляли несколько лиц из «местной буржуазии». Разве можно это назвать хулиганством и разве против подобного поступка можно бороться с оружием — репрессиями?». Петерс считал, что это невежество, непонимание сути революционной законности Советской власти.

Некоторые мысли Петерса вызвали в дальнейшем споры, возражения. В дискуссию вступила Надежда Константиновна Крупская. Свои соображения под заглавием «Неосновательные опасения» она послала в «Правду», где ранее выступил Сосновский, и, по сути, отвечала ему, а заодно и Петерсу. «Видите ли, в Полном собрании сочинений Жуковского имеется гимн «Боже, царя храни». Что будет, если сочинения Жуковского попадут в руки рабочего?! Прочитает он «Боже, царя храни» и моментально обратится во врага Советской власти. Так, что ли? — насмешливо и иронически спрашивала Крупская.— Бояться, что рабочему

попадется в руки гимн «Боже, царя храни», значит считать его за какого-то дурака. Рабочий видит жизнь, наблюдает события, приходит к заключению, что самая правильная точка зрения — это коммунистическая, и вдруг — трах! Прочитал гимн, который учил в школе, слышал тысячу раз — и вдруг превратится в монархиста! Подумаешь, что он ребенок, которого надо опекать — читать только агитационную литературу: о попе и кулаке, как жить коммуной и пр. Тов. Петерс как раз это и предлагает. Предлагают это и другие товарищи. Энциклопедический словарь... не иначе, как агитационный, все агитационное. ...Лучше напечатать талантливую книжку какого-нибудь классика, чем псевдо-«пролетарский» сборник с изречениями: «Солдат без ружья хуже бабы» и т. д.».

На этом дискуссия и завершилась. Не потребовались какие-то итоговые обязательные выводы. Каждый извлек для себя то, что можно было почерпнуть из такого открытого обмена мнениями.

В январский день 1919 года в кабинете Петерса зазвонил телефон, непрерывно, настойчиво. Петерс снял трубку: сквозь треск на линии, шумы в телефоне он наконец услышал:

— Мне нужен Петерс. Говорит Ленин...

Послышалось что-то тревожное.

— Где же вы, Владимир Ильич?

— На меня напали бандиты и высадили из автомобиля. Я нахожусь в Сокольническом исполкоме Совета. Прошу прислать машину...

Уточнять было некогда. Петерс поднял на ноги несколько боевых парней и, положив в карман еще одну обойму, поехал с ними в машине. Мчались, подбрасываемые на снежных ухабах, оставляя за собою белые вихри снега.

...Охрана Ленина на практике оказалась куда более сложным делом, чем это думалось вначале. Ленин с уважением относился к тем, кто следил, чтобы его жизни

не угрожали. Иногда ему казалось, что охрана излишне его опекает, и он полагал, что пойдя у нее на поводу — окажешься отгороженным от рабочих, не увидишь их и не услышишь. А такое для Ленина было губительно. Но где была та граница, которая давала бы вождю прочно удерживать нити с народом, быть с ним в тесном общении и не давала бы в то же время возможности врагам угрожать его жизни? Особенно после того, как, ослепленные классовой ненавистью, враги стали подсылать террористов с заданием убить Ленина, тем более после его ранения?

Ленин о своей охране не беспокоился — думала об этом ВЧК. Бывало, Ильич садился в автомобиль, уезжал один или с Надеждой Константиновной на прогулку. И вдруг оказывалось: охраны рядом не было!

В одно воскресенье Дзержинский с супругой и сыном Ясиком вышли из Кремля через Троицкие ворота. На мосту, который ведет вниз от ворот, они неожиданно увидели Ленина, возвращавшегося из города. И с ним никакой охраны! Дзержинский побледнел, прибавил шаг навстречу Ленину, который, тоже увидев Дзержинского, заулыбался безмятежно и просто. Поздоровались, и Дзержинский тревожно заговорил:

— Вы ходите в город один, а где же ваша охрана?

Вместо ответа Ленин чуть прищурился, рассматривая председателя ВЧК:

— А вы? А вы?

...Быстро примчались в Сокольники. Оказалось, что Владимир Ильич ехал в лесную школу, чтобы навестить отдыхавшую там Н. К. Крупскую. По дороге автомобиль задержали, Ленина высадили из машины, и бандиты укатали на ней. Петерс увидел Ленина в редкой ситуации: Ильич был смущен, не мог скрыть чувства досады, что все так получилось и что теперь охране предстоит нахлобучка.

За допущение подобных промахов Дзержинский строго взыскивал. Но жизнь полна парадоксов. Осенью восем-

надцатого Дзержинский получил комнату в Кремле, переселился туда с неохотой: железная кровать за перегородкой на Лубянке его устраивала больше. Но как бы там ни было, Сергей Тихомолов теперь не раз возил Дзержинского в Кремль, и это обычно где-то в 3—4 часа утра. Петерс получил сведения, что на Дзержинского возможно покушение, и он строго сказал Сергею, чтобы по одной и той же дороге из Кремля не ездил — надо менять маршруты. Сергей выполнял распоряжение Петерса. Дзержинский это заметил, спросил:

— Что это вы меня возите по разным улицам?

Шофер объяснил, почему он это делает, на что Дзержинский, по словам Сергея, якобы возразил:

— Не бойтесь и поезжайте старым путем.

В воспоминаниях С. Г. Тихомолов написал: «И мы стали ездить старой дорогой». (Остается тайной, как Дзержинскому, который действительно был бесстрашен и вопросу личной охраны не придавал значения, удалось уговорить Петерса, умевшего выставить требования перед любым, оставить все по-старому? Или в воспоминаниях Тихомолова допущены неточности?)

Из всего случившегося Ленин сделал однозначный вывод: прежде всего в городе должна быть обеспечена безопасность для всех граждан, Советская власть должна сделать все, чтобы улицы и дороги стали местом, где люди могли бы спокойно гулять, отдыхать. С этим нельзя было не согласиться.

26 января 1919 года Петерс печатает статью «К борьбе с бандитами»: «...бандитские налеты опять учащаются, и в связи с этим поднимается вопрос: неужели опять приближается март и апрель прошлого года, когда с наступлением темноты нельзя было почувствовать себя в безопасности на улице?» А бандитизм, уголовный и политический, на самом деле оставался настоящим бедствием. В Москве, например, орудовало более 30 банд, хорошо вооруженных и организованных, которые буквально терроризировали

город. И милиция, и сами жители не могли с этим справиться.

Ленин вынужден был дать особое указание ВЧК:

«Зам. пред. ВЧК Петерсу.

В виду того, что налеты бандитов в Москве все более учащаются, и каждый день бандиты отбивают по несколько автомобилей, производят грабежи и убивают милиционеров, предписывается ВЧК принять самые срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Н. Ленин (В. Ульянов)
25 января 1919 г.».

Тактика бандитов во многом отличалась от тактики контрреволюции. Скрытые и нагло действующие большие шайки в Москве имели свои центры, заставы на окраинах, приобретали оружие. Так, наганы, револьверы и патроны бандам поставлял некий портной Гросс, прибирая к рукам «имущество» на плохо охраняемых складах. Банды захватывали автомобили, используя их потом для внезапных налетов. ВЧК выяснила, что основу шаек составляют уголовники, социальные отбросы старого режима, к бандам примыкали анархисты и белогвардейцы. Были совершены наглые ограбления предприятий «Богатырь», «Главсахар», «Главкожа». Убивали кассиров, которые везли деньги для рабочих, стреляли в милиционеров, обстреливали самокатчиков ВЧК. Задержанные и ликвидированные бандиты были много раз судимы: Васька Черный — девять, Конек — семь, Лягушка — три, Абрам Лея — пять. В шайках процветал культ «дам-королев», которых бандиты одаривали награбленным.

Операцией по ликвидации банд руководили Петерс, начальник уголовного отдела Московской милиции А. Треповалов, начальник Центрального управления уголовного розыска К. Розенталь. Петерс выступил с обращением к населению Москвы, заявил, что «Чрезвычайная комиссия считает себя обязанной повести самую решительную и

беспощадную борьбу с бандитами, вплоть до полного уничтожения их». Он предложил населению активно участвовать в борьбе с бандитизмом, в наведении социалистического порядка.

Довольно быстро изловили бандитов, напавших на автомобиль Владимира Ильича. Те «оправдывались», что не узнали Ленина. Но потом поимка уголовников и борьба с бандитизмом становились все труднее. Преступный мир затаился, действовал хитрее, изощреннее.

Надо было ликвидировать банду Яшки Кошелькова, вероятно самую крупную, насчитывающую более 100 головорезов, которым фактически подчинялся добрый десяток менее крупных банд, орудовавших в городе. Это кошельковцы напали на В. И. Ленина и завладели автомобилем. Банда Кошелькова за короткий срок в Москве убила 20 милиционеров и работников уголовного розыска, совершала наглые нападения. Бандитов окончательно погубила жадность к деньгам, попытка в очередной раз ограбить заводского кассира. В жестокой перестрелке основное ядро банды Кошелькова было окружено, в живых остались только сдавшиеся. Потом свой конец нашел и атаман.

...Наученный прошлыми неудачами, порой слишком наивным и прямолинейным желанием казаться гуманным, Петерс на многое реагировал иначе, председательствуя в Ревтрибунале. И теперь не все шло гладко, особенно когда в трибунал вызывались как будто свои люди, но совершившие должностные преступления или оказавшиеся запутанными в политических интригах. Или когда контрреволюционеры пытались дискредитировать ревтрибуналы, часто обращаясь к Ленину с просьбами их «укротить».

Однажды Ленину доставили телеграмму с ходатайством некоего Белявского, арестованного ВЧК, и с просьбой дать арестованному оправдаться перед трибуналом. Ленин отодвинул бумаги на столе, открыл дверь к секретарю, попросил запросить по телефону у Петерса, «в чем дело и пойдет ли оно в трибунал».

Петерс ответил телефонограммой: «Белявский — ярый враг Советской власти, один из руководителей белогвардейской организации, отправлявшей белых офицеров за линию фронта, обвиняемый по делу Всероссийского монархического союза; за совершенные преступления приговорен к высшей мере наказания».

Ленин встал из-за стола, прошелся по кабинету. Подумал: «Да... у ВЧК рука не легкая, эксплуататоры это уже почувствовали. Но послабление губительно. Они переберут нас, переберут всю Россию...»

Более хитрыми, более продуманными и изощренными стали попытки врагов разложить самих рабочих, которые оставались опорой революции, делали свое дело в невероятно трудных условиях, иногда срывались, теряли классовое чутье, когда не могли правильно разобраться в ситуации. Газеты того времени не раз давали горькие и печальные сообщения о таких событиях.

В Брянске, Гомеле произошли антисоветские бунты и забастовки, в которые оказались вовлеченными и рабочие. Сопровождались они разгулом пьяной анархии. Хулиганами и черносотенцами «убиты были самые лучшие товарищи из рабочего класса, убиты зверски», — подводила итог газета «Известия ВЦИК» 12 апреля 1919 года. Только когда на место прибыли отряды ВЧК, удалось установить революционный порядок. И выяснить, что начало волнений было вызвано «исключительно голодом».

Прекратилась забастовка рабочих в Туле, где обошлось без вмешательства ВЧК: «рабочие сами выбросили из своей среды за борт 40 человек зачинщиков» (Петерс). По какой бы причине ни происходили такие забастовки: голод, безответственность и безалаберность местных руководителей, — все это фактически становилось помощью Колчаку, который продвигался из Сибири, угрожал самому существованию Советской Республики.

На заседание Революционного трибунала Петерс и его два помощника приходили вовремя, как всегда аккурат-

ные. Особенно Петерс: одежда на нем была внешне новенькая, хотя, приглядевшись, можно было убедиться, что пора бы ее и сменить. Впрочем, Екаб мог совсем изношенным брюкам и гимнастерке придать вполне добротный вид: утюг в его руках делал чудеса (пригодилось умение, которое он когда-то приобрел, работая на бывшего хозяина в Лондоне).

...Рассматривалось как-то дело членов Чрезвычайного штаба Волоколамского уезда, допустивших «преступные действия, безразличные к интересам революции, наносившие тяжкий ущерб Республике».

Трибунал признал виновным предисполкома Волоколамского уезда Н. С. Тростникова «в том, что в качестве председателя Чрезвычайного штаба он допускал бессистемные реквизиции и конфискации при национализации частной торговли в уезде и при сборе революционного налога, также потворствовал симуляционному проведению в жизнь красного террора». Приговор гласил: «Заключение под стражу, с принудительными работами на 4 года». Волостной военный комиссар Н. М. Карулин приговорен к 5 годам заключения за то, что при обысках допускал избиение граждан и другие противозаконности.

Строго было спрошено и с председателя местной ЧК И. В. Григорьева — он был приговорен к пятилетнему заключению за то, что не вел никакого контроля за сотрудниками, производил обыски без ордеров.

Революционный трибунал оказался в некотором затруднении, когда надо было оценить поведение начальника штаба П. П. Смирнова: тот имел заслуги перед революцией. Но решение было принято: Смирнов был «лишен права быть избираемым и назначаемым на ответственные государственные должности на 5 лет».

Затем под председательством Петерса разбиралось другое, более сложное дело, в котором оказались явные провокаторы и одураченные, невинные рабочие,— это выяснилось в ходе его разбора. Поучительная история как для суда, так и привлеченных к ответу.

Это было дело по забастовке на Александровской железной дороге. Пятерых рабочих и служащих Революционный трибунал сразу же оправдал. Двоим «за подстрекательство» был объявлен строгий выговор и запрещение «работать на какой бы то ни было жел. дор. Советской власти». Два эсера, подстрекавшие к забастовке и систематически агитировавшие против Советской власти, получили по заслугам. Суд принял во внимание их гласное заявление о том, что они готовы бороться за Советскую власть, и приговорил их «к заключению в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны, с условным освобождением, но с запрещением работать на жел. дор.». Словом, социалистам, желавшим быть революционерами, дали возможность оправдаться перед народом, заслужить его доверие.

Потом суд перешел к главному организатору забастовки Вавочкину, служащему старой администрации, открыто — здесь же на суде — высказавшему свои симпатии к Колчаку. Трибунал не согласился с обвинителем, требовавшим заключения его в лагерь, хотя мог приговорить этого врага даже к расстрелу. Решили: «Приговорить Вавочкина к изгнанию из Советской России и переправить на территорию, занятую Колчаком».

Еще об одном поучительном деле, которое высвечивает школу революционных трибуналов, где учились и сами в них заседавшие, и те, кто попадали туда в качестве подсудимых.

Петерс возглавил разбор Революционным трибуналом дела о «нарушении дисциплины» С. М. Борисовым. Борисов, в недавнем прошлом левый эсер, был принят в большевистскую партию. Однако, как констатировал трибунал, он «не оправдал доверия партии, принявшей его в свои ряды, и тех товарищей, которые ставили его на ответственные посты. Стоя на посту у арестованной Спиридоновой, он, руководствуясь своими личными соображениями, забыл о дисциплине партии и о военной дисциплине

и предлагал ей уйти из-под ареста, взялся передать от нее письмо знакомым левым эсерам.

В тот момент, констатировал революционный суд, когда Рабоче-Крестьянская власть, со всех сторон окруженная международными империалистическими хищниками, ведет самую отчаянную борьбу и эта борьба требует самой сплоченной революционной дисциплины, беспрекословности, подчинения каждой отдельной единицы всему целому, поступок Борисова вносит в ряды нашей молодой Красной Армии разруху и подрывает основу революционной дисциплины». Борисов, по определению суда, был «виновен также в том, что не разделял взглядов партии, состоя в то же время ее членом».

Суд, как это видим, судил за нарушение присяги, за партийное преступление, за обман товарищей. Можно сказать, что по каким-то своим мотивам суд не выдерживал юридической критики. Запомним другое — это был революционный суд, буржуазные юридические общепринятые нормы прошлого для него не имели значения, если, по убеждению суда, они шли во вред революции. Такова была суровая правда революции, законы которой только складывались.

И еще одно — заседания судов часто были мучительными, поиск истины и решения суда драматическими, иные сегодня, может быть, даже непонятными.

Свердлов говорил в те дни так: «Революция в своем развитии... вынуждает нас к целому ряду таких актов, к которым в период мирного развития, в эпоху спокойного, органического развития мы бы никогда не стали прибегать».

Борисова суд приговорил к расстрелу. Суд сделал оговорку: осужденный имеет право обратиться во ВЦИК о смягчении приговора. «Апелляции», обращение «наверх» в практике того времени были явлением не редким и не безрезультатным. Эти возможности были предоставлены и Борисову.

ПЕТРОГРАД. БЕЛЫЕ НОЧИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИССАРА

Создается штаб по борьбе с контрреволюцией в Москве. Во главе его по предложению Дзержинского ставят Петерса. Еще не высохли чернила написанного постановления, как обстановка резко изменилась. Петерс убыл в Петроград с высокими полномочиями...

В Питере он явился в чекистский «офис» к подтянутому Комарову, возглавлявшему Особый отдел военного округа, затем был на Гороховой, у председателя Петрочека Медведя. Посвятил их в наказания и наставления, которые получил в Москве. Медведь выглядел очень утомленно, был неприветлив, говорил неохотно. Петерса он не очень слушал, они заговорили на высоких тонах. За давностью лет подробности столь неуместного конфликта стерлись. Но конфликт был не мимолетным, иначе бы Петерс не доложил: «В ЦК РКП(б-ов). Первое время я хотел это (намеченные меры.— *В. Ш.*) провести через местную ЧК. Я обращался несколько раз к председателю ЧК тов. Медведю с предложением это сделать, но кроме разговоров ничего больше не получилось. Потом я решил...»

После такого «приема» Петерс расположился со своими людьми не в доме Петрочека, а напротив, в домах № 6 и 7, к которым потом добавился на соседней улице дом № 19, для сбора сдаваемого и конфискованного оружия. Кроме того, ему отдельно дали прямой провод с Москвой — каждое утро в девять Дзержинский ждал лично от Петерса сообщений о положении в Петрограде.

Пришлось брать все в свои руки. Лучшее ли это было решение, Петерс в тот момент сказать не мог. Он не терпел, когда видел, что дело могло утонуть в высоких словах,

в призывах к ответственности, в клятвах коммунизму и мировой революции...

Над Балтикой и городом переваливались низкие огрузившие тучи, в их разрывах прорывалось, металось солнце. Моросил дождь, частый и холодный, словно и не началось лето. Свинцовая тяжесть прижимает горизонт к морю, за глыбой воды — «союзный флот»: английская эскадра под командованием адмирала Коуэна. Над Петроградом нависла угроза — наступают белогвардейские войска Юденича и Родзянко, их поддерживают белофинны и белоэстонцы. Широко разветвленный белогвардейский «Национальный центр» тайно принимает гонцов от Колчака и Юденича. Он готов выступить, как только в фортах подымутся мятежи против большевистских комиссаров, корабли Коуэна приблизятся к берегу, а Юденич подступит к самому городу.

В Петрограде с особыми полномочиями ЦК и Совета Обороны находится И. В. Сталин. 3 июня В. И. Ленин отправляет ему телеграмму: «Петерс должен остаться в Питере по решению ЦК...»

Потом уже Петерс напишет в своем отчете в Центральный Комитет партии: «После моего приезда в Петроград с мандатом от Совета Обороны Республики, что я являюсь чрезвычайным комиссаром г. Петрограда и прифронтовой полосы по очистке от контрреволюционных банд, я по предложению Комитета Обороны согласился вступить в официальную должность Начальника Внутренней Обороны г. Петрограда¹.

Вступая на эту должность, я первым долгом счел нужным обеспечить тыл от выступлений контрреволюционных, провокаторских и погромных банд.

Фронт в это время находился не очень далеко от Петрограда, и нужно было самым срочным образом взяться за

---

¹ Первое время Петерс выполнял обязанности начальника штаба внутренней обороны города.

намеченную работу, тем более что положение в Петрограде, как в Кронштадте, так и на других фортах, было слишком неопределенно.

Первым долгом я счел необходимым...»

Его адъютант, телеграфисты, порученцы кладут Петерсу на стол все новые справки о положении. Он читает эти нелегкие бумаги, многие перечитывает, лицо суровеет, а складка меж бровей становится все глубже. Наиболее важное тут же передает заместителю Н. М. Анцеловичу.

В наброшенной на плечи кожанке, плотно натянутой кожаной фуражке выезжает в город, который очень изменился. После Октября, в семнадцатом, улицы были полны людей. Ныне в центре редкие прохожие. Город голодает. Вместо хлеба часто выдают овес. Извозчиков почти нет: съедены лошади. Часами ни одного трамвая. Зловещая, кричащая пустота... Машину Петерса ночью останавливают на заставах, требуют пропуск — в городе осадное положение. Люди бдительны, но это не успокаивает: положение слишком серьезно. Петерс возвращается в свой кабинет. Порученец вносит телеграммы, полученные в последние часы: приказы, требования, предупреждения, одно строже другого...

Постановлением ЦК РКП(б) Питерский фронт объявлен «одним из самых важных фронтов Республики. Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время». Поверх всех бумаг сложенная газета (от 31 мая 1919 года):

«Берегитесь шпионов!

Смерть шпионам!

...Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и поимке их...

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны
В. Ульянов (Ленин).

Наркомвнудел *Ф. Дзержинский*».

Петерс красным карандашом подчеркнул для себя важное.

Июнь берет свое. Небо очищается, и вечерами брызжут блики приближающихся белых ночей. Пустое, мерцающее рассыпанным светом небо лишь дополняет жуткую пустоту улиц и площадей как бы застывшего в своей неуступчивости Петрограда. Белые ночи влюбленных, но практически без них!

Итак, он брал ответственность в свои руки. Может быть, и с каким-то риском, даже долей самоуверенности, но другого выхода не было. На всю подготовку операции он имел три дня! Три дня! — этот срок все глубже входил в его сознание.

Двери в штабе внутренней обороны не закрываются ни днем, ни ночью. Всем есть работа. Из адресных книг, справочных дел выбраны нужные адреса, чтобы взять членов «Национального центра», крупных капиталистов, бывших царских сановников, генералов и адмиралов, оставшихся и притаившихся в городе. Надо взять даже тех, о ком штаб Петерса еще и не ведает. «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что, как в сказке», — ворчит молодежь, но все исполняет тщательно. Придется войти в иностранные миссии, которые открыто становятся шпионскими гнездами. Операцию надо провести одновременно и, конечно, ночью, когда выходить из домов без пропуска запрещено. Петерс подсчитывает: для этого необходимо 10 тысяч человек! Его потрясла эта цифра, когда сравнил с малочисленностью чекистов. Их силами задачи не поднять! Но недостойно чекисту заявить: нет людей! А для чего же тебя послали?

Приезжает из Москвы прекрасный парень, друг Петерса Иван Павлуновский. С разочарованием узнает, что Павлуновскому дано свое строгое поручение от Особого отдела ВЧК, от М. С. Кедрова. Словом, на чужой каравай рот не разевай. Встретились, однако, радостно. Договорились о совместной работе. И адмиральский катер с революцион-

ными матросами рванул Ивана Павлуновского в Кронштадт; в общем, Иван возглавил Крончека. Каждый день Петерс будет разговаривать с ним по кабельной линии, принимать доклады о положении на самом крае фронта (там тоже шпионов и заговорщиков, как грязных осенних листьев). Доклады Крончека Петерс передает Дзержинскому.

Мозг по-прежнему точит вопрос: где найти 10 тысяч, верных и стойких, умеющих держать язык за зубами? Когда Петерс остается один, снова считает, пересчитывает. Ох, как нужны люди на помощь! Петерс просит местные комитеты партии, обращается в профессиональные союзы. Дружески и внушительно убеждает Анцеловича, члена Петроградского Совета профессиональных союзов, воздействовать на их руководство — пусть дадут все, что возможно...

Петерс просит, требует. Ему обещают, что подскребут все, что есть. Но Екаб понимает, что партийным и рабочим комитетам нелегко: столько ушло на фронт, под Питер, на далекий колчаковский, в продотряды!

Формируются «пятерки». Предполагается, что двое поведут обыск, изымут оружие, ценности; двое будут стеречь входы и выходы, старший «пятерки» (чекист, коммунист) ведет допрос и отвечает за все. Людей недостает, поэтому формируют и «тройки». День операции засекречен. Причастным к ней строго напоминают о дисциплине, намекают об «исключительности задания». Они пока думают, что их собираются влить в отряды самообороны. Петерсу неприятно, что он не может все рассказать людям; что-то приходится на время скрывать, уходить от прямых ответов, а ведь это могут расценить как недоверие! Однако приходилось учиться секреты делать грозным оружием против врага. Сведение тайны на нет — преднамеренный провал операции.

За час-два до выхода в город старшие получают последние инструкции и адреса. С началом комендантского часа

выйдут. По прямому проводу утром в девять Петерс докладывает Дзержинскому о положении в Петрограде, подготовке операции.

Как вспоминал Н. Анцелович, Ленин не раз вызывал к аппарату Петерса: «...Владимир Ильич придавал огромное значение внутренней обороне Питера и потребовал, чтобы штаб обороны был подчинен непосредственно ему и чтобы начальник штаба обороны Я. Х. Петерс и я систематически лично информировали его о положении дел. Нам было предоставлено право пользоваться прямой связью с Кремлем».

Петерс ничего не просил. Владимир Ильич не обрывал, терпеливо слушал, кое-что переспрашивал, говорил отрывисто, требовательно. Содержание разговоров до нас не дошло. Но, вероятно, в общих чертах восстановить это можно. Кроме всего прочего Ленин просил напомнить всем, что Деникин наступает, что сбор оружия у населения есть одна из составных частей работы питерцев в настоящий момент. Оружия на фронте не хватает, а его много просто припрятано. Кто прячет или помогает прятать оружие есть величайший преступник против рабочих и крестьян, ибо он виновник гибели тысяч и тысяч лучших красноармейцев, гибнущих нередко только из-за недостатка оружия на фронтах. Сколько раз газеты тех дней провозглашали с первых страниц: «Сегодня день винтовки. Граждане, сдавайте оружие!»

У дома Петрочека рядом с плакатом «Враг у ворот!» наклеиваются приказы. Жители, обыватели (среди них и лазутчики врага) приходят сюда, останавливаются, читают.

«Приказ начальника внутренней обороны города Петрограда от 13 июня 1919 г.

Во исполнение приказа Предреввоенсовета Республики предписываю немедленно арестовать жен и всех взрослых членов семей офицеров-белогвардейцев, предательски перешедших из рядов Красной Армии на сторону врагов Рабоче-Крестьянской власти.

Никакое отступление в применении данного приказа не может быть терпимо. Непринятие срочных мер в этом направлении будет рассматриваться мною как пособничество контрреволюции.

Все арестованные семьи предателей-белогвардейцев подлежат немедленной отправке в глубокий тыл.

Возлагая на Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией выполнение данного приказа, вменяю в обязанность всем военным и общегражданским органам непосредственно содействие Комиссии в осуществлении этой меры.

О выполнении приказа я должен быть извещен рапортом в течение 24 часов со дня опубликования данного приказа. Петерс».

Четко, строго и грозно. Остряки в окружении начальника внутренней обороны нашли слабости относительно «глубокого тыла». Где это ныне? Здесь Юденич, на севере англичане, с юга движется Деникин, из Сибири нажимает Колчак; большая часть России под врагом...

Петерс и Анцелович вполне могли предполагать, что контрреволюция действует и в армейских частях. Петерс в отчете сообщал: «Я энергично взялся за очистку воинских частей, которые находились в Петрограде».

Было арестовано около 200 человек командного состава (среди них немало «военспецов»), провели чистку состава красноармейцев. Спросили и с комиссаров — часть пришлось сместить, некоторых перевести в другое место. Круто и непреклонно! Но другого не дано!

Жесткой рукой Петерс наводил революционные порядки в воинских частях в самом городе (а их было здесь более 240), и, как он предполагал, выявился «большой беспорядок». Поставить там все части под строгий контроль сразу же не удалось: наткнулись на тихое, но упорное противодействие даже среди командиров, вполне дисциплинированных и сознательно-исполнительных. На требование зарегистрироваться у Чрезвычайного комиссара Петрогра-

да был молчаливый отказ. Привыкли жить вне контроля и проверок!

— Какие каналы! — взрывался в очередной раз Петерс. — Я за вас еще возьмусь!

Стало ясно, что только приказными бумагами и своим мандатом цели не добиться, надо искать другие пути «разговора» с такими товарищами, но это будет после главной операции.

Она еще не началась, а положение неожиданно осложнилось. В ночь на 13 июня поднял мятеж против Советской власти форт Красная Горка. Комендант форта, бывший поручик Неклюдов, спровоцировал мятеж гарнизона. Если бы одна Красная Горка! Одновременно выступили против Советов и форты Серая Лошадь и Обручево. Корпус Родзянко перешел в наступление на Петроград.

В этих условиях надо было действовать скоро. Пришлось (парадокс!) подрассекретить намерения. Тысячи рабочих собрались на площади у Дворца Труда, и им сообщили, куда и зачем они направляются. В ответ — выкрики восторга! Свидетельство очевидца: «Когда рабочие успокоились, мы объявили им, что следует искать только оружие и военное снаряжение. ...Те, кто не хочет или не может по состоянию здоровья участвовать в поисках оружия, пусть выйдут из рядов собравшихся. К ним не будет никаких претензий, но на несколько часов они должны будут задержаться во Дворце Труда для того, чтобы сохранить негласность, внезапность обыска. Никто из рабочих и работниц не отказался выполнить свой революционный долг. Со всех концов площади послышались возгласы: «Ведите!.. Ведите!.. Оружие — фронту!»

С 14 на 15 июня «пятерки» и «тройки» вышли по адресам. Все сразу. Петерс остался на месте, чтобы держать в руках все нити управления. В мыслях одно: как идут дела?

Поступили первые сведения — уже действуют не десять, а двенадцать тысяч! Петерс не вскочил от радости,

знает, что количество ничего не значит. Тем не менее райкомовцы молодцы!

К трем-четырем ночи начали поступать данные. Арестованных — немного (так и задумывалось, брали подписи о невыезде), оружия — удивительно много. В румынском посольстве нашли даже пушку, замаскированную дровами. Большой улов ценностей был извлечен из сейфов в иностранных миссиях. Ценности лежали у дипломатов на «сохранении»: значились имена и адреса истинных владельцев, русских буржуев, находившихся в бегах от Советской власти. Петерсу это напомнило толстую палку господина Каламатиано, хранившую расписки и подписи агентов. В палке тогда были только ценные данные об агентах, здесь же — прямые ценности, заприходованные теперь в чекистских актах на сумму 120 миллионов рублей в валюте...

После ночи увеличился приток добровольно сдаваемого оружия. Приемщики оружия (в доме № 16 близ Гороховой) явно не справлялись. Пришлось подписать специальный приказ: Петерс продлил «срок сдачи с гарантией безнаказанности за хранение его до 6 часов 15 июня».

Сообщили в Москву: «Обыски дали много оружия... подняли настроение в рабочих массах».

Назначенные люди продолжали собирать оружие, как того требовал В. И. Ленин. Петерсу пришла мысль «потрясти» и советские, а также военные учреждения — Военный комиссариат, Совнархоз, Комнархоз. «И эти меры дали прекрасные результаты,— скажет он и еще добавит: — Были случаи раскрытия складов, в которых имелось оружие, про которое знал Военный комиссариат, но про их существование забыл, а между тем в них находилось самое нужное для фронта оружие».

В итоговом отчете Петерс сообщил: «После первого обыска последовал более грандиозный второй обыск, для которого было мобилизовано уже около 15 000 рабочих, и опять была дана отсрочка о ненаказуемости за сдачу оружия, и, в конце концов, я получил около 5000 винтовок,

массу шашек, сабель, несколько пулеметов, даже одну пушку и массу бомб и взрывчатых веществ и много, много еще другого военного имущества». И не без гордости: «Подготовка велась всего три дня. Результаты были блестящие». (Простим это Петерсу. В те годы похвала не была в ходу. Она выдавалась скромно, малыми долями, как и хлеб. Не удивительно, что иногда чувства прорывались и у самых сдержанных.)

Но похвала была уже потом, а пока начальник внутренней обороны города не ободрялся успехами, он усмотрел, что не всем, возможно, удалось в полной мере достичь цели и решить задачу до конца.

15 июня на стенах появилось новое постановление:

«1. Все частные телефоны города Петрограда временно отключаются из телефонной сети. Вновь включается телефон только с разрешения в каждом особом случае начальника внутренней обороны Петрограда.

...Вся ответственность за частные переговоры в советских учреждениях падает целиком на лиц, стоящих во главе.

Все лица, уличенные в присоединении абонентов без разрешения начальника внутренней обороны, подлежат расстрелу.

Настоящее постановление вступает в силу с 16 июня».

Запрещено «на все время осадного положения всякое бесцельное катание по Неве и другим водным путям города Петрограда на шлюпках, катерах и лодках». Усилена охрана мостов; скамейки возле мостов убрали: часовые должны охранять, а не сидеть!

Внутренняя контрреволюция не сдавалась, напряглась, попробовала реализовать оставшиеся возможности. По городу поползли слухи: ЧК, коммунисты, Советы устроили варфоломеевскую ночь: в городе повальные грабежи, отнимают продукты, деньги, одежду, обувь (возможно, где-то под видом ЧК действовали и мародеры). Нужно было дать ответ на слухи, на клевету; умно сказать правду и не потерять времени. На афишах и тумбах появился свежий

номер «Петроградской правды». Снова толпились люди, читали:

«Товарищ Петерс об обысках.

В связи с происходящими в городе массовыми обысками появились и всевозможные провокационного характера слухи о массовых налетах на частные квартиры под видом обысков и о том, что при производстве обысков бесконтрольно забирается у обывателей различного рода имущество.

Товарищ Петерс в беседе с нашим сотрудником категорически заявил, что все эти слухи являются явной провокацией».

Петерс сказал о найденном оружии, которое было «приготовлено сознательно, чтобы при первом удобном моменте ударить в тыл и начать избиение рабочих». Он заявил, что производящие обыск имеют инструкцию по производству осмотра... Не исполняющие требований инструкции предаются Революционному суду. Всякий, кто будет уличен в принятии взятки или мародерстве во время обыска, будет расстрелян». Петерс напомнил, что «безусловно воспрещается опечатывать и забирать всякие предметы личного потребления: пищу, одежду и украшения; у каждого взрослого человека может находиться до 5000 рублей наличных денег. Превышающая сумма должна быть записана в акте и опечатана...»

Теперь, как и наметил Петерс, он взялся за наведение полного порядка во всех 240 воинских частях самого города. Да, одними приказами камня с места не сдвинешь!..

В частях все получали красноармейские пайки, пользовались, пусть и не очень жирным, но гарантированным довольствием. Петерс сделал так, что продовольственные органы не выдавали продовольствие воинским частям, если на это не было согласия Чрезвычайного комиссара. Теперь уже к Петерсу побежали без всякого зова представители частей, кто протестуя, кто тут же вынужденный подчиниться требованиям комиссара. Воинские части были

зарегистрированы, в каждую Петерс направил своих уполномоченных для проверки состояния дел на месте. И раскрылись факты неприятные — на складах «хранятся и портятся предметы, самые необходимые для народного употребления, как военные, так и гражданские». Но дело поправлялось, «мир» с командирами частей был восстановлен, помогли этому и комиссары...

По требованию Петерса Отдел труда занялся тщательной регистрацией всех неработающих, паразитирующих на чужом труде. Подлежащие регистрации еще менее были готовы подчиняться и скорее походили на рыб, вроде вьюна, налима: ускользали, увиливали от контроля и регистрации. И все же «8000¹ нетрудящегося элемента» ускользнуть не смогло. Их тут же приставили к делу. «Работают они добросовестно,— писал Петерс,— ибо вся эта масса страшно напугана. Рабочих рук здесь не хватает...»

На заводах и фабриках оставались только «забронированные рабочие». Забронированных стали обучать военному искусству, из них формировали «резервный рабочий полк». Учились по несколько часов, в рабочее время. Исполком Петроградского Совета восстал против этого, требуя обучать людей в свободное время.

— А где оно, это свободное время, у честного человека? — сгоряча возразил Петерс.

Анцелович, к неудовольствию Екаба, занял сторону Совета, да и сказал еще, что профсоюзы такого же мнения: рабочее время — работе. Стали обучать, как писал потом Петерс, «после рабочих часов».

Обучили около пяти тысяч человек, обеспечили их оружием, найденным во время обысков. И живя духом своего времени, Петерс приподнято писал: «В случае угрозы Петрограду это не будет уже неорганизованная масса, которую могли бы вырезать белые, но будут организованные, прекрасно обученные два или три полка, которые в крити-

---

¹ Потом Петерс назовет цифру 12 тысяч.

ческий момент смогут нанести противнику решительный удар». Могли ли они совершить этот «решительный удар», никто не знал, но из таких полков пополнялась Красная Армия, которая, к удивлению всего мира, наносила поражающие удары лучшим армиям, тогда существовавшим: английской, французской, японской, американской и белым генералам, — оснащенным лучшим оружием своего времени...

А над Питером все еще висела угроза, и никто не мог исключить обстоятельства, что интервенты и Юденич с Родзянко могут ворваться в Петроград. Под городом шли перестрелки, артиллерийские дуэли. В нем самом враг продолжал изворачиваться, находил новые способы отвечать ударами, мстить. Ночью под двери штаба внутренней обороны бросили бомбу. Слетела дверь. Адъютант притащил в кабинет Петерса пулемет. Петерс не соглашался: «Надо усиливать не оборону, а наступление!» Адъютант был напористым, и пулемет выставили дулом в окно: «Пусть наступают!» К двум телефонам, прямому проводу с Москвой, чернильнице-непроливайке добавился «пулеметный» аксессуар, через несколько дней его убрали.

Те, что подбрасывали бомбы, кричали о терроризме большевиков, чекистов, окрестили Дзержинского инквизитором, Торквемадой. Петерса тоже обзывали террористом, беспощадным Маратом. Что же, шла вооруженная, ожесточенная борьба классов, и крови избежать не удавалось. Только больше все-таки лилась кровь тех, кто хотел жить без ее пролития — людей долга и гражданской чести.

Петерс писал в эти дни: «При этом я должен констатировать... и категорически подтверждаю, что ни один не был расстрелян. Только из переданных мною в ЧК было расстреляно человек шесть. Расстрелы я не производил потому, что считал их совершенно нецелесообразными».

За историей с «расстрелами» скрывалась очередная уловка Петерса; на них он был неиссякаем. В нескольких

июньских номерах «Петроградской правды» было объявлено о расстреле многих лиц, у которых обнаружили оружие. На самом деле все было иначе. Свидетельство Анцеловича: «Эффект получился исключительный, сотни людей потянулись в штаб обороны сдавать оружие. Сами офицеры в большинстве случаев боялись это делать, оружие приносили их родственники, домашние работницы и даже мальчуганы. Помню, к штабу от Гороховой до Александровского сада в течение нескольких дней тянулась нескончаемая очередь. Оружие мы принимали, никого не арестовывали, а очередь все росла и росла».

В июньской операции было изъято 6625 винтовок, 150 тысяч патронов к ним, 665 револьверов, станковые пулеметы, бомбы, гранаты, тайные коммутаторы, легко подключаемые в сеть.

Петерс был вызван в Москву. Его ждали Ленин и Дзержинский. Анцелович вспоминал: «Владимир Ильич, узнав о примененных в Петрограде методах изъятия оружия, похвалил за революционную организованность и от души смеялся, когда мы ему рассказывали о вымышленном приказе, о мнимых расстрелах и об отдельных эпизодах при изъятии оружия».

Петерс вскоре вернулся и с революционной яростью, понятной только в те дни, стал снова выискивать неза тронутые очаги притаившейся контрреволюции. Он приказал штабу организовать такую же операцию в окрестностях Петрограда. Самым опасным районом считался Павловск.

В. И. Ленин признал, что питерцы совершили подвиг. В призыве «Все на борьбу с Деникиным!» 9 июля 1919 года он напомнил всем организациям партии: «Питерские товарищи сумели найти тысячи и тысячи винтовок, когда произвели — строго организованно — массовые обыски. Надо, чтобы остальная Россия не отстала от Питера, а во что бы то ни стало догнала и перегнала его».

Петерс был удачлив, но успех сам не шел в его руки.

Прежде всего были поиски, идеи и труд. Однако это не избавляло от разного рода инспекций «сверху», которые прибывали и в Питер. От Дзержинского приехал Кедров, начальник Особого отдела ВЧК. Из Кронштадта заспешил ему навстречу с материалами его заместитель Иван Павлуновский. Встретились у Петерса.

Худощавый и подвижный Михаил Кедров, пользуясь своими правами, распекал Ивана Павлуновского, многозначительно поглядывал на Екаба Петерса, давая понять, что и тот не безгрешен. В городе ходят слухи, что съехались бывшие домовладельцы, всякие другие капиталисты, осматривают свои дома, закупают аннулированные займы в надежде, когда придет Юденич, забрать обратно национализированную собственность, а займы пустить в дело. А вот никого из них, кажется, не поймали!

Кедров попрощался, ушел, еще раз напомнив Петерсу и Павлуновскому: обязательно добить «Национальный центр»!

Обязанности Чрезвычайного комиссара Совета Обороны Республики никто точно не устанавливал: они то сужались, то расширялись в зависимости от ответственности, совести, ума самого комиссара. Он же определял и степень важности, необходимость тех или иных действий.

В ЦК РКП(б) Петерс писал: «На всякий случай принимаю меры к обезвреживанию промышленности. Эвакуировать заводы невозможно, но и немислимо их оставлять, так как в случае занятия Петрограда белыми последние могут из него создать базу, а поэтому все заводы распределены по группам... на стоящих заводах из машин выбираются более сложные небольшие части, пакуются, строго нумеруются и отправляются в тыл; в случае прихода белых в Питер они не могут эти заводы использовать для своих надобностей. За ними идут вторая, третья и четвертая категория.

В случае, если мы окончательно оставим Питер за собой, части машин немедленно будут возвращены и заводы смогут пойти полным ходом».

Написал и подумал: теперь пусть Центральный Комитет и судит о действиях Чрезвычайного комиссара в Петрограде!

Вскоре и «Национальному центру» был нанесен сильнейший удар. За ним последовал еще один, на фронте — в ночь на 16 июня Московским рабочим отрядом была взята Красная Горка. Из бетонированных казематов выпустили коммунистов, запертых мятежниками. Только не все коммунисты форта были спасены — белые путчисты многих успели расстрелять. Освободили от мятежников и другие форты. Была ликвидирована и попытка шпионской военной организации белых соединиться с финнами.

Но враг был коварен.

Петроград голодал. стакан семечек стоил невероятных денег. Сухари строго нормировались. Тревожным набатом звучали слова В. И. Ленина о хлебе, сказанные еще в январе 1918 года в посланной в Харьков телеграмме: «...принимайте самые энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба, хлеба!!! Иначе Питер может околеть».

Питер действительно погибал от голода. На Николаевской железной дороге возникали рабочие конфликты. Видимая их часть вытекала из продовольственных затруднений. В Совет приходили делегации от рабочих. Приходили они и к начальнику внутренней обороны города, в ЧК. Речь шла о голоде рабочих. Конечно, в Петроградской единой потребительской коммуне был А. Бадаев и к нему можно было отсылать людей. Но нельзя такой острый вопрос перекладывать с плеч на плечи: повсюду голодные лица, лихорадочные и потухающие глаза...

Петерс говорил рабочим о голоде во всей России, о тифе, о страданиях. Он просил рабочих войти в поло-

жение Советской власти, их власти. Делегации уходили, если и не удовлетворенными (голодные желудки словами не наполнишь!), то все же с решимостью терпеть, бороться с врагами, их агентурой.

Но события поворачивались и другой стороной. 8 и 9 июля возбужденные служащие — проводники, конторщики, контролеры — явились в железнодорожные мастерские, стали мешать работе. Туда был послан вооруженный отряд, встреченный криками: «Давай хлеб!» Особенно горласто кричал один проводник в форменной фуражке: «Долой Советскую власть!», «Долой гражданскую войну!». В бойцов стали бросать камни, выстрелили. Отряд не отвечал, и только когда некий Попов набросился на комиссара ВЧК и завязалась борьба, то нападавший оказался убитым.

Дело оборачивалось политическими осложнениями. Расследовать пришлось Петерсу. «Никто не имел права стрелять,— скажет он твердо.— ЧК применяет оружие в крайнем случае». Но был ли это тот случай? Комиссар отряда отвечал, что выстрел произошел непреднамеренно, когда нападавший пытался вырвать оружие. Рабочие мастерских назначили комиссию; в нее вошел и чекист. Комиссия еще не закончила дело, но уже многое разъяснилось. У проводника в форменной фуражке, больше всех кричавшего «Давай хлеба!», дома нашли 20 пудов ненормированных продуктов, в его вагоне обнаружили яйца, масло, колбасу, хлеб. Сотруднику РОСТА Петерс в связи с конфликтом сказал: «Несомненно, что эти сытые господа приходили снимать с работы действительно голодных рабочих...»

Петерс думал о том, что было сделано верно, что нет. Нельзя быть застрахованным от ошибок, но надо гарантировать правильный их анализ, особенно когда дело касается отношений с рабочими: ведь без их поддержки ничего не будут стоять ни самоотверженность чекистов, ни их находчивость. Рабочих нужно

и кормить. Впрочем, в потребительской коммуне Бадаев получил наконец вагоны с хлебом...

Каких замечательных людей повстречал Петерс в те питерские дни, тревожные ночи! Во многих он действительно влюбился. Петерс все больше думал о питерских рабочих, об их чудодейственной силе, не будь которой, он давно вылетел бы в трубу со всеми своими мандатами. Поэтому он пишет в Центральный Комитет партии: «Несмотря на то что питерские рабочие уделили фронту почти всех своих коммунистов, что в некоторых районах осталось по 20—30 человек, и то одни инвалиды, настроение рабочих все-таки превосходное».

Он слышал от рабочих критику в адрес многих коммунистов, бывали очень не лестные характеристики. Доводил это до сведения Центрального Комитета партии: рабочие в своей массе «твердо стоят за Советскую власть, и это недовольство коммунистами вызвано вовсе не ненавистью к коммунизму и к тактике партии, а поведением тех или других членов партии, которые... позорят партию и Советскую власть. Многие коммунисты думают, что членские карточки им дают разные привилегии и разные льготы, и часто этим благом пользуются на глазах у голодных масс».

Петерсу показалось, что как-то нескладно он закончил свою записку в Центральный Комитет. Многие доклады завершали обычно ура-фразами и «коммунистическими клятвами». Но по-другому он не мог, не умел писать.

...Юденич был остановлен, в нерешительности застыли белофинны и белоэстонцы. Английская эскадра лишь изредка приближалась из-за горизонта, предпочитая не попадать под удары береговых орудий. Восставшие форты подавлены. Петрочка, М. Кедров, И. Павлуновский с группой «особистов» продолжают преследовать оставшиеся силы «Национального центра», загонять его в глубокое подполье. Действенно помогал им и Петерс.

Только вдруг его отозвали в Москву, куда приехал 15 августа 1919 года.

Часовой на Лубянке накручивал ручку телефона, неумело держа металлическую трубку близ уха. Посмотрел пропуск Петерса, поспешно повесил трубку, клацнувшую на рычаге, и вытянулся в приветствии. Петерс зашел в один, другой отдел, поговорил с сотрудниками. Здесь его настиг корреспондент «Известий ВЦИК».

— Общее положение Петрограда и, главным образом, внутри его,— сказал он корреспонденту,— прочное и особенно после того, как от буржуазии было отобрано несколько тысяч винтовок, и после того, как были мобилизованы для работ нетрудовые элементы в количестве около 12 тысяч.

— Что касается ближайших фронтов,— продолжал Петерс,— то там наблюдается резкий перелом. Прежде всего исчезло массовое предательство, которое имело место в конце мая и начале июня. Это в свою очередь увеличило доверие красноармейцев к командному составу. И теперь среди красноармейцев наблюдается резкий перелом... Наша организованность и сплоченность, дезорганизация и развал у белых окончательно разбили надежды англичан взять Петроград 1 августа. Теперь английское радио сообщает, что Петроград англичане намерены взять 1 сентября (!).

— Но англичане,— твердо добавил Петерс,— гораздо дальше от своей цели, чем они были в дни восстания на Красной Горке.

Петерс поведал корреспонденту, как английские и французские интервенты пытаются втягивать в войну против Советов «нейтральную» Финляндию: «В Финляндии существуют площадки для английских и французских аэропланов, откуда они совершают налеты на Кронштадт и Петроград. Наши летчики лишены возможности бороться с ними решительно, ибо «нейтральная» граница настолько близка, что, как только наши летчики поднимутся, чтобы сбить аэропланы противника, английские и французские

аэропланы удирают через границу. Мы не преследуем их, потому что не хотим нарушать «нейтралитет» Финляндии. ...«Независимая» Финляндия фактически потеряла всякую самостоятельность», — резюмировал Екаб.

Он приостановился, как-то вдруг задумался, успел мысленно побывать далеко-далеко... аж в самом Лондоне! Встряхнулся, как от сладкого сна, сказал: «Все помнят, как в прошлую войну англичане с пеной у рта обвиняли немцев в том, что они во время своих налетов на Лондон, как варвары, губили женщин и детей... Теперь, наоборот, английские аэропланы совершают налеты на Петрозаводск, и я знаю, что благодаря их налетам там есть не одна сотня жертв среди мирных жителей, женщин и детей».

Потом он сказал то, что считал самым главным, и не боялся, что повторяется: повторение лишь тогда ненужная жвачка, когда касаются малосущественного. «Настроение питерских рабочих превосходно, несмотря на то что они все отдали на фронт, особенно это относится к нашей партии, пославшей на фронт свои лучшие силы. Рабочие готовы в любое время дать решительный и энергичный отпор всякому, кто только посягнет на Советскую власть».

«...РАБОТНИК КРУПНЫЙ И ПРЕДАННЕЙШИЙ...»

Горькая чаша. Бывает горше полыни. Еще горше, когда пьешь чашу беды народной...

В Москве нужда в людях чрезвычайная. Петерс получил паек на три дня: сухарей — два фунта, сухой воблы — четыре. Ему полагался дополнительный паек, он получил и его — кулек леденцов. Перед ним — нелегкая дорога на Украину...

Потом в документе ЦК партии будет сказано, что за период с 1 июля по 15 сентября 1919 года «силы партии

и в первую голову ЦК были еще больше, чем прежде, отданы фронту.

...Получили боевое крещение организованные после съезда (имеется в виду VIII съезда партии.— *В. Ш.*) отряды особого назначения. Хотя эти отряды не представляли из себя регулярных воинских частей и предназначены лишь для охранной службы на местах, тем не менее ЦК были вызваны из ближайших губерний по 10 процентов состава отрядов и часть их была направлена с отрядом тов. Петерса на Украину».

Военные сообщения с Украины приходили тревожные, иногда неопределенные: прорвались по левому берегу Днепра к самому Киеву деникинские части, а петлюровские банды — по правому. Через шаткие опоры недавно восстановленного моста потянулись на север от Киева поезда с ранеными, длинные эвакуосоставы. Стояли дни бабьего лета, и, казалось, просится тепло в душу, но шла война — в тревогах воинских эшелонов, в потоках эвакуации...

Поезд, в котором ехал Петерс, с трудом продвигался через запруженные железнодорожные станции, и он ходил по путям, где металась железнодорожники с флажками, хрипло свистели паровозы. Заглядывал в товарные вагоны встречных поездов, двери вагонов настезь были открыты в широкий мир. Ему хотелось услышать, что говорят те, кто еще два-три дня назад видел Киев.

В вагоне, в противоположных его концах, стояло две кровати. С одной поднялся заросший человек, спросил: чего надо? Рассказал, что в составе эвакуируются сотрудники Совета народного хозяйства. На второй кровати жена служащего. Посередине вагона стояли мешки с мукой, сахаром, корзины с яйцами, картошкой. По 2—3 человека свободно размещались и в других вагонах. Раненые ехали по инструкциям лазаретов и железной дороги: в каждом вагоне человек по сорок и еще медсестра.

В Центральном Комитете партии в Москве Петерсу дали задание «расскассировать» Всеукраинскую ЧК (ВУЧК).

Это было связано с тем, что значительная часть Украины оказалась захваченной белыми и войсками буржуазных националистов и встал вопрос о ее роспуске. Петерса назначили представителем ВЧК на Украине и поручили через ЦИК Украины объединить ВУЧК с ВЧК.

В Киеве его встретили. Увидел растерянное лицо начальника гарнизона Павлова, сразу понял, насколько серьезно положение. Оборона города трещала на всех подступах. Все ближе подходили деникинцы, банды Петлюры, Зеленого. От гула канонады взлетали вороны и с криком носились над домами зловещими черными стаями...

22 августа в спешке собрались члены Совета рабочекрестьянской обороны Украины и члены Реввоенсовета 12-й армии. Утверждали Совет Киевского укрепленного района в составе коменданта «т. Петерса и членов тт. Ворошилова и Лациса». Пункт второй гласил: «На основании существующих положений об укрепленных районах в исполнение должности начальника гарнизона вместо тов. Павлова вступает т. Петерс».

Медлить было нельзя, как вообще нельзя медлить, когда окружает волчья стая...

За день до прибытия Петерса М. Лацис как председатель ВУЧК кратко объявил о сдаче оружия населением. Петерс сказал, что такое неконкретное объявление трудно провести в жизнь, особенно проконтролировать. Он написал 26 августа за подписями Ворошилова, Лациса и своею приказ о сдаче оружия. Это был подробный документ — со сроками, указанием восьми районных комендатур Киева, куда надлежало его доставлять. Да, этот приказ схож с тем, что Петерс подписывал в Питере, где был выполнен до конца! Но здесь, как с горечью понял Екаб, такой план уже запоздал.

Днем раньше Политбюро ЦК КП(б) Украины дважды рассматривало вопрос об эвакуации Киева и сначала относительно отъезда ВУЧК было решено предоставить этот вопрос «на усмотрение т. Петерса». Однако во второй

раз Политбюро постановило: оставить в Киеве ВУЧК в сокращенном составе при штабе укрепленного района, остальных работников отправить пароходом в район Гомеля.

Петерс взял на себя заботы по латанию линии обороны, на что-то радикальное уже не осталось времени. Рыли окопы у самого города, сооружали новые огневые точки, позиции для пушек, пулеметов, минировали подходы к дорогам, линиям связи.

Петерс вызвал к себе начальника Киевского сектора Внутренней охраны Республики Н. Ф. Латышева. Тот признался — замотан, носится в поисках бревен, гвоздей, подвод («грабарок») для подвозки камней и земли, почти не спит. Петерс слушал Латышева, всматривался в него и думал: что эти люди должны и могут сделать еще? Вручил Латышеву еще один мандат на исполнение «обязанности инспектора войск всех родов оружия, входящих в непосредственное подчинение Военного Совета Киевского укрепленного района, равно т. Латышеву вменяется в обязанность осматривать и проверять укрепленные сооружения в вышеназванном районе...». Внизу две подписи — Е. Петерса и К. Е. Ворошилова. Начальникам и командирам, к которым относились указанные вопросы, было предложено «беспрекословно подчиняться... всем указаниям и распоряжениям т. Латышева».

Отпуская новоиспеченного инспектора, Петерс сказал: — Власти у тебя теперь предостаточно — все решай сам. Будет нужда — в любое время ко мне или к товарищу Ворошилову.

Однако, что бы ни делали, положение ухудшалось. Петерс уже улавливал признаки хаоса, неразберихи, которые нельзя было выправить ни приказами, ни горлом, ни самоотверженными, совсем не спавшими латышевскими... Счет уже шел не на дни, а на часы. Теплынь бабьего лета быстро таяла. Утром вставало холодное солнце, а с ним в город врывались ветры степей.

Где-то около 27 августа, уже потеряв прямую связь с Москвой, Петерс связался по местным линиям с членом Реввоенсовета 16-й армии Западного фронта Г. К. Орджоникидзе, находившимся в Гомеле. Попросил его передать по телеграфу записку В. И. Ленину о трудном положении в Киеве.

Когда записка дошла до Москвы, Ленин прочел ее сосредоточенно, сделал пометку: «В архив».

На следующий день Совет рабоче-крестьянской обороны Украины постановляет: 12-й армии «и впредь непосредственно руководить всеми военными операциями в Киевском районе», а Киевский укрепленный район упразднить. И дальше смелые, горькие и полные ясности слова: «В случае необходимости сдать Киев; поручить обеспечение порядка в городе гг. Петерсу и Лацису».

Катастрофа, опасность которой росла теперь по часам, о которой все болезненно думали, разразилась.

После упорных боев 30 августа Киев был оставлен: на шестой день пребывания Петерса на Украине.

31 августа деникинцы вступили в город.

...По ветхому железнодорожному мосту, на рассвете, когда дрожала еще под звездами чуждая, обманчивая ночь, Петерс со своим штабом и отрядом особого назначения ушел из города. Какая-то девчонка, сестра из госпиталя, очень хрупкое создание, шла за ним. Она осторожно ступала по колыхающимся доскам наспех восстановленного моста, спрашивала:

— А не провалимся? Ух, как шатко!..

Петерс оглянулся, окинул взором маленькую фигуру в неуклюжей шинели.

— Идите за мной,— сказал он ей, уловив в чистом предрассвете доверчивый взгляд.

С занятием Киева острая опасность передвинулась к Гомелю, тенью пала на Гомельский укрепленный район. Здесь была надежная, прямая связь с Москвой. И произо-

шел длинный разговор с Ф. Дзержинским. Мучительный разговор...

Петерс, наконец, повесил телефонную трубку, отошел от аппарата с тяжелым сердцем. А 4 сентября Ленин знакомится с записью разговора по прямому проводу заместителя председателя ВЧК Е. Петерса, председателя Всеукраинской ЧК М. Лациса, начальника Особого отдела ВЧК М. Кедрова с председателем ВЧК Ф. Дзержинским о необходимости подчинения Совета Гомельского укрепленного района Западному фронту. В Гомель просили также прислать два батальона внутренней охраны. Ленин связывается с членом коллегии ВЧК В. Аванесовым и поручает зампредреввоенсовета Республики Э. Скланскому срочно принять надлежащие меры по своей линии.

Со строящихся укреплений под Гомелем ночью Петерс возвращался в город. Машина остановилась у переезда, пережидая проходящий поезд; вдруг раздался сухой, жгучий треск, его даже плохо расслышали в шуме переезда, что-то горячее обожгло плечо. Под кожанкой Петерс почувствовал тепло, догадался: кровь.

Шофер бросился в кусты, откуда стреляли. Выпустил с какой-то яростной жадностью всю обойму и притащил корчащегося от боли человека. Затем помчались прямо в санитарную часть. Там Петерса уложили в постель.

Преступник оказался без всяких документов, лицо низко опустил, раненую руку придерживал другой, здоровой, на вопросы не отвечал. В кармане у него нашли измятую газету, повертели: кажется, ничего... Только потом рассмотрели — то был старый новогодний номер «Свободной молвы», выпускавшейся при буржуазно-националистической власти на Украине. Нашли заметку с мрачно-интригующим заголовком: «Почему в Москве расстреляли Петерса». Сообщалось, что, по словам заслуживающих доверия свидетелей, на Западе стало известно, что-де чекистская «знаменитость» Петерс — бывший рижский охранник старого режима и с ним покончили сами же

чекистские комиссары (!). Для Петерса «сенсация» не была неожиданной. Российские революционеры жили под пресом ненависти врагов и их клеветы. Петерс лишь заметил, что «без авторитета белогвардейских свидетелей теперь нельзя обойтись ни одному клеветнику»¹. И когда не могли убить клеветой, старались убить ненавистью, отличной в свинцовых пулях...

Врачевала Петерса молоденькая сестра милосердия, та самая девушка, с которой он в тот звездный дрожащий предрассвет перешел киевский мост. Теперь он познакомился с нею ближе — ее звали Оксана. Она стала приходить к больному с местной учительницей, которой дали работу в штабе, когда банды сожгли школу. Это была светловолосая, скорее рыженькая, Антонина. Девушки приносили Петерсу яблоки, соленые крестьянские огурцы. Он одаривал девушек леденцами, которые находил в своем командирском дополнительном пайке, давал и конфеты «подушечки», если армейский склад становился вдруг более щедрым.

Говорил он с девушками о разных разностях, что давно с ним не случалось. Это скрашивало медленно тянувшееся лечение. Когда Петерс встал на ноги, то, к своему удивлению, заметил, что был бы готов повидать еще не раз этих девушек — и Оксану, и рыженькую, бывшую учительницу Антонину. Девчата были бойкие, шаловливые, привлекательные, когда смеялись и радовались. В их присутствии Петерс забывал о боли, ранении. Не мог лишь отвлечься от самой тяжелой: поражения под Киевом.

Случившееся с Киевом он придирчиво анализировал, искал причины сдачи города. Думал обо всем — часто

---

¹ Тогда же еженедельный информационный бюллетень немецких коммунистов «*Kommunistische Rote-Korrespondenz*» осудил лживые утверждения буржуазных изданий, в том числе и берлинских, и заявил, что «до тех пор, пока над Москвой будет развеваться Красное знамя, такие проверенные товарищи, как Петерс, будут оставаться на своих постах».

беспощадно к себе, к своим товарищам, которым верил и доверял.

Несомненная истина: крепкий и организованный фронт может существовать только при крепком и организованном тыле. Лучшие доказательства этого он находил в обороне Петрограда, которую видел близко, сам ее творил.

«В дни «Красной Горки» и даже еще раньше на Петроградском фронте действительно имела место измена командного состава. В этом смысле не было уверенности ни за один полк, ни за одну роту... Но петроградский пролетариат своей железной выдержкой через своих лучших товарищей сковал Красную Армию железной дисциплиной, установил строжайшее наблюдение за командным составом, и измена командного состава сразу прекратилась или, правильнее, стала невозможной. Голодающие петроградские рабочие и красноармейцы, часто необутые и неодетые, при самых тяжелых условиях остались верными Советской власти, были готовы отдать за эту власть все, поняли, что только от них зависит успешная оборона. Организованный питерский пролетариат отдал на фронт почти все свое мужское население; недаром смеялись, что Петроградский исполком и Петроградский комитет есть «бабье царство». Фактически оно почти так и было... В результате Питерский фронт изжил болезнь предательства командного состава, разбил белогвардейские банды под Питером, занял снова Псков и Ямбург и создал крепкий фронт и тыл», — размышлял Екаб.

Затем мысленно вернулся в Киев:

— Не так было на Украине, в Киеве. Когда я приехал в Киев, мне вспомнились октябрьские дни 1917 года в Питере. В октябрьские дни в Питере хотя и существовала неорганизованность, советский аппарат был налажен, но все-таки было как-то налажено продовольственное дело, да и Военно-революционный комитет спешно создал порядок. В Киеве же прибывшие из центра воинские части днями оставались без продовольствия... И это в городе, где кругом

богатые деревни с прекрасным урожаем! Такая же неразбериха была и в техническом снабжении армии. ...О революционной дисциплине нечего и говорить. Еще когда я находился в пути, встречал длинные эшелоны украинских беженцев, особенно киевских.

Он хорошо запомнил товарные вагоны, в которых просторно устроились сотрудники Совета народного хозяйства: никелированные кровати, небрежно разбросанные мешки и корзины с продуктами. Вспомнил и набитые вагоны с ранеными красноармейцами, и их возмущение поведением советских чиновников.

Петерс продолжал анализировать:

— Как видно, и здесь не было контроля, не было организации, не было твердой власти, и в результате эти беженцы своей паникой задерживали продвижение войсковых частей на фронт.

Он разложил по полочкам и то, что следовало за партизанщиной, которая давала о себе знать под Киевом. Он понимал, что было нелепо «обвинять тех товарищей партизан, которые в глубине души преданы Советской власти и которым отдать свою жизнь ничего не стоит. Но это отдельные лица, а вокруг них группировались отряды, полки и бригады, где отсутствовала всякая дисциплина, всякая сплоченность». Он вспомнил оперативные карты на Военном совете: фронт Дарница — Бровары (на левом берегу реки) и фронт Васильков — Игнатово (на правом берегу). Первый фронт отстаивали регулярные части, и они выдержали пяти-шестидневные отчаянные атаки Деникина. Правый берег, защищаемый партизанами, не выдержал наступления петлюровских банд и отступил, поэтому пришлось сдать Киев.

Все эти размышления он обнародовал в «Известиях ВЦИК». Написал все, как понимал, как думал о поражении на Украине. Сделал нелегкий вывод: «Можно говорить о расхлябанности командования: в этом разберутся военные власти. Неорганизованность, халатность и

кустарничество — вот главные причины поражения на Украине».

С себя, как особоуполномоченного ВЧК на Украине и коменданта укрепленного района города, никакой вины не снимал, не оправдывался. Конечно, мог сказать, что имел в Киеве в своем распоряжении только шесть дней. Но в Петрограде перед решающей операцией — массовыми обысками в поисках гнезд контрреволюции — он имел только три дня!

Свой анализ печальных и трагических событий он завершил в «Известиях ВЦИК» словами: «Я убежден, что мы скоро обратно возьмем потерянное». Когда же прочел эти слова, уже напечатанные, то пожалел: как легко иногда даются обещания. Понимал, что революция меньше всего нуждается в них.

Дал телеграмму в газету «Правда»: «Здесь на Южном фронте, где временное поражение является главным образом результатом дезорганизации, так недостает петроградцев. Читая снова, как Петроград опять дает фронту свои силы, и зная, как много он уже дал, можно только удивляться, как быстро в тех труднейших условиях вырастают новые силы борцов. Пусть пример Питера будет примером для всех товарищей, которые в труднейшей борьбе не опустили головы. Пусть они следуют примеру питерцев. Это будет самая большая благодарность рабочим Питера за их величайший вклад во всемирную социалистическую революцию».

Ни попытки оправдания, ни обещаний. Так лучше! «Правда» напечатала телеграмму.

Вероятно, в те часы и дни, наполненные самокритичными суждениями, острой оценкой своих и чужих ошибок и промахов, были сделаны заключения, горькие и обидные, но от них нельзя было отмахнуться. ЦК большевиков в своем всенародно печатавшемся Отчете вынужден был сказать так: «Печальный опыт Украины, куда вслед за небольшой группой преданных передовых партийных

вождей неудержимой лавиной хлынула масса изголодавшихся, усталых людей, думавших часто не столько о работе и борьбе, сколько о том, чтобы отдохнуть и поесть». Констатации было мало, и ЦК здесь же, в Отчете, заявлял, что отныне берет под свой контроль передвижение коммунистов из одного района страны в другой. «Это было тем более необходимо, что поражения на Украинском фронте и потеря Левобережной Украины вызвали обратный поток с Украины. Все те худшие элементы нашей партии, которые несколько месяцев тому назад первыми устремились на Украину, теперь, вместо того чтобы мобилизоваться и стать в ряды сражающихся против Деникина рабочих и крестьян, устремились обратно в Москву, а оттуда пытались пробраться в новые хлебные места».

...В Гомеле было как-то неуютно. Петерс нес службу севернее Киева, службу, ничем не отличавшуюся от солдатской работы, с кровью и потом. Он испил сполна горькую чашу неудачи. А судьбе, наверное, этого было мало, в чашу упали новые капли горечи: пришли печальные вести о взрыве в Леонтьевском переулке в Москве¹. Как возмутилась душа Петерса, каким наполнилась негодованием!

«...Больно, слишком больно думать об этом убийстве... На фронтах, в тяжелой работе для лучшей жизни рабочий класс теряет сотни, тысячи своих лучших товарищей.

...Больно потому, что эти товарищи, которых знаешь, с которыми вместе работал, должны были погибнуть от рук какого-то негодяя или негодяев при торжестве тех, которые ему дорого заплатили за это убийство.

---

¹ 25 сентября в помещении Московского комитета РКП(б) по Леонтьевскому переулку происходило собрание ответственных работников партии, на которое должен был приехать В. И. Ленин; обсуждался вопрос о заговоре «Национального центра». По заданию анархистов и левых эсеров в помещение была брошена бомба. Погибло 12 человек (среди них секретарь МК РКП(б) В. М. Загорский) и ранено 55, в том числе А. Мясников, М. Ольминский, Ю. Стеклов, Е. Ярославский, М. Покровский и другие большевики.

Пусть не торжествуют деникинские агенты и вся теплая компания из «Национального центра»: оружие в наших руках.

...Наемники империализма, не забудьте ответа рабочего класса на ваш белый террор против нас как против класса, мы вам, как классу, ответим!»

Это был маленький реквием. Посылая его в «Известия ВЦИК», он подписал: «28 сентября. На фронте. Петерс».

Кончились сорок его суток на Украине...

Вскоре он появился в Туле. Такова была воля Центрального Комитета партии. Петерс — член Военного Совета укрепленного района Тулы, который создают в защиту Республики: с юга на город надвигался Деникин.

Необходимо напряжение всех сил и дружная работа ответственных людей, а этого как раз и нет в укрепленном районе. Обеспокоенный Ленин шлет товарищам письмо в Тулу: «Крайне жалею о трениях ваших и Зеликмана¹ с Петерсом... и думаю, что виноват тут Зеликман, ибо, если была негладкость, надо было сразу это уладить (нетрудно это было сделать), не допускать конфликта. Малейшую негладкость впредь надо улаживать, доводя до центра, вовремя, не допуская разрастись конфликту».

В этом письме есть слова, полные доверия к Петерсу: «работник крупный и преданнейший».

И вот снова Петроград. Взбудораженный революцией и войной город-крепость! Снова угрожающее положение. Юденич, Родзянко штурмовали уже позиции красных на виду у города, и было похоже на то, что они, как никогда до этого, подошли близко к цели — его захвату. Родзянко покидал командный пункт, поднимался на холм, чтобы лучше рассмотреть силуэт города, открывавшийся из осеннего тумана. Генералу подносили бинокль. «Не нужно,— отвечал он,— завтра я буду гулять на Невском!»

---

¹ М. Я. Зеликман — секретарь губкома и член губернского ревкома в Туле.

Газета белогвардейцев «Свободная Россия» каждый день печатала приказы Юденича гражданам Петрограда, заканчивавшиеся словами: «Мы идем, ждите нас!»

Могло показаться, что Петерса, послав в Питер, «обидели»: ведь летом он был в Питере, можно сказать, вторым лицом (после Сталина), теперь поручение вроде бы скромнее: в Совете укрепленного района — глава комиссии по учету и распределению автомобилей. Но этих людей, «чернорабочих революции», как однажды сказал о них Мартин Лацис, мало заботили посты и портфели. Революция — не место столоначальнического пира, где раздают звания и регалии. Летом Петерс на свой риск и страх думал о работе по эвакуации Питера, теперь же обязан был это выполнить. Ленин потребовал от Совета укрепленного района, и прежде всего от Петерса, «вывозить из Петроградского района в сутки сто вагонов ценных грузов» (телеграмма от 28 октября). Тогда Петерс рисковал, теперь стало ясно: рисковал не напрасно, с умом. Всякий риск — история с загадочным лицом: то ли улыбнется оно, то ли сделает гневную гримасу, это покажет время.

Октябрь и начало ноября сложились для Петрограда тяжело. Были дни, воодушевлявшие Юденича, Родзянко и командование английских интервенционистских кораблей. Но стойкими были бесстрашные красноармейцы Петрограда, балтийские моряки, рабочие.

В Москву Екаб приехал 17 ноября. Заехал в редакцию «Известий ВЦИК», где его всегда хорошо встречали, знали, что он привезет самые последние данные. Так было и в этот раз. Петерс сообщил: «Пока еще рано говорить о полном разгроме Юденича, но несомненно, что он понес сильнейшие поражения, которые навсегда отобьют у него охоту покушаться на красный город мировой революции. Наиболее чувствительные удары по армии Юденича были нанесены у Красного Села, Ижоры и под Лугой... Бои в этих пунктах показали Юденичу, что его песенка спета...»

Наступление Юденича захлебнулось, белый генерал был разбит и отступил.

В ноябре 1919 года в Москву съезжались делегаты VII Всероссийского съезда Советов. Петерс вышел на Лубянку, повернулся к площади, ускорил шаг, чтобы не опоздать на заседание, и вдруг увидел Оксану. И совсем невпопад стал расспрашивать об Антонине.

— Яков Христофорович, спросили бы лучше, как я живу, а живу я ох как плохо...

Петерс понял свою промашку (встретил одну, стал расспрашивать о другой), но перед юными созданиями он как-то терялся, чувствовал себя стариком, хотя было ему тогда неполных тридцать три. Поправился, спросил участливо: почему же дела Оксаны плохи? Та ответила, что виноват сам Яков Христофорович, обещал вернуть ей родной Киев, даже написал в газете об этом, а слово-то и не сдержал.

— Вернем, во что бы то ни стало! — зло произнес Петерс. Только странно: суровая складка меж бровей у него сейчас не проявилась.

— Какие девушки в России! — думал потом Петерс. — Правда, война не для девичьих плеч. Да и сколько пропадает мужской нерастраченной нежности — виновата все та же война... Окруженные бедствиями войны, часто среди страданий и болезней встречались молодые люди. Случалось, лишь на миг, однажды, мимолетно...

На съезде Советов Петерса избрали кандидатом в члены ВЦИК. А юг России пылал в огне, шли изматывающие бои с деникинскими армиями. Но 16 декабря 1919 года части Красной Армии освободили Киев.

ПЕТЕРС УМИРАЛ ОТ ТИФА...

Бахвальство Деникина «разделаться с большевиками», хвастовство генерала Мамонтова, обещавшего, как он написал в своей телеграмме со станции Грязи, «вихрем

влететь в Москву и выгнать оттуда врагов русского народа», даже подкрепленные солидным военным напором, лавров белым не принесли, как и помощь интервентов. Упорство, воля к жизни в, казалось бы, отчаянном порой положении дали большевикам силы переломить ход сражений. Белые генералы и их армии откатывались на юг. Отступающий Деникин и бегущие мамонтовские казаки в отместку старались смести на своем пути все — деревни, хутора, одинокие хаты. Горели города.

Где-то в «красном вале» двигался и Петерс — полномочный представитель ВЧК, комиссар Северо-Кавказской железной дороги и председатель Ростовского ревкома.

Из Ростова долетел до Москвы слух об убийстве Петерса деникинцами. Ленину не хочется в это верить: он пережил много потерь в среде своих соратников, товарищей, так им ценимых работников. Он никогда не мог смириться с такими тяжкими известиями. Ленин шлет шифровку в Реввоенсовет Кавказского фронта, просит выяснить истину: что же произошло с Петерсом? Ведь он хорошо узнал Екаба еще со времени Петроградского военно-революционного комитета. Потом была организация ВЧК, ликвидация малых и больших заговоров, чудовищный заговор Локкарта, борьба с бандитизмом в Москве, оборона Питера и Тулы. И всюду партии был необходим Петерс. Были, правда, и поражение под Киевом, и не совсем удачный опыт с Оскомом¹, но на таких осечках учились многие в партии, не только Петерс.

Петерс, однако, не был убит деникинцами. 9 апреля 1920 года Ленин прочитал поступившую по прямому проводу с юга записку с сообщением о серьезном заболевании чекиста. Жив! Ленин написал на записке: «Дзержинскому».

---

¹ Особый комитет по проведению военного положения на железных дорогах. Петерс был некоторое время заместителем его председателя. В условиях разрухи на транспорте деятельность комитета была малоэффективной.

И снова поползли по Москве слухи: Петерс умирает от тифа, болезни, которая косила тысячи и десятки тысяч...

Партии, ВЧК потерять такого революционера было бы непоправимой утратой! Если вокруг имен людей ВЧК уже тогда складывались легенды, то одной из самых легендарных личностей, несомненно, становился Екаб Петерс. Ленин восхищался тонко проведенной операцией по поимке Локкарта, когда смелые и расчетливые действия чекистов позволили обмануть хитрого и опасного противника, заставить его действовать так, как это было выгодно ВЧК. «Мы сладили с ним тогда, когда ЧК была учреждением возникающим, не имеющим солидности...» Ленин между прочим добавлял, что, если «мы не сумеем поймать шпикив, тогда надо сказать, что таким людям нечего браться управлять государством».

Народный комиссар по иностранным делам Чичерин, отчитываясь перед VI съездом Советов о деятельности наркомата, в октябре 1918 года говорил: «Разоблачение деятельности господ Локкарта, Гренара, Лаверна, Пуля и других официальных представителей держав Согласия произвели повсеместно громадное впечатление и дали народным массам всех стран поразительную яркую картину тех преступлений и темных махинаций, к которым прибегают агенты империализма, пытаясь нанести удар своему революционному врагу».

И именно Петерс получил имя «разоблачитель Локкарта» («Известия» от 22 сентября 1918 года).

«За ординарной внешностью Петерса скрывались огромные способности, яркое воображение, сила воли, непреклонность и изобретательность. В жесткой схватке с тайными силами контрреволюции он одолел самых опытных...» — свидетельствовал Альберт Рис Вильямс.

Петерс овладевал новым, непостижимым искусством власти рабочего класса по самозащите, где главное — не чиновничий аппарат, не старание агентов-профессиона-

лов, а глубокое понимание того, что достичь необходимого можно только с помощью рабочих, опираясь на их находчивость, творчество и преданность революции.

Петерс, казалось, удивительно легко мог находить нужных ему людей, способных творить чудо. Когда «разоблачителю Локкарта» понадобился верный, с особыми качествами помощник, он нашел «неподкупного солдата революции, благодаря способностям и высокому сознанию которого был раскрыт гнусный заговор империалистов. Имя командира — тов. Берзинь» — так писали «Известия».

По словам Петерса, дело выглядело так. «В десятых числах августа с. г. ко мне явился командир первого тяжелого Латышского артиллерийского дивизиона тов. Берзинь и заявил, что агенты английской миссии обратились к нему с предложением, чтобы он, оставаясь на занимаемом им посту, использовал свое положение в интересах англичан...

Посоветовавшись с тов. Дзержинским, я предложил т. Берзиню не отклонять предложение английских агентов, быть с ними в сношениях и обо всем осведомлять ВЧК...

Все сообщения Берзиня носят характер достоверности и подтверждались при проверке имевшимися в нашем распоряжении средствами. Честность поведения Берзиня не подлежит ни малейшему сомнению. Я. Петерс».

Мы привели показание Петерса, которое он дал члену ВЦИК В. Кингисеппу, занимавшемуся расследованием дела Локкарта и других заговорщиков. Последняя часть показания нуждается в пояснении. Уже тогда возникли беспочвенные разговоры о недостойном поведении Берзиня, позволившего себя «завербовать». Петерс считал своим долгом опровергнуть лишние всякого основания домыслы, без колебаний подтвердил «честность поведения» красного командира, бывшего офицера армии старого режима. К месту будет сказано, что почти 20 лет спустя вокруг имени Эдуарда Берзиня снова поползут старые

наветы, сыгравшие роковую роль в его судьбе. Только в этот раз Петерс не сможет помочь Берзиню.

А когда понадобился человек на более сложную роль, он его тоже нашел — Шмидхена. Именно Шмидхен привел Э. Берзиня в логово заговорщиков-дипломатов, к Локкарту, а перед этим сумел заручиться доверием опытного английского разведчика Френсиса Кроми. Сложность роли Шмидхена состояла в том, что разоблачались один за другим заговоры контрреволюции и западных агентов, а Ян Шмидхен все еще клеймился на страницах газет как «иностранный шпион», внося дезориентацию в умы западных разведчиков. По ряду глубоких соображений тайна Шмидхена не раскрывалась ВЧК годы, десятилетия. Эту тайну знали немногие, среди них были Дзержинский и Петерс ¹. И многое пережил исполнитель тяжелейшей роли, роли-подвига на всю жизнь, верный чекист, никогда не сомневавшийся в том, что ему пришлось делать — Ян Янович Буйкис (он же Шмидхен). Только в 1965 году станет известна из книги Ф. Кравченко «Под именем Шмидхена» история человека из окружения Петерса — необычного, редкого по выдержке и воле.

Тайна же самого Екаба Петерса, его мощной и неординарной личности была раскрыта еще задолго до самого Петерса.

Истинный человек, будь он великой личностью или человеком неизвестным, и в прошлом, и в настоящем остается частью великого. Л. Толстой это хорошо передал через образ Платона Каратаева в «Войне и мире»: «...жизнь его, как он сам смотрел на нее, не имела смысла, как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал». Так и Петерс. Он имел очень скромное собственное представление о себе, которое было гораздо ниже его действительного

---

¹ Локкарт, однако, кое о чем догадывался. В книге «Буря над Россией» он высказался так: «С тех пор я со Шмидхеном не встречался. То ли его расстреляли за участие в заговоре, то ли наградили за раскрытие...»

значения среди людей. Таким он представал перед ними.

Дзержинский однажды так отозвался о Екабе: «Петерс умница, хороший организатор, волевой человек. Он у нас ударная бригада ЧК, если хочешь, пожарная команда, бросаем туда, где горит...»

Ему нравилось работать с Петерсом прежде всего потому, что на того можно было во всем положиться, от него приходила уверенность, что любая задача будет выполнена, чего бы это ни стоило. Открытый характер Петерса, нередко упрямого, но всегда находчивого в деле, впитал лучшие черты его маленького народа — латышей. Екаб умел понять многих, растолковать иным тугодумам, обладал даром поднимать настроение, прибавлять силы и уверенность.

Он пользовался особым авторитетом за свою принципиальность, отзывчивость, бесстрашие. И это не просто слова. 19 апреля 1918 года, после переезда ВЧК в Москву, фракция большевиков — служащих ВЧК (56 человек) собралась на свое заседание, и Петерса единогласно избрали председателем бюро большевиков, то есть он стал первым секретарем партийной организации центрального аппарата ВЧК (факт совсем малоизвестный). Он настойчиво проводил ленинскую политику, помогал председателю подбирать толковых парней для ВЧК, с партийных позиций выступал против нападков на деятельность чекистских органов, революционных судов.

Партийный секретарь и мудрый чекист Петерс в день второй годовщины ВЧК и почти двухлетнего своего секретарства имел право сказать: «Аппарат работает с каждым днем лучше... правда попадались среди сотрудников не оправдавшие высокого доверия, но никогда ВЧК их не покрывала. Она расправлялась с ними беспощадно.

Много было нападков на ВЧК, как со стороны наших классовых врагов, так и со стороны тех, которые думают, что революцию, даже социалистическую, можно делать деликатно. Это время прошло. ВЧК показала себя на деле.

Она стала острым оружием в руках рабочего класса, ибо она им создана».

И вот теперь Екаб умирал от тифа, был на грани жизни и смерти. Болезнь пыталась выключить его из жизни, как будто в ней Петерсу уже и нечего было делать...

ДВА КОМИССАРА И ЛУИЗА БРАЙАНТ

Здравая мысль чудес не приемлет, но как назвать то, что человек, уже стоявший у врат небытия, вернулся к жизни? Да, это факт! Петерс встал-таки на ноги! Был сначала очень слаб, обострилось ранение, полученное под Киевом. Но мысли все более уносили его в вихрь живой жизни, в невзгоды войны, в надежды революции.

А еще до появления Петерса «с того света» к Ленину стали поступать просьбы: пришлите Петерса в Сибирь «для организации Чрезвычайной комиссии и борьбы с контрреволюцией». Дзержинский предложил послать туда Павлуновского, и Ленин на вопрос, не возражает ли он, ответил: нет. Просили — верните Петерса на Северный Кавказ. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждает 30 июня 1920 года, не назначить ли Петерса членом Северо-Кавказского ревкома и представителем ВЧК на Кавказе? Найдена ленинская запись на листке календаря от 30 июня: «...Петерс 3 ч. ...» (обычные заметки Ленина о предстоящих встречах). Возможно, Ленин принял тогда Петерса.

А тем временем Совнарком утвердил состав коллегии ВЧК. Председатель — Дзержинский, члены коллегии: Ксенофонтов, Петерс, Аванесов, Кедров, Манцев, Медведь, Лацис, Менжинский, Ягода, Зимин, Мессинг. 31 июля Ленин подписал членам коллегии и Дзержинскому соответствующие удостоверения. В Москве, однако, без особой надобности никого не держали. Даже Дзержинский с конца

мая по сентябрь 1920 года работал начальником тыла Юго-Западного фронта.

...На фронт уходили эшелоны, увешанные красными полотнищами-лозунгами о социалистической революции и пролетариях всех стран... Везли лошадей, овес, амуницию; на станциях красноармейцы выскакивали из вагонов в поисках воды: напоить лошадей, приготовить себе подобие чая. Под далеким Верным (ныне Алма-Ата) кавалерийский полк ВЧК выгрузился. Бросился в бой. Тогда Верный и вырвали у врага, возвратили город Советской власти.

С кавалерийским полком прибыл сюда и член коллегии ВЧК Петерс. Ему бы больше подошел в то время березовый лес под Москвой — долечивать недуги, а он уехал в край, где холера и трахома, малярия и дифтерит, тот же сыпняк, и возвратный тиф обильно собирали свои жертвы, особенно среди ослабленных. Но все дело в том, что Советской России была нужна его работа именно здесь.

В пути на Ташкент Петерсу запомнилось высокое, чистое небо да степные коршуны на песчаных буграх, что проплывали мимо вагонов. ...Открывался край незнакомый и огромный...

Потом, 26 августа 1920 года, была первая встреча с коммунистами Ташкента. Собрались в Государственном театре, где и говорили вновь прибывшие члены Турккомиссии — Сокольников, Сафаров и Петерс — о внутреннем и международном положении Республики и задачах партии.

...Туркестан! В немеренных пространствах земли, под белым, неправдоподобно раскаленным солнцем на каждом шагу — парадоксы, просто, казалось, нелепости. Советская власть укреплялась, искала поддержки народа, а в кишлаках сидели баи, которые, как и при эмире, держали батраков, собирали налоги с бедняков за аренду земли и за воду. Нищие декхане, сплошь неграмотные, слушали самоуверенных и брюзжащих баев, недовольных новой властью и твердивших о святых законах Корана. Всюду

шныряли их люди, внушали, что басмачи-де истинные защитники веры.

В Бостанлыкском районе близ селения Бурчмулла организовалась сельскохозяйственная коммуна. Председатель радовался первым успехам. Но однажды на него напала толпа на базаре, подстрекаемая баями и духовенством: его стянули с лошади, затоптали ногами, закидали камнями, труп бросили в ров. И сколько ни искали виноватых, очевидцы твердили одно и то же: не знаем, не видели, все виноваты.

Туркестан был единственной республикой, снабжавшей РСФСР хлопком, но площади под его посевы сокращались, а то, что собирали (счет все же шел на миллионы пудов), не удавалось вывезти на переработку. Газеты писали: «Поезда с хлопком задержались вблизи Оренбурга ввиду того, что их не позволили везти туркестанскими паровозами». Мешали разруха и неразбериха. Не было, как и раньше, топлива. Постоянно чего-то не хватало. В Чимкенте не было дубильного материала и кожу выделывали, используя камень. Не было соды для варки мыла, заменяли ее золой растений. Окна стеклили слюдой. Выдался прекрасный урожай, в кишлаках запели. Но песни радости сменились песнями горя и печали: шла война... «...Фергана, Наманган, Андижан и другие города стерты с лица земли, и население их бежало в Ташкент», — писали газеты.

Только к декабрю Петерс — полномочный представитель ВЧК в Туркестанской республике — реально представил истинное положение вещей. В своем письме ко всем чекистам края он напомнит, что в Туркестане Советская власть фактически только налаживается.

«...В Семиречьи у власти — русский кулак-живодер, который всякие государственные разверстки налагает в первую очередь на киргизского кочевника, не имеющего ни площади хлебных посевов, ни сбора хлеба». (Из Семиречья Красная Армия гнала белых генералов и полков-

ников, окружала, уничтожала и рассеивала банды русских кулаков.)

«В Фергане Советская власть не вышла еще из новых городов, а о кишлаках и говорить нечего,— напоминал Петерс.— Там царствуют бандиты, басмачи и не одно преступное безобразие совершают авантюристы с советскими мандатами, в роли разных диктаторов, не считаясь нисколько с правами и бытом местного населения...» (Басмачи налетали на города, пронеслись по кишлакам, сея огонь и смерть.)

Петерс определил место каждого чекиста. «ЧК должна служить бедноте против богачей, угнетаемым против угнетателей. ...ЧК должна вести пример не только в смысле порядка, дисциплины, самоотверженного труда, но и выдержанности, такта, твердости и вежливости.

...ЧК и Особотделы должны понять, что комитеты коммунистической партии на местах есть высший орган пролетарской диктатуры и штаб революционного фронта. К нему каждый член партии должен относиться с уважением и вниманием».

Свою программу-письмо он объявил 2 декабря. Но еще когда на дворе дышал жаркий и пыльный август, Петерс тщательно и скрупулезно начал знакомство с делами в Ташкенте, с сотрудниками в ТашЧК.

В доме, где разместился Петерс со своей службой, был назначен сбор сотрудников. Свежие данные лежали перед ним на столе: арестован сотрудник ТуркЧК Муминбаев, обвиненный в вымогательстве; строго предупрежден за пьянство и запущенность в работе ответственный сотрудник Турк- и ТашЧК Барк. Шайка уголовных бандитов терроризирует Самарканд и весь уезд. На столе лежали свежие сводки с фронта, последние номера ташкентских газет. Над одной заметкой он задержался дольше: «За что карает Туркчека. Служащая Народного комиссариата земледелия Маргарита Карнатовская вместо дела и добросовестного исполнения служебных обязанностей в

часы занятий занималась флиртом, танцами и пением романсов. Многочисленные предупреждения и призывы к порядку ни к чему не привели, и постановлением Туркчека саботажница отправлена в рабочий и исправительный дом с применением общественных принудительных работ сроком на один год... ходатаи по делу Карнатовской, объяснявшие явный ее саботаж «шалостями милой девушки» (см. протокол коллектива комзема), привлечены к ответственности, как за покрывательство и укрывательство саботажников».

Когда смысл написанного дошел до Екаба, он от души рассмеялся. А в это время к нему входили люди и, зная, как редко в этой комнате можно встретить улыбку, а тем более смех, со сдержанным недоумением реагировали на происходящее. Действительно, положение дел давало мало повода для веселья, больше — для озабоченности. Петерс снял кожаную фуражку со звездой, положил ее на край стола, приткнул к ней пиджак и почувствовал себя гораздо свободней и уверенней. Он преобразился, воодушевился и повел истинно партийный разговор о неотложных задачах чекистов. Люди впитывали каждое его слово. Петерс обратил их внимание на то, чтобы прежде всего «сконцентрировать все силы, все органы, ведущие на территории Туркеспублики борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности и дать им правильное направление...».

Возникла в Ташкенте история с базарами. Петерс позвал к себе Абдуллу Ярмухамедова, местного уроженца, начальника политотдела в ЧК. Послушал советы Абдуллы и, как это делал в Москве, отправился инкогнито на местные Сухаревки. Походил, посмотрел, потерялся в говорливом, кричащем, многолюдном месиве — на Воскресенском базаре, на Куринном, вокруг лавок в Старом городе.

Наиболее ярые «революционеры» из местного Совета провели в жизнь свое требование: закрыть базары, как скопища грязных торговцев и бездельников, места встречи

контрреволюции. Считалось, что это — подлинно революционная линия. Крутая мера, однако, продолжала будоражить людей. Совету пришлось еще раз к этому вернуться. Заседания заканчивались поздно ночью. Петерсу досталось от этих «революционеров»: они его клеймили консерватором, он называл их «левыми». А все потому, что внял истине: мусульмане не живут без базаров. Здесь и чайхана, и многолюдье — сосредоточие правды, сомнений, слухов. Сюда, на базар, стекаются люди, здесь и выплескивают все чувства, мысли, узнают, чем живет сама община. На Востоке говорили: «Хочешь узнать душу города — иди на базар». И Петерс вопрошал: «Почему бы не соединить эту старую мудрость, помогающую людям жить, с мудростью большевистской правды?» Он резонно заметил «революционерам»: «Едва ли людей можно называть контрреволюционерами просто за то, что они так живут».

Своей властью Петерс отменил нелепое решение о базарах. Его обвиняли в превышении своих полномочий. Но справиться «левым» с Петерсом было невозможно. Он все лучше узнавал особенности местного быта, сложности жизни Востока и не шел на компромиссы, когда видел, что они мешают правильной политике. Петерс завоевывал поддержку и авторитет. Он приехал в Ташкент членом Турккомиссии. Уже на месте стал членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б). В сентябре он участвовал в IX съезде Советов Турккеспублики; его избрали в состав местного ЦИК и делегатом на VIII Всероссийский съезд Советов в Москву. В сформированный Президиум ТуркЦИК вошли узбеки, киргизы, русские и один латыш — Петерс.

В уголке сознания оставалась Маргарита Карнатовская, угодившая за танцы и пение романсов в рабочее время на «принудиловку». Петерс сам любил поэзию, знал толк в песнях, в Питере однажды успел, ухитрился даже послушать бас Шаляпина. По настоянию Петерса девушку освободили от наказания.

Провели дополнительное расследование по делу сот-

рудника Туркчека Муминбаева, обвиняемого «в вымогательстве с граждан туземцев значительных сумм денег и использовании с этой целью имени Туркчека». Виновного расстреляли. Петерс утвердил высшую меру наказания местным бандитам, схваченным в Самарканде и его уезде и совершавшим грабежи, дерзкие убийства и насилия.

Не с легким сердцем решили судьбу ответственного работника ЧК Барка, который «в течение целого года, вопреки многочисленным приказаниям ВЧК о поднятии дисциплины и уровня сознательности среди сотрудников, позволил себе устраивать пьяные кутежи совместно с подчиненными ему сотрудниками и сотрудницами в Старом городе, т. е. на глазах местного населения, коими дискредитировал Советскую власть и органы ЧК, позорил имя Коммунистической партии, членом которой он состоял». Барка, этого «аристократа Владимира Генриковича», как иногда он сам себя представлял, тоже расстреляли и объявили об этом в «Известиях» Туркестанской республики.

В двадцатых числах декабря 1920 года Петерс со всеми делегатами-туркестанцами прибыл на VIII Всероссийский съезд Советов в Москву. Повестка дня съезда была известна, но знали и то, что страна еще отбивалась от военного наступления врагов на Западе и Востоке, и поэтому полагали, что говорить будут о военном лихолетье, о Красной Армии, крови и смерти... Ленин же заговорил о бедственном состоянии в экономике, в деревне, о концессиях. Проекты о концессиях уже до съезда вызвали, как признался Ленин, «повсюду не только в партийных кругах и среди рабочих масс, но и среди широких масс крестьянства, по тем сведениям, которые мы имеем, немалое волнение, даже беспокойство». Говорили, повторяли — «своих капиталистов мы прогнали, чужих хотим пускать». И на съезде не раз обращались к записке беспартийного крестьянина, поданной на Арзамасском уездном съезде Нижегородской губернии, которая гласила: «Товарищи! Мы вас посылаем на Всероссийский съезд и заявляем, что мы, крестьяне, готовы

еще три года голодать, холодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии не продавайте».

Какие жестокие были споры на самих заседаниях съезда по тем же концессиям! А Ленин стоял на своем и предлагал со всей серьезностью повернуться к разрушенной экономике, разваленному хозяйству, доказывал, что нам выгодны концессии, возможности использования капитала, что «самая лучшая политика отныне — поменьше политики. Двигайте больше инженеров и агрономов, у них учитеесь, их работу проверяйте...». Ленин напомнил, что «нам принадлежит Россия», что «нет спасения иначе, как в поддержке Советской власти».

Делегаты были взволнованы, взбудоражены необычными планами, новыми перспективами, но их порой охватывали сомнения, нерешительность, трудно давалось согласованное решение.

На Петерса очень подействовала выставка, которая была устроена к съезду, скорее, не сама выставка, а то, что он там услышал. Стояли трактор, плуги, и не только с одним лемехом, железные бороны и другие орудия труда, которые трудно было встретить в деревне, где кругом — соха, изношенные лапти да нужда, горькая и бесконечная. Какой-то крестьянский делегат подошел к трактору, постучал заскорузлыми пальцами по металлическому колесу.

— Побольше было бы у нас этих машин, то мы все захотели бы в коммуны! — сказал, подмигнув, мужик.

Предложения Ленина обсуждались по фракциям, среди партийных и беспартийных делегатов съезда Советов. Ленин шел к своей цели, логикой и здравым смыслом отодвигая в сторону сомнения и настороженность. С ним согласились, согласились потому, что Лениным руководила правда жизни. Потому, что за ним шли такие, как Петерс, оружием и верой в великое дело сражавшиеся за то, чтобы жить без оружия и строить новое общество.

На обратном пути домой, в Ташкент, вагонная толчея. Делегаты думали над тем, что на самом деле произошло

в Москве, на съезде Советов. Петерс подолгу простаивал у окна; бежали провода, взлетая и снижаясь у столбов, проплывали мимо, казалось, забытые деревни, заснеженные поля, мужики и лошади, женщины и дети. Угнетали своим видом разоренные станции и взорванные водокачки. За Самарой, Оренбургом попадались опрокинутые под откос вагоны, разбитые пушечные передки, сломанные колеса — следы только что прошедшей гражданской войны... Петерс отворачивался от окна, находил в толчее место и писал. Ломался карандаш — затачивал его кинжалом-ножом, отнятым когда-то у бандита, и снова писал: «Для того чтобы привлечь еще больше рабочих в Донецкий бассейн и на нефтяные промыслы, необходимо опять-таки их обеспечить пайком, одеть, обусть, иначе всякие разговоры о трудовой дисциплине в значительной мере останутся пустыми разговорами, и ту Сухаревку, как сказал тов. Ленин, которую официально закрыл Московский Совет, многие из рабочих будут продолжать носить в душе, высматривая удобный момент, чтобы поехать за мукой и другими продуктами, без которых они работать не могут».

Мысленно он вернулся к докладу Г. М. Кржижановского о плане электрификации России.

«Этот грандиозный план хозяйственного строительства России тов. Ленин назвал новой программой Коммунистической партии. ...Для буржуазных государств и их экономистов это предприятие является утопией. Они это будут называть бредом сумасшедших людей, так же, как они называют Октябрьскую революцию. Но своей выдержанностью российский пролетариат доказал, что Октябрьская революция есть реальная возможность, и, несмотря на все препятствия, все преграды, он вышел победителем. Для достижения полной победы недостаточно победить капиталистический строй и общество, необходимо, чтобы трудящийся стал настоящим хозяином своей победы, чтобы он не был рабом...

Необходимо, чтобы арзамасский и другие крестьяне,

которые за эти три года научились сражаться, умирать за социалистическое Отечество, голодать, выносить неслыханные тяжести войны, чтобы они поняли этот грандиозный план и с такой же энергией пошли в борьбе за победу на хозяйственном фронте».

Мысль Петерса пульсировала, карандаш торопливо бежал по бумаге: «...но самый главный фронт впереди. Нужно сплотить вокруг себя широкие рабочие и крестьянские массы. Нужно перевоспитать их. Нужно изжить их мелкособственнические навыки и приучить их к коллективному труду.

Мы должны приучить каждого к тому сознанию, что нужно и должно работать на общий котел. Нужно приучить каждого рабочего, каждого крестьянина к сознанию того, что он является единственным властелином и полномочным хозяином своей жизни».

Он достал уже на самом съезде сделанные им записи мыслей Ильича:

«Ильич сказал, что нужно научить крестьянина читать и писать, нужно поднять его политическое сознание, нужно пересмотреть все наши планы, дать деревне все, что возможно». На другом листке: «Превращайте съезды и совещания не в органы митингования, а в органы проверки хозяйственных успехов, в органы, где мы могли бы настоящим образом учиться хозяйственному строительству».

Потом, уже в Ташкенте, он узнает из местных газет и частью заграничных, какая извергалась критика на хозяйственную политику Советской власти: был злобный разнос, тайная надежда на ее «перерождение» и возврат к старому, «доброму» капитализму. Точками пересечения оставалось то же — продналог, концессии, товарооборот, оживление частников. Ярой критикой заявили о себе эсеры Керенский, Чернов и пр. Петерс ответил им статьей «Белогвардейцы и наша хозяйственная политика», опубликованной в Ташкенте. В ней Екаб с удивительным пониманием существа вопроса писал:

«...Мы, победив белогвардейщину, перешли к хозяйственному строительству и поставили вопрос о коммунистическом строительстве уже не в плоскости теоретических рассуждений, а как практический вопрос и в переходный период от капиталистического производства к коммунистическому находим необходимым вовлечь в производство частную инициативу, и сейчас мы имеем гарантию, что в наших руках находится власть, которой принадлежат все блага Советской России и которая имеет контроль над всей общественной и хозяйственной жизнью страны. В наших руках также находится национализированная промышленность, а это настолько огромный козырь, что скидывать его со счетов нельзя и отмахиваться от него недопустимо».

Статья Петерса и по своему пафосу, и по содержанию была очень удачной и убедительной. С каким блеском он ее завершил! «Но то, что непонятно «знатокам» России Керенскому, Чернову и компании, то удивительно хорошо понимают даже такие теоретики, как английские радикалы, которые в своем органе «Нешен» пишут: «Как бы ни были велики изменения, вносимые Лениным, мы отнюдь не замечаем, чтобы он отказался от своей принципиальной линии. Прежняя система производства не была коммунизмом, новый метод не есть капитализм. Ленин знает, когда надо идти на временные уступки, и оставляет один опыт, когда находит другой лучше. Закон неукоснительно преследует свою основную цель — организацию всего хозяйства России на коллективных началах. Если он сумеет добиться машин, если ему удастся осуществить свой грандиозный план электрификации России, то в течение немногих лет он сделает социалистами всех своих отсталых индивидуалистически настроенных крестьян».

Каждый читающий эти строки сегодня, наверное, почувствует свежесть этих идей и мыслей Петерса, их близость решаемым в наше время задачам. И не только потому, что каждое поколение что-то повторяет, выходя на новый поворот истории. Но и потому еще, что на перелом-

ном ее этапе оно должно серьезно оглянуться вокруг, вспомнить тех, кто много десятилетий назад в сомнениях и мучениях искал то новое, что оказалось таким необходимым сегодня.

Петерс много выступает, много пишет, печатает. Появилась его статья «Восстановление народного хозяйства и концессии». Он сделал доклад на общем собрании Ташкентской организации КП Туркестана. Через несколько дней он и Л. М. Каганович выступили в Ташкенте в Народном доме на собрании наркомов, их заместителей, членов коллегии; оба коснулись причин бюрократизма в советских учреждениях и способов борьбы с ними. Петерс говорил остро, был возбужден, но логичен. Он словно чувствовал, что бюрократизм — дело не одного дня, борьба с ним будет мучительная и, возможно, долгая... Он понимал, что доньше военные фронты требовали все, и работе самих учреждений «не предоставлялось возможности уделять должного внимания», и в учреждениях оказались выбитые из прошлой, сладкой жизни «купцы, буржуазия и царские чинуши и проч. дрянью», они стали «спецами», заполнили собою все учреждения путем «устройства своих мамаш, зятьев и т. д.».

Теперь пролетариат освободился от тяжелых кровавых фронтов, он взялся за столь необходимую чистку, и VIII съезд Советов положил начало этой очень нужной работе.

Предвидя возражения, что «в Туркестане дело обстоит иначе, что наблюдается везде недостаток работников, незаполнение штатов», Петерс, уже хорошо зная положение дел на месте, дал такой ответ: «Всмотритесь хорошенько и вы ясно увидите, что все составленные на бумаге штаты сильно раздуты в сравнении с действительной потребностью.

Отделы наших наркоматов растут как грибы, а пользы от них почти никакой. Некоторые из них благодаря отсутствию плана работы и незнания своих обязанностей пустуют. Учреждениями занято много помещений, а рабочие по-

прежнему ютятся в конурах. Бюрократическая волокита развита до невероятных размеров, и часто для того, чтобы получить отказ в удовлетворении какими-нибудь предметами, нужно проходить по комнатам учреждений несколько дней. Многие советские работники занимают по несколько должностей и в результате не имеют возможности уделять должного внимания работе ни одного из учреждений.

Такая обстановка дела, такое отношение к работе никогда не выведут нас из тяжелого экономического положения...»

Съезжаются в Ташкент на конференцию туркестанские чекисты, их, как писала газета, «приветствовал товарищ Петерс от имени ВЧК». Петерс выступил с речью. Он постарался найти место чекистов в небывалом еще деле — оживлении экономики. Газета писала: «Останавливаясь подробно на задачах, возлагаемых единым хозяйственным планом на Туркеспублику, от которой требуется максимальное напряжение сил для выработки хлопка в количестве не менее довоенного времени, докладчик указывает, что кулацкие элементы будут всеми силами стараться помешать нам провести эту меру и в этой области работникам ЧК и Особым отделам придется напрячь максимальные усилия. Мы должны идти к дехканству и беднейшим крестьянам со словами убеждения и не останавливаться в применении меры принуждения к явно враждебным нам кулацким элементам. Так нам приходилось поступать и в Европейской России, и в Сибири, чем спасли положение Республики. ...Еще рано говорить, что работа ЧК уменьшилась. Действительно, вступая в новую полосу советского строительства, нам необходимо изменить свою тактику, но борьба еще громадна, и мы должны быть готовы».

Далее докладчик, продолжала газета, останавливается на особенностях работы в туркестанских условиях, где имеется и басмаческое движение, и кулачество... Переходя

дальше к необходимости неукоснительного проведения в ближайшее время земельного закона, докладчик указывает что эта мера будет иметь особо важное значение для беднейшего киргизского населения. Естественно, что на этой почве с кулачеством будет борьба, и перед Чека стоит задача содействовать безболезненному проведению этого закона.

В апреле Екаб выступил перед своими земляками-латышами (в Ташкенте существовала Латышская коммунистическая секция); перед собранием объявили, что «явка обязательна в порядке партдисциплины».

...Хотя часть бандитов ликвидировали, бандитизм в Самарканде не затихал, ползли слухи о поборах, взятках в самом Самаркандском облЧК, и Петерс стал все более убеждаться, что надо выехать на место. В своих предчувствиях он не ошибся...

14 апреля 1921 года в ташкентских «Известиях» можно было прочитать: «Очищая Советскую Россию от всякой контрреволюционной нечисти, ЧК первым долгом очищает себя от неподходящего и вредного элемента. ...ЧК предпочитает иметь хотя и ограниченный штат, но добросовестный, почему иногда не останавливается даже перед роспуском карательных учреждений. ...По распоряжению полномочного представителя ВЧК товарища Петерса была произведена чистка Самаркандской областной ЧК...»

В ЧК оказался человек, связанный с уголовниками, другой в царское время служил в сыском отделении, на регистрацию как бывший охранник не явился, втерся в ЧК. Две девицы, обманом проникшие в ЧК, бывшие профессиональные проститутки, пили, развратничали. Некоторые милиционеры, «будучи посланы в уезд для разбора поданных туземным населением жалоб, вместо того, чтобы защищать обиженных киргиз, откровеннейшим образом взяточничествовали, вымогательствовали», после обнаружения преступления один милиционер скрылся — объявлен розыск. Были приняты крутые меры: некоторые из совер-

шивших преступления «после всестороннего расследования постановлением коллегии Турчека были расстреляны».

Потом на пути Петерса был Ходжент. По европейскому календарю еще ранняя весна, а в Туркестане уже цвели фруктовые деревья, все дышало простором, свободой... Дорога, говорили местные жители, небезопасна: шалили басмаческие банды. Чтобы избежать ненужных встреч, отряд Петерса двигался то по бездорожью, то караванным путем; среди всадников с островерхими шлемами ехал и Петерс на небыстрой лошади, в своей неизменной кожаной фуражке со звездой и в кожаном пиджаке.

В Ходженте Петерс застал начальника местной ЧК Шарифа Раджапова за необычным занятием: тот слюнявил химический карандаш и старательно выводил строчки печального доклада в областную ЧК.

«Недостатками являются отсутствие денежных ресурсов, малоудовлетворяемость сотрудников продуктами питания и, наконец, отсутствие канцелярских принадлежностей, перевязочных средств и фуража для лошадей. ...Сотрудники не удовлетворены жалованием, а некоторые и продовольствием (соль, спички) с января месяца, что является, безусловно, ненормальным.

Взвод войск ВЧК... находится в весьма безвыходном положении. Красноармейцы совсем босые и голые... Удовлетворяемость продовольствием — 50 процентов. Басмаческие банды своими налетами и сборами вычерпывают все продукты из кишлаков, почему привоза в город нет».

Среди чекистов не принято было жаловаться на трудные условия: была черная работа, «неразрешимые» задачи, которые надлежало решать.

Петерс сам не жаловался и не поощрял такое среди подчиненных. Поэтому, пока он читал бумагу, Раджапов растерянно стоял, не зная: то ли оправдываться, то ли отстаивать написанное. Наконец Раджапов услышал: бумагу Петерс берет с собой и постарается, чтобы Ходженту

помогли. Нормальная одежда — это и дисциплина! И как же без соли и спичек!

В апреле — начале мая 1921 года все внимание Петерса было приковано к Чарджоу и Амударьинской флотилии. Чекисты узнали, что ее командиры — бывшие офицеры собираются вместе с анархизирующими матросами и о чем-то долго совещаются при закрытых дверях.

В это время и появился в Чарджоу спекулянт наркотиками Абдулла, который через знакомство с капитаном парохода «Самсон» Тулевым сумел войти в доверие к главарям мятежников. Они планировали прежде всего захватить склады с оружием, хотя, по их признаниям, уже располагали 27 орудиями и 35 пулеметами (да еще 10 пулеметов и множество винтовок было укрыто в тайнике). Выступление заговорщиков намечалось на середину мая, в успехе они не сомневались...

А 7 мая Петерс шлет срочную телеграмму заместителю Председателя ВЧК И. С. Уншлихту: «...нами раскрыт контрреволюционный заговор среди Амударьинской флотилии в г. Чарджоу. В заговоре замешан весь командный состав... При неудаче решено с пароходами отступить в Афганистан. Нами приняты все меры к предотвращению заговора, а также и бегства. Из Ташкента высланы лучшие силы чекистов...»

В числе лучших был и Абдулла Кадыров — верный и смелый чекист, умело выполнивший опасное задание — проникнуть в штаб заговора.

Руководители заговорщиков были арестованы 13 мая, когда собрались на свое последнее нелегальное совещание. Одновременно были обезврежены другие мятежники, и захвачено спрятанное оружие.

...Партийные и советские работники, чекисты, присланные на работу в Ташкент, вселялись в дом, более или менее сносный по виду, он раньше принадлежал какому-то купцу, бежавшему к басмачам. У входа стоял часовой — время было беспокойное. А в остальном жили простой

коммуной. В просторной прихожей была свалена гора яблок, душистый запах их разносился по дому. Яблоки считались «ничейными», их брали все, как положено в коммуне.

В то утро Петерс в комнате рядом с кухней стирал свои чулки и портянки. Дверь открылась, заглянула женщина в какой-то невообразимой шапке, в татарских сапогах. Он ее не сразу узнал. Это была вездесущая представительница американской журналистики, не смущавшаяся своей нелепой одежды и чувствовавшая себя в России свободно, Луиза Брайант. Петерс живо вытер мокрые руки. Они поздоровались.

Если бы Луиза увидела первую леди Белого дома за штопкой своих кружевных платьев, удивилась бы менее. А здесь советский шеф за стиркой! Петерс ответил просто: «Это у меня старая привычка, от фронта и работы в Москве. Рубашки мне стирает жена; чулки, портянки — я сам. Мужчина к женщине должен относиться с достоинством» — и добавил еще что-то о любви.

Удивляться скорее, однако, можно было не Петерсу, а самой Луизе. Как она могла оказаться здесь, в такой дали, — почти край света! Петерс знал обстановку и не мог поверить, чтобы Наркоминдел разрешил поездку в Среднюю Азию иностранному корреспонденту, да еще женщине.

Действительно, после того, как Наркоминдел наотрез отказался дать разрешение Брайант на эту далекую и по тем временам очень опасную поездку, Луиза попросилась на прием к Ленину. День был мрачный — один из длинных дней зажатой блокадой страны. Ленин, к ее удивлению, выглядел свежим. Он поднял глаза на посетительницу, оторвавшись от работы.

Из американских корреспондентов, пожалуй, больше всех ему симпатизировала Луиза Брайант, хотя он не всегда с ней соглашался. В ней был огонек искренности, непредвзятости. Он хорошо понимал также, что эта женщина вынесла на себе, пожалуй, самое тяжкое: она потеряла

в России мужа, Джона Рида, которого так мучительно любила,— этого сильного в устремлениях человека. Она бы могла его спасти, если бы они заранее уехали из России. Но они остались.

Ленин улыбнулся, увидев Луизу.

— Приятно слышать,— сказал он,— что в России есть-таки человек, у которого достаточно сил, чтобы окунуться в исследования неизвестного. Вас там могут убить, но, во всяком случае, поездка эта на всю жизнь останется для вас самым ярким воспоминанием. Стоит рискнуть.

Он, вопреки мнению Наркоминдела, разрешил выписать Брайант удостоверение, согласно которому она могла садиться в любой поезд, получить место в любой государственной гостинице. Подписывая документ, Ленин в одном месте чуть приостановился: «Удостоверение, что подательница — тов. Луиза Брайант (Louise Bryant) — американская коммунистка...» Ему было известно, что Брайант не состояла официально в Коммунистической партии США, но открыто симпатизировала ей. Ленин быстро, размашисто подписал удостоверение. Он позаботился и о двух сопровождающих красноармейцах и пожелал Луизе благополучия в пути и много впечатлений.

Теперь она дышала воздухом киргизских степей (так тогда называли Среднюю Азию) и, как никогда, чувствовала нехватку России. И пусть Ташкент был городом из мазанок, нагромождением домов из глины, замешанной на соломе и моче верблюдов, и пусть здесь двигались темные фигурки женщин с закрытыми лицами, а у арыков в пыли узких улиц копошились болезненные дети. Это все же была Россия, в огне революции и (как думала Луиза Брайант) верно ищущая свое будущее... Вокруг миллионы измученных людей, но они полны странного энтузиазма, беззаветной веры в избранный путь.

Брайант сразу взялась за дело. Когда она услышала от Петерса о жене, стирающей ему рубахи, то в душе несказанно обрадовалась — какие сюжеты преподносит ей Россия:

Мэй и Джейк снова вместе! Вместе со своей дочерью, встречи с которой он всегда так жаждал! Луиза дома не скрывала свои феминистские взгляды: из-за этого она даже не взяла фамилию Рида, выйдя за него замуж. Но после смерти Джона ей все больше нравились счастливые пары, она тепло улыбалась детям. Спросила осторожно Екаба:

— Значит, Мэй приехала?

Петерс холодно взглянул на гостью.

— Мэй прислала бумагу королевского суда — развод. Написала: не желает сидеть в России на мерзлой картошке. А у нас и картошка — о какие цены потянула!.. Подозреваю, что и Локкарт, когда вернулся в Лондон, постарался расписать Мэй об ужасах России.

Екаб подумал, рассеянная улыбка блуждала по его лицу, добавил:

— Маленькая Мэй пока в Англии. Не видел ее, кажется, сто лет...

Он рассказал о своей жене ¹. Приезжавшие на Восток русские женщины именовались «европейками», и любимым их лозунгом было: «Работницы-«европейки», наш долг — освобождение нашей товарки, мусульманки; пойдем к мусульманке с разъяснением, что позорно рабство, довольно гнета!» Петерс добродушно улыбался: мол, жена тоже комиссар, только не такая, как мы, мужчины-сухари... И красивая! Рассказал о ней подробнее — девятнадцатилетняя студентка и уже Чрезвычайный комиссар, судьба свела его с Антониной еще в Киеве, когда его после ранения помогали лечить две девушки — Антонина и Оксана. Неправда, что люди не могут встретиться два раза случайно. Встречаются, только второй раз часто уже навсегда!..

---

¹ Из рассказа жены Петерса Антонины Захаровны: «Замуж за Петерса я вышла в 1920 году еще не окончившей вуз студенткой, членом партии с апреля 1917 года. Работала в Наркомпросе. В 1920 году... я получила назначение в Ташкент на работу в Наркомпрос председателем Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности в Туркестане».

Брайант позже вслух скажет Петерсу, что теперь у него семья идеальная, о таких в России говорят: классовая любовь! Петерс возразит:

— Зачем же классовая? Любовь не нуждается ни в каких прилагательных, если она любовь...

Антонина (Петерс обращался к ней «Антонина Захаровна») разливала чай, просвещала американку:

— Мои ученики в вечерней школе говорят: чай не пьешь, где сила будет!

Луиза смеялась, вытаскивала блокнот, что-то записывала. Антонина в Ташкенте занималась с неграмотными взрослыми, поражалась умом и опытом своих великовозрастных учеников, которые еще вчера вместо подписи могли приложить только отпечаток пальца. И все-таки в этой семье двух Чрезвычайных комиссаров (шутка принадлежит самому Петерсу) многое не укладывалось в обычные понятия Луизы, и та спрашивала и записывала ответы, и снова спрашивала:

— Неужели вам действительно хорошо жить в такой маленькой комнате?

— Чудесная комната! — воскликнула Антонина. — Как пахнут яблоки!

Условия жизни в Ташкенте далеко не легкие, часто ужасные, согласился Петерс, но так у всех, почему же он должен требовать чего-то большего.

— Есть некоторые советские чиновники, пытающиеся делать из себя неких привилегированных лиц, но их никто не уважает, и они не держатся долго. Я полагаю, что если вы требуете от других мириться с лишениями, то вы сами должны подавать в этом пример, — сказал он.

Люди в России жили без претензий. Это Луиза понимала. Она не могла понять другое, ощутить со всей правдоподобностью: были ли эти люди счастливы? Если что-то делаешь, то ведь для счастья...

— Вы, Джейк, вероятно, испытываете большое удов-

летворение от того, что своей борьбой, работой делаете людей счастливыми?

Он решительно покачал головой:

— Счастье других — это не в моих силах, его нельзя никому дать. Наша революция дает свободу, а все остальное каждый должен делать сам!..

...Внезапно появилась американская корреспондентка в Ташкенте, также внезапно стала собираться в обратную дорогу: в Москву, а потом домой. На прощание сказала Джейку:

— Жаль, что сэр Роджер Кейсмент так и не смог узнать, что среди множества людей, которые пришли оплакивать его смерть, был незначительный лондонский клерк, потом каким-то образом перевоплотившийся в одну из тех личностей, что торопят, ускоряют теперь русскую историю.

О виденном и слышанном американская корреспондентка много думала на обратном пути.

«Удивительная страна!» — думала Брайант. Не все она понимала, что говорилось вокруг (она знала русский далеко от совершенства), а сопровождавшие ее два красноармейца больше «разговаривали» с нею жестами. Однако материал для своих записей Луиза набирала.

Брайант мысленно возвратилась в Ташкент к Джейку. У нее вертелся на кончике языка вопрос к Петерсу — о терроре. Но сам он ни разу не заговорил о терроре, его жена также ни словом не упоминала, Луиза сама не в силах была заговорить об этом. Вдруг Петерс словно догадался, о чем думает Луиза. Он «достал револьвер из своего стола» и остановился на мгновение, рассматривая его. Потом он повернулся ко мне и не то спросил, не то, раздумывая, произнес: «Использовали ли вы когда-либо такую штуку?» Я сказала: «Я знаю, конечно, как им пользоваться, но мне не приходилось, не нужно было стрелять!» Он помолчал и сказал, как о чем-то затаенном: «Как бы я хотел, чтобы мне никогда не приходилось стрелять!»

Объясняя себе эпизод с револьвером, Брайант записала в блокнот: «В конце концов, какая еще история может быть сконцентрирована в одном-единственном предложении! Они хотели бы, чтобы им никогда не приходилось стрелять? Пусть так, это недурно!» Потом эту мысль, не меняя, она занесет в свою новую книгу о России «Зеркала Москвы».

Луиза Брайант была наблюдательной. Попав в Ташкент, она просто откровенно изучала Петерса и заметила такое, чего другие в нем не видели: Петерс всячески искал приложения своих сил к делам мирным, сам выискивал их. В Ташкенте, где Петерс имел «всеобъемлющую власть», — Брайант вывела его «красным губернатором» — он старался использовать ее очень осторожно, как можно реже применяя силу, данную ему революцией.

— На должности губернатора в Туркестане он показал, что он способен не только разрушать, но и создавать, — заключила Луиза.

...А Туркестан еще долго будет жить безжалостными боями под устрашающе раскаленным солнцем. Война с ожесточенными скоротечными боями вторгалась всюду — в уезды и кишлаки, где жгла и крушила.

Действия басмачей направляли и поддерживали агенты британского и французского империализма. Чекисты мужественно отражали коварные происки врагов революции.

На сотни верст протянулись пути Петерса по Ферганской долине, по Семиречью. С верными товарищами он будет ехать, идти, брести по пескам, барханам, бездорожью, порой неделями не сходить с лошади. Ночью — тяжелая тревожная тишина, днем — расплавленное безжалостным белым солнцем небо да песни жаворонков в вышине.

Екаб действовал смело, широко, с подлинно революционным размахом. Росло и его журналистское мастерство. Статьи Петерса «Конец гостеприимству (Белые в Китае)», «Восток и Советская Россия», «Провокации агентов английской разведки» были напечатаны в Москве. Они могли составить честь любому партийному публицисту: так четко

и аргументированно защищал автор ленинские идеи о роли Октябрьской революции для национально-освободительного движения народов Востока. Статьи эти и сегодня не утратили значения.

ДОКУМЕНТЫ, ДОКУМЕНТЫ... «ЛИНИЯ ПЕТЕРСА»

В. И. Ленин внимательно следил за положением в Туркестане, держал под руками всю важнейшую информацию о далеком крае. Установлено, что в ноябре 1920 года Ленину поступило письмо члена Туркбюро ЦК РКП(б) и полномочного представителя ВЧК в Туркестане Я. Х. Петерса о положении дел в Туркестане и доклад члена Турккомиссии Л. М. Кагановича.

Партия, В. И. Ленин учитывали, что столь напряженная ситуация в стране постоянно требовала, чтобы наиболее способные и энергичнейшие люди находились именно там, где это диктовалось моментом, где они могли принести максимальную пользу. Поэтому часто приходилось передвигать людей, менять их: одних отзывать, других назначать. Они несли огромную ответственность, неизменно подкрепляемую всеми возможными, часто чрезвычайными правами.

В марте 1921 года к Ленину поступает письмо от Петерса о составе Туркестанского бюро ЦК РКП(б), он просит заменить его заболевшего председателя Г. Я. Сокольникова. Письмо Ленин направляет членам Политбюро, секретарю ЦК партии В. М. Молотову. В Москве останавливаются на кандидатуре Я. Э. Рудзутака. Однако известно, что и Рудзутак не железного здоровья. Потом это всплывает в ленинских письмах: «Рудзутак? Чем он не работник? «Физически изношен»? Найдите-ка у нас не

изношенных». Действительно, «изношенными» были почти все — и Сокольников, и Рудзутак, и Петерс.

29 марта 1921 года СНК утверждает Рудзутака председателем Турккомиссии, а Петерса, Тюрякулова и Шахновского ее членами. На следующий день, как уже было заведено, Ленин подписал соответствующие удостоверения.

Но ни мандаты, подписанные самим Лениным, ни понимание ответственности, ни права, как бы они ни были емкими и широкими, не спасали людей от ошибок, проявлявшейся порой медлительности, разногласий, а то и столкновений друг с другом, иногда от потери чувства «архиважности» проблем в Туркестане. Не избежали этого и в ташкентской коммуне. Не щадя друг друга, в коллизиях и расхождениях добывали золотые зерна правды, истины, тем самым укрепляли понятия и чувства о справедливости. Ибо не по прямой, проторенной дороге шли они в революционных преобразованиях жизни.

Возникли разногласия между М. П. Томским и членом Туркбюро Г. И. Сафаровым. Эти столкновения, как сообщали в ЦК из Ташкента, приводят к разжиганию вражды между русским и местным населением, между отдельными национальностями. Ленин, разумеется, очень встревожен разногласиями и их возможными последствиями. В Туркестан посылается А. А. Иоффе, которого назначают председателем Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана и Туркбюро ЦК РКП(б).

В один и тот же день, 7 августа 1921 года, Ленин пишет письма и Томскому, и Сафарову. В письмах были мысли, советы, требования:

«...3) безусловно *новая экономическая политика* (X съезд, конференция V.1921 и т. д.);

4) непременно мусульманские *комбеды* и

5) внимательное, осторожное, с рядом уступок по отношению к *мусульманской бедноте*.

Можно и должно сочетать и *закрепить* линию муд-

рую, осторожную, соблюдающую интересы нашей «мировой политики» на *всем Востоке*».

В споры, дискуссии, столкновения еще активнее включается Петерс. У Ленина создается мнение, что Петерс занимает сторону Томского, но Ильич не торопится еще делать никаких определенных выводов до получения материалов комиссии Иоффе.

В день принятия решения Политбюро Ленин пишет длинное письмо Иоффе:

«13.IX.1921 г.

тов. Иоффе!

Сегодняшнее решение Политбюро, как видите (я его прилагаю), в громадной степени удовлетворяет Вашу депешу от 9/IX.

Очень прошу Вас прислать письменный доклад пообстоятельнее.

Кроме того, от себя лично, *чтобы разобраться в вопросе* хорошенечко, просил бы особое внимание уделить (в Вашем докладе или в особом дополнении к докладу) вопросу защиты интересов туземцев против «русских» (великорусских или колонизаторских) преувеличений.

Отношение туземцев к Сафарову? Факты, факты и факты. Сами туземцы (сторонники Сафарова)? Имена? Стаж? Авторитет? (Факты, факты...)

Сумеют отстоять себя? Наверняка? И против такого ловкого и твердого и упрямого человека, как Томский?»

Ленин снова и снова повторяет: факты, факты — относительно хлопка, басмачества, взаимоотношений с местным населением, требует конкретности, ибо хорошо знает, сколько бюрократизма и неисполнительности, формальных отписок встречается и в работе, и в партаппарате. Доходит в письме до Петерса.

«...Очень важно информировать точнее.

Я лично очень подозреваю «линию Томского» (может быть, вернее, линию Петерса? или линию Правдина¹?

---

¹ Правдин А. Г.— в то время заместитель наркома внутренних дел.

и т. под.) в великорусском шовинизме или, правильное, в уклоне в эту сторону».

Ленин знает и Томского, и Петерса, их прямоту, силу, напористость — такие качества, которые могут там, где требуются особые тонкости, завести в сторону... Поэтому ничьи и никакие прежние заслуги не брались во внимание, главное было — выработать правильную политическую линию в Туркестане, поправить, если это необходимо, ошибающихся руководителей, поступить строже, поставить на другое место или вообще отстранить. В партии должна быть одна генеральная линия, никакие другие «линии» недопустимы — ни Томского, ни Петерса, ни Правдина.

Петерс направляет новое письмо, Ленин с ним знакомится: Екаб полагает, что Сафаров допускает нарушения в проведении национальной политики в Туркестане и просит отозвать Сафарова. Ленин направляет письмо Молотову с пометкой: «Вернуть!» и поручает ему же подготовить «материалы обеих сторон». Вопрос серьезен, и 23 сентября Ленин пишет письмо Молотову (пока не разысканное), вероятно касающееся и Петерса, ибо в журнале исходящих документов имеется запись: «Закрытый конверт Молотову (вернуть письма Томского и Петерса)».

Заседание Политбюро состоится 14 октября, но еще 12 октября Ленин высказывается «за освобождение председателя комиссии ВЦИК по делам Туркестана М. П. Томского от работы в Туркестане».

Мы не располагаем материалом о том заседании Политбюро ЦК РКП(б), но знаем, что на нем был определен новый состав Туркбюро и Турккомиссии и были намечены основные задачи партийной и советской работы в этом экономически, политически и национально сложном советском крае.

Можно полагать, что на Политбюро шел разговор и о том, чтобы отозвать Петерса, хотя мотивы в этом случае должны были быть совсем другие, ибо никакой осо-

бой «линии Петерса» не обнаружилось. Петерс, глубоко осознавая важность правильной национальной политики Советской власти в Туркестане, был тверд в реализации этой политики. Ленин и другие члены Политбюро наверняка читали статью Петерса «Восток и Советская Россия», напечатанную в «Известиях ВЦИК» за каких-нибудь два месяца до заседания Политбюро, в которой со всей ясностью обнаруживаются взгляды Петерса на «горячие точки» Туркестана. О том же говорило и декабрьское (1920 г.) письмо Петерса ко всем чекистам Туркестана. В нем, заостряя внимание на недопущении какого-либо великодержавного шовинизма, он писал относительно приезжих работников: «ЦК РКП присылает не одну сотню работников из Москвы, которых ЦК КПТ направляет на места и которые горят желанием работать. Но задачи приезжих товарищей не должны сводиться к генеральствованию, ...а к помощи этому населению изжить невежество, выбраться из той ямы мглы и суеверий, в которой его держал капиталистический мир».

Статья Петерса и его письмо были великолепным примером понимания, без преувеличения скажем, существа ленинской национальной политики на Востоке, в частности в Туркестане. В его практических делах тоже не обнаружилось существенных недостатков и отклонений от партийной линии. Ему в острый момент политических столкновений удалось заручиться поддержкой основного ядра партийцев, что свидетельствовало о знании дел и способности защитить свои позиции. В то время, когда некоторых отзывали из Ташкента, Политбюро оставляло Петерса «на виду» в лучшем смысле этого слова: чтобы продолжать свою полезную деятельность во имя Советской власти и свободы людей Востока.

Менее чем через месяц после разбора дела по Ташкенту потребовалось укрепить политические отделы на железнодорожном транспорте. Ленин обменивается об этом мнением с Дзержинским в Народном комиссариате путей

сообщения и пишет 9 ноября 1921 года: «Политотдел (НКПС) мы (с. об.) сейчас постановили усилить (вероятно, Петерс войдет)». Но тогда Петерс остался в Ташкенте.

И все же, была ли «линия Петерса»? Со всей определенностью ответим: была! Это линия «чернорабочего революции». Линия партии, Ленина. Самая трудная, ибо это линия правды, пролетарской и человеческой справедливости. И за нее надо бороться, надо платить иногда самой дорогой ценой — жизнью.

Антонина Захаровна Петерс вспоминала: «В Ташкенте у Екаба Христофоровича была трудная, напряженная работа... Ему приходилось находиться на работе до поздней ночи или неделями практически не покидать седла лошади. Нервы были предельно напряжены, и он бывал вспыльчив, порой и несправедлив с сотрудниками, зато и себя не щадил».

В эти дни Петерс практически не бывал ни дома, ни в своем служебном кабинете. И когда он успевал спать, никто не знал. Его видели то там, то здесь в натянутой кожаной фуражке, замечали суровое выражение донельзя усталого лица, хрипотцу в голосе, надорванном постоянными разговорами, выступлениями.

ВРЕМЯ ТОРОПИТ

Антонина родила сына.

Петерса в тот день не было в Ташкенте; он кочевал, мотался по старым караванным дорогам, тяжело ступал по барханам, ощущая на зубах неприятный скрип.

Вернувшись, Екаб узнал радостное известие. Когда увидел Антонину, удивился: материнство сделало ее еще красивей, еще родней. Он уже не мог точно сказать, с какого момента общих дней любил ее, свою жену, так, как это чувствовал в этот незабываемый час...

Пришла радиограмма — Петерса отзывали в центр!

Известие не удивило, хотя он меньше всего ожидал получить его теперь. Истекало полтора года работы Петерса в Туркестанской республике. Он так втянулся в свои далеко не легкие и столь многообразные дела, так сработался с друзьями и товарищами — Абдуллой Ярмухамедовым, секретарем Полисом, следователем Юденичем и, конечно, Яном Рудзутаком, одним из умнейших людей в РКП(б), с ним Петерсы жили в ташкентской «коммуне».

Он по привычке не стал подводить какие-то «свои» итоги последних полутора лет. Но один личный итог все же запрашивался: в Ташкент он приехал без семьи, уезжал семейным человеком. У него была жена, любимый сын Игорек. Огорчало лишь, что судьба почти наверняка оторвала от него дочь Мэй.

В феврале 1922 года оба Чрезвычайных комиссара — Екаб и Антонина — втиснулись в поезд на Москву. Вещей с ними не было практически никаких, лишь то, что на них самих, да пеленки сына и теплая овечья шкура, чтобы не застудить малыша.

Быстро заматаются следы в песках, но пройди там добрый человек — его не забудут, свежим ветром разнесутся его слова, чтобы жизнь могла стать лучше, а сухое солнце не так жгло. В истории Туркестана Петерс останется навсегда. Пройдут десятилетия, а в книгах будут справедливо писать: «Ореолом заслуженной славы отмечены имена первых чекистов края — Я. Х. Петерса, Г. И. Бокия, И. П. Фоменко, А. Бабаджанова, Д. Устабаева, Х. Хусанбаева...»

В Москве «Чрезвычайка» реорганизовывалась в Государственное политическое управление (ГПУ). Созданная в экстраординарных обстоятельствах, ВЧК теперь, когда Республика выходила из гражданской войны и жизнь властно требовала решения созидательных задач, завоеванных оружием, героизмом народа, правдивым партийным словом, нуждалась в переменах, в приспособлении к новому времени; не все это понимали. Возникали и вопросы о буду-

щем и изменениях работы ГПУ, разгорались споры, посещали сомнения. Петерс, например, считал, что ликвидация ВЧК несвоевременна, но хотел все же свои мысли проверить. С кем же серьезно поделиться соображениями?

И Петерс пишет письмо Ленину. Пишет о беспорядках на железной дороге, в чем он еще раз убедился на утомительном пути из Ташкента; о торговле, кооперации, советских учреждениях, взяточничестве. Справится ли со всем этим новая организация? Пишет откровенно, переполненный тем, что хорошо знал. Петерс просил Владимира Ильича принять его.

Ленин весь февраль жил под Москвой в совхозе близ деревни Костино, вынужденный считаться с состоянием своего здоровья. Прочитав письмо Петерса, он ответил на него не откладывая:

«Тов. Петерс. От свидания должен, к сожалению, по болезни отказаться». Ленин не оспаривал картин беспорядков, нарисованных Петерсом, хорошо зная, что происходит на самом деле. Он недавно во многом убедился лично, ознакомился, в частности, с состоянием автодрезин ВЧК. Увиденное так его поразило, что немедленно было написано письмо шифром лично И. С. Уншлихту в ВЧК и В. В. Фомину в НКПС: «Состояние, в котором я нашел автодрезины, хуже худого. Беспорядок, полуразрушение (раскрыли очень многое!), беспорядок полнейший, горячее, видимо, раскрадено, керосин с водой, работа двигателя невыносимо плохая, остановки в пути ежеминутны, движение из рук вон плохо, на станциях простой, неосведомленность начальников станций, видимо, понятия не имеют, что автодрезины ВЧК должны быть на положении особых литер, двигаться с максимальной быстротой не в смысле быстроты хода — машины эти, видимо, «советские», т. е. очень плохие, — а в смысле минимума простоя и проволочек, с *военной аккуратностью*, хаос, разгильдяйство, позор сплошной. К счастью, я, будучи инкогнито в дрезине, мог слышать и слышал откоро-

венные, правдивые (а не казенно-сладенькие и лживые) рассказы служащих, а из этих рассказов видел, что это не случай, а вся организация такая же неслыханно позорная, развал и безрукость полнейшие.

...Могу себе представить, что же делается вообще в НКПС! Развал, должно быть, там невероятный».

Ленин дал понять Петерсу, что в данный момент речь идет не о знакомой и печальной картине «советских порядков» и не об ослаблении борьбы с ними, а о том, что создание ГПУ отражает необходимость нового взгляда на вещи. В прежних, военных условиях боевыми организациями являлись главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь, Ленин полагает, вперед надо выдвинуть Наркомюст, то есть повседневную, самоотверженную работу по соблюдению социалистической законности и защите прав трудящихся, а не карательную деятельность против контрреволюции, хотя и о ней забывать нельзя, несмотря на то что она потерпела поражение в открытом военном столкновении.

«Со взяткой и пр. и т. п. Государственное политическое управление может и должно бороться и карать расстрелом по суду. ГПУ должно войти в соглашение с Наркомюстом, и через Политбюро провести соответствующую директиву и Наркомюсту и всем органам.

1 марта 1922 г.

С ком. приветом Ленин».

Ленинская логика и ход мысли рассеяли сомнения Петерса. С еще большей энергией он взялся за работу в новой организации в Москве, став членом коллегии и начальником Восточного отдела ГПУ. А когда в декабре 1922 года отмечалось пятилетие ВЧК — ГПУ и войска ГПУ вышли на Красную площадь показать свою выучку и дисциплину, то Петерс, принимавший с Дзержинским, Уншлихтом, Коном, Енукидзе парад, искренне выражал свою гордость за прошлое и настоящее корпуса рыцарей революции.

По этому поводу Петерс написал статью, где говори-

лось: «Отмечая пятилетие ВЧК и подводя итоги результатам его работы, мы тем самым отмечаем целую эпоху Советской власти в борьбе за ее существование — эпоху, когда изолированная со всех сторон от внешнего мира, в обстановке блокады и интервенции международной контрреволюции, в обстановке лихорадочной работы агентов контрреволюции Советская власть вела борьбу не на жизнь, а на смерть». И еще одна отчетливо прозвучавшая нота: «История никогда бы не простила русскому рабочему... нам пришлось бы краснеть перед историей, если бы мы в тяжелый момент борьбы недостаточно оценили силы врага и не били бы его так, чтобы победить».

Перейдя к задачам ГПУ сегодняшнего дня, Петерс сделал важный вывод: «Несмотря на всю мирную обстановку, задачи перед ГПУ стоят колоссальные. Учесть психологию врага сейчас гораздо труднее, и борьба сложнее, чем тогда, когда мы на удар отвечали ударом». Он особо выделил мысль, что сила чекистов — в служении народу и его поддержке, что надо сделать все, «чтобы ГПУ пользовалось той же поддержкой трудящихся, как и ВЧК».

Да, разгадать психологию врага стало труднее. Вместо лобовой атаки враги перешли к попыткам взорвать Советскую власть изнутри, направить ее на путь «мирного разложения».

...Долго готовится Сидней Рейли к новой операции в большевизировавшейся России, веря, что он все в ней перевернет, изменит. Только бы вползти в нее, закрепиться там. Он сказал на заре Советской власти, что «совдеповцам понадобится минимум пять лет, чтобы освоить азбуку тайной войны». И хотя не любил вспоминать, что через пять месяцев после произнесенных им слов ему пришлось бежать от настойчивых парней ВЧК, но понимал, что чекисты — опасный и достойный противник.

Однако выводы из всего, похоже, делал нереалистичные. Впитывал как губка все, что узнавал от мастеров тайной смертельной игры, из опыта непрекращающейся

борьбы против Советской Республики. Был приближен к Черчиллю, никогда не скрывавшего ненависти к Советам. Оказывал услуги разведке Деникина. Вечерами в Лондоне Рейли предавался чтению биографии Наполеона. Собирал все, что мог, узнать о ГПУ. Наконец принял решение — пора перенести поле боя на территорию врага, тайком пробраться в «Совдепию».

Энергично помогают Рейли скрытые единомышленники в России (только после тонкой проверки он доверится им). Они отыскивали щели на границе, обезопасили Рейли при переходе в СССР. Граница позади, и Рейли уже открыто, как простой «совдеповец», едет в глубь России. «Возродится она, Россия, потому что все лучшее стремится к этому», — думает он и с внутренним пафосом причисляет к «лучшим» и себя!

Наконец он прибывает на явку. Все происходит продуманно, как и обговорено еще на Западе. Он входит в малоприметный дом, обменивается паролями, заходит в комнату, где его ждут. Еще раз обмен паролями. Его приветствуют двое. Он их рассматривает — цепко, словно просвечивает невидимыми лучами.

— Что вы так смотрите на нас? — говорит один.

— Нет, я ничего... — спокойно произносит Рейли.

Рейли все же удивлен, очень удивлен, и оттого мысли в голове понеслись нервными молниями. Как-то смущенно оглядывается — кто же эти двое? Он вроде бы их и знает! Неужели? Нет, не может быть! Но (о ужас!) это так! Внутренне холодеет, он понимает — это конец!

Эти двое были Ф. Дзержинский и Е. Петерс... А те, что прибыли с Рейли с самой границы («единомышленники»), — разведчики ОГПУ.

Рейли потом пускает в ход свое последнее оружие (вдруг срабатывает!) — предлагает ОГПУ обменять свою жизнь на секреты Интеллидженс Сервис. Но иллюзии рушатся. Суд еще в 1918 году приговорил его, «мастера тайной войны», к расстрелу. Чекисты положили враж-

дебной СССР деятельности Рейли (он же Константин, Массино, Бергман, «сэр Рейз») суровый, но закономерный конец.

...В какой-то чудесный день приехала малышка Мэй. Представилась, как это в обычаях Англии, мисс Мэй, но ее сразу же стали называть Маечка. Она запрыгала и захлопала в ладоши: так понравилось ей новое имя да и то, что у нее отныне будет два имени, как у девочек из семей в Альбионе... Малышка Мэй впервые увидела и своего братика. Игорек по малолетству своему только лепетал, приводя в восторг сестричку. Маечка была хорошая заводила, и детям московского двора, новым ее друзьям, очень нравился Маечкин акцент. Потом мисс Мэй уехала, чтобы позже снова навестить Москву, отца.

К детям у Петерса были какие-то особо теплые чувства. Может быть, от того, что и по службе они стали частью его дела, его сердца. ГПУ продолжало начатую ВЧК беспрецедентную — иного слова не найти — эпопею по борьбе с беспризорностью. Спасены были миллионы несчастных, голодных, оборванных детей, которыми кишели города, порты, железнодорожные станции, особенно на благодатном юге. Их извлекали из котельных, брошенных вагонов, подвалов, чердаков, находили в открытых полях и степях, где их жизнь была похожа на судьбу перекасти-поля, гонимого ветром без цели и смысла... В результате они начинали и входили затем в новую, достойную человека жизнь!

Вспоминает Антонина Петерс: «Он неизбежно любил детей, не только своих, дочку Маечку от первого брака... и нашего сына Игорька. Он очень тяжело переживал страдания беспризорных детей в голодные годы. С какой душевной щедростью и энергией он вместе с Дзержинским боролся с детской беспризорностью. Советское государство даже в самое трудное время не жалело никаких средств для улучшения жизни детей, но... ведь много еще оставалось людей, не брезгающих поживиться на детском горе,

и поэтому у чекистов была и здесь большая работа. Они участвовали в организации детских домов, санаториев, больниц, боролись с хищениями, снабжали детские учреждения топливом, следили, чтобы отпущенное продовольствие попадало непосредственно детям...»

Все более опытным и удачливым, поистине мудрым становился Петерс на своей службе, в решении больших задач страны. Конечно, не всегда легко было на пути к цели, трудности порой ожесточали, не раз охватывала смертельная усталость, что-то не удавалось, но он умел вырваться из клещей слабости.

В партии Петерса любили, очень ценили. В конце 1920 года, когда Петерс еще работал в Ташкенте, на VIII Всероссийском съезде Советов его избрали членом ВЦИК. На XII съезде партии в 1923 году он был делегатом с решающим голосом, вошел в состав Центральной контрольной комиссии (ЦКК). Избирается он и делегатом на XIII и XIV съезды партии, на обоих съездах он выдвигается в состав ЦКК.

На XIV съезде партии группа латышей-делегатов собралась сфотографироваться на память. Пригласили Сталина, он сел в центре с трубкой в руке. Слева от него были Я. Рудзутак, чуть дальше усач Я. Фабрициус. Справа, рядом со Сталиным, Е. Петерс. Он по-прежнему входил в коллегия ОGPU, избирался в состав ЦКК на XV и XVI съездах ВКП(б). Вроде бы сухой справочный перечень, но как много он говорит о действительной любви в партии к Петерсу, о его авторитете и заслугах перед ней и Советской Республикой!

Когда к десятилетию ВЧК — GPU отмечали «старых» чекистов (а они были, как правило, все еще так молоды!), то Петерса наградили орденом Красного Знамени «за активную борьбу с контрреволюцией». Говорили, правда, что награда запоздала, но ведь так всегда с истинными наградами — они, как правило, приходят позже, бывает, слишком поздно, но приходят обязательно!

Своеобразной наградой, совсем неожиданной, стала книга Луизы Брайант «Зеркала Москвы», опубликованная в Америке. Такая книга Екабу в радость, как свежий порыв чувства, она вызвала поток воспоминаний. Книга эта малоизвестна даже исследователям жизни Петерса, но она стала памятником дружбы лучших людей Америки и России, а жаль, что о памятниках в наше, порой слишком устремленное только вперед, время иногда и забывают.

Крупинки особого блеска из «Зеркал» — рассказы о встречах Брайант с Лениным — заняли достойное место в хрестоматиях Ленинианы. Страницы, посвященные Петерсу, наряду с тем, что написал Альберт Рис Вильямс, — лучшее из всего о Петерсе.

Интересные штрихи к портрету Петерса дал и Хермод Ланнунг¹. Это он, тогда молодой секретарь датского посольства, после штурма Зимнего дворца, утром, был на площади... События в России потрясли Хермода. Он с готовностью берется представлять в России датский Красный Крест. Еще почти два года он проведет в красной России, выучит досконально русский язык. В 1922 году снова приедет в Россию — комиссаром миссии Нансена по оказанию помощи голодающим. Ланнунг напишет: «В Москве, будучи представителем Красного Креста, я встречался с Дзержинским и его заместителем Петерсом. Понимаю, насколько ответственные задачи приходилось решать их учреждению. Могу сказать одно — с Петерсом легко было разговаривать, он был очень приятный человек». И добавит в другом месте: «Как и другие западные представители, мы в основном решали все вопросы с Петерсом. Вообще ему очень был свойствен деловой подход к проблемам».

---

¹ Датский адвокат, почетный член правления радикальной партии, почетный доктор МГУ, в течение 13 лет возглавлял общество «Дания — СССР» (старейшее из подобных ему).

В то время как враги продолжали слать проклятия и чернить Петерса словами изощренных ругательств, А. Р. Вильямс, Луиза Брайант, Х. Ланнунг сказали о нем слова правды, воздали ему дань справедливости. Поведали, чем их потряс этот необыкновенный человек — Екаб Петерс.

Шло время, выдвигались все новые задачи и проблемы. Вся сила, весь пафос выступления Петерса на XVI съезде партии (1930 г.) были вложены в этой речи в одно, самое главное, что беспокоило и мучило тогда: «Товарищи, я хочу остановиться исключительно на вопросах борьбы с бюрократизмом». Он не раз думал о том, какой страшной тормозящей силой впился бюрократизм в организм социалистического строительства. Многие организации и учреждения превратились в некие чудовища громадных бумажных машин, где имеется бесчисленное множество ненужных и ничего не делающих людей, где при помощи колоссальных штатов пожирается масса советских средств, и все эти многоголовые фабрики «взаимных прений и трений», как их многие называли, нарушают ход социалистического строительства, подрывают энергию революционной борьбы. Екаб разделял мнение тех, кто считал: если бы в противовес этим бумажным машинам и бюрократам не стоял единый, строго организованный и проникнутый творчеством партийный аппарат, то все упомянутые дефекты привели бы давно к нашей гибели.

Петерс говорил на съезде: «Борьба с бюрократизмом и за улучшение нашего соваппарата — есть борьба длительная, серьезная», для этой борьбы необходимо «мобилизовать широчайшие массы трудящихся, мобилизовать внимание всей нашей партии». Напоминал слова Ильича: «...без систематического улучшения аппарата мы бы погибли». Говорил о засоренности аппарата, об оторванности от производства многих инженеров-специалистов, в нем работающих, приводил слова одного инженера: «Что я буду делать на производстве — я в жизни не работал на произ-

водстве, я не знаю производства!» И комментировал их: «Вот такие инженеры сидят в центральном аппарате, они планируют, они дают производственные задания заводу и фабрике, они составляют планы оборудования, типы машин и все, что угодно, а производства не знают. От мировой техники они отстали на пушечный выстрел». Петерс предлагал радикально изменить эту ситуацию. Как своевременны и актуальны и сегодня эти его мысли и сообщения!

Он говорил и о недопустимости такого положения, когда молодые советские специалисты, окончившие вузы и втузы, работают затем в качестве стажеров и не могут закрепиться в аппарате, ибо там места заняты людьми старого мира, часто и не разбирающимися в деле.

Важнейшей мерой улучшения работы Петерс считал «надзор рабочих масс в аппарате». Предлагал шире привлекать рабочих к этому важнейшему делу: «Тут можно привлечь рабочих, они и привлекаются десятками и сотнями. Я думаю, что на выдвижении и привлечении рабочих к дальнейшей работе по улучшению госаппарата съезд должен зафиксировать внимание партии и всего рабочего класса. Только тогда у нас будет гарантия, что соваппарат... будет мобилизовывать все средства, все возможности для ускорения темпов нашего строительства, для проведения генеральной линии партии».

На съезде Петерс был избран в комиссию по отчету ЦКК и в новый состав ЦКК. С 1930 по 1933 год он в руководстве крупнейшей организации страны: член МК ВКП(б), член Президиума МКК, председатель МКК. С 1934 года член КПК при ЦК ВКП(б) — Комиссии партконтроля, член МК ВКП(б). По-прежнему занимает высокие посты и пользуется большим авторитетом.

Но трагическая несправедливость надвигалась неумолимо и, как тогда казалось, необъяснимо...

В декабре 1937 года его исключили из партии.

ПАМЯТИ ДОЖДИ

Удар был настолько ошеломляющий, что Петерс, придя домой, долго не мог собраться с мыслями. Страшная несправедливость случившегося подавляла волю, притупляла чувства, лишь обрывки воспоминаний о пережитом пронесли в сознании.

...Когда умер Владимир Ильич, Екаб не находил места. В каком-то нервном напряжении он заговорил с Антониной, заикаясь (он никогда не заикался), стал объяснять ей — как он хотел бы умереть вместо такого великого и такого простого человека! Стояли сильные морозы, на улицах Москвы жгли костры, люди протягивали ладони к пламени. Екаб закутал малыша Игорька в овечью шубу, привезенную из Ташкента, и понес сына к дому Советов, прощаться с Лениным. Рядом спешила, взволнованная, укутанная в шаль Антонина.

...В разорванных бликах воспоминаний появились Маечка и Игорек. Екаб приходил с работы утомленный, молчал, что-то переживал. Потом начинал играть с детьми, разучивал с ними полюбившиеся стихи:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!

Ему нравилось, когда из лермонтовского «Узника» Игорек или Маечка со своим смешным акцентом могли повторить за ним несколько строчек, с выражением и со смыслом.

Вечером в тот горький день Петерсу позвонил Андрей Васильевич Хрулев, человек прямой, бескомпромиссный, смелый (в те годы работник центрального аппарата Наркомата обороны, в Великую Отечественную генерал, начальник тыла Красной Армии, нарком путей сообщения).

Хрулев в тот момент, вероятно, еще не знал, не догадывался, что наступило время перевеса в решении судеб многих людей необоснованным подозрениям, клеветы, а с ними — массовых репрессий, злоупотреблений властью, а порой и преступлений Сталина и его окружения. Хрулев пробовал, было, что-то сделать, но ничего не достиг. Да, позвонил бы, конечно, Ян Рудзутак, сказал бы нужные слова, наверняка вмешался, но он уже был объявлен «врагом народа».

Екаба Петерса арестовали в декабре 1937 года. Трагедия человека, трагедия революционера, двадцать лет тому назад, тоже в декабре, пришедшего по рекомендации Ленина в ВЧК, куда отбирали самых преданных и храбрейших. Уходя из жизни, он твердо, несмотря ни на что, верил в партию, в то, что справедливость будет восстановлена, что его честное имя будут с благодарностью повторять потомки.

* * *

...Ничто не исчезает бесследно. Петерса помнили всегда, помнили упрямо, хранили подспудно память о величии его жизненного подвига. Только многие годы имя его произносили тихо. Время и сила справедливости встали на защиту человека, носившего партийный билет за номером 000107.

...Интересы у Петерса были разнообразны, он был живым, доступным. Ходил с рыбаками на реку, тащил с собой удочки. Любил лес, особенно в утренние часы.

...Судьба назначила Антонине Захаровне Петерс долгую жизнь. Она все помнила и много рассказала о Екабе.

В душе Петерс был романтиком, душа тянулась к поэзии. Его волновал народный поэт, певец революции Ян Райнис. Он знал много его стихов, часто читал их дома наизусть, рассказывал Антонине и детям о герое латышского эпоса Лачплесисе...

Петерс любил произведения Максима Горького. Был лично знаком с писателем, зачитывался его «Итальянскими сказками», часто возвышенно повторял: «Безумству храбрых поем мы песню».

Только стали появляться первые радиоприемники, Петерс приобрел это чудо. Чудо тогда было несовершенным, приходилось часто возить на завод, исправлять какие-то неполадки. Но хлопоты не утомляли — ведь можно было по радио слушать концерты. В оперу ходили при первой же возможности. Петерс очень любил Верди, Чайковского, Баха, Моцарта.

Был неравнодушен и к живописи, и особенно с тех пор, как Ян Эрнестович Рудзутак в 30-е годы стал учиться у известных художников, и те признали в нем немалый талант. Петерс приходил смотреть картины Я. Рудзутака и тогда познакомился с А. Герасимовым, Бельницким-Бируля и другими художниками. Он часто бывал на различных выставках.

Разносторонность интересов активных участников революции заметил А. Р. Вильямс, проживший в нашей стране в общей сложности около десяти лет и не раз бывавший у Петерсов. Американец часто повторял: «Русские большевики были людьми высокой культуры».

Грозный чекист, суровый борец-ленинец, среди близких и друзей Екаб был скромным человеком, открытым, не лишенным юмора. Собираясь на охоту, с серьезным видом говорил:

- Приготовьте побольше соли!..
- Зачем?
- Нужна — зайцам сыпать на хвост!..

Больше всех шутке смеялся Игорек.

...Дети росли. После трагической смерти отца им было не легко. Вдумчивый и серьезный Игорь все же выучился на архитектора. Мэй (обычно жила в Лондоне с матерью) все сильнее тянулась в Россию. Отец навсегда

остался для нее загадкой, как и страна, которой он так верно служил...

* * *

Мало, все же очень мало мы знаем о Екабе Петерсе, поэтому-то, наверное, столько легенд окружает его жизнь. Вот одна из них: Петерс воевал в Испании, погиб уже в Великую Отечественную. Легенда? Но она питается фактами. Да, в Испании боролся Петерс, а генерал-майор с такой же фамилией командовал ордена Суворова и ордена Красного Знамени 5-й стрелковой дивизией в Отечественную войну, бойцы которой говорили:

— У нас командир что надо. Настоящий гвардеец!..

Генерал-майор Петерс кончил Отечественную войну в звании Героя Советского Союза.

Петерс? Могло ли это быть? Ответим так: могло. Только скажем: этот генерал Петерс — младший брат Екаба Петерса, Гунар.

И низкий поклон тебе, мой народ, за то, что так мудро бережешь свою память, складывая и пестуя легенды и незамысловатые сказы о любимых тобой героях. А память народная будит сознание, требует вспоминать и говорить о Екабе Петерсе. И вот мы, пионеры рижской 70-й средней школы и автор этой книги, ходим по разным домам и библиотекам, листаем книги, пишем письма — вдруг кто-то отзовется, расскажет что-то новое о Петерсе.

Вот одна вырезка из газеты за февраль девятнадцатого года. Читаем: «Мужик в глухой провинции знает, что существует Советская власть; слышал о коммунистах и коммунизме; он знает, что Сидоров или Петров — коммунисты, и по этим лицам он судит, хороша или плоха Советская власть и Коммунистическая партия. Если Сидоров — преданный, самоотверженный работник, значит, Советская власть хороша, а если Петров безобразничает, если он предоставляет коммунистам особые привилегии — Советская власть плоха и коммунизм плохой». Это слова из

статьи Петерса. Начисто лишенный тщеславия, он хранил ее не для себя. А главное — он жил в согласии со сказанным. Оставил статью для своих детей? Возможно. А может быть, и для нас с вами?

...В районном центре Кулдига, в Латвии, на родине «чернорабочего революции», скромная улочка:

J. Petersa iela ул. Я. Петерса

Улочка выводит на улицу Ленина.

Недалеко от районного центра, в селении Никраце (бывшем волостном центре), заложен камень, освященный памятью этого человека. Вокруг — леса Курземе со сплетенными в земле корнями могучих сосен и елей. Над лесами — пронзительно голубое небо. Живое и вечное.

Есть улица Петерса в Риге, есть и в Ташкенте. В Риге, в парке Коммунаров стоит высеченный из гранита бюст Е. Петерса.

На доме в Москве по улице Серафимовича прикреплена мемориальная доска. Здесь в 30-е годы жил Петерс.

Поставят Петерсу и памятник, чтобы помнили о его мужестве, бесстрашии, чистой революционной морали.

К нему, как ни к кому другому, подходят слова Александра Блока: «Жизнь, соединенная с легендой, есть уже «житие». Но не святого, не иконы, а живого человека, настоящего рыцаря революции.

СОДЕРЖАНИЕ

МЯТЕЖНЫЙ ЛОРД	3	ПЕТРОГРАД. БЕЛЫЕ НОЧИ	
ВОССТАВШИЙ НАРОД	13	ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИССАРА	126
РЕВОЛЮЦИЯ НЕОБЫЧАЙНОЙ		«...РАБОТНИК КРУПНЫЙ И	
СМЕЛОСТИ. ВСЕРОССИЙ-		ПРЕДАННЕЙШИЙ...»	145
СКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ	20	ПЕТЕРС УМИРАЛ ОТ	
МОЖНО ЛИ РЕВОЛЮЦИЮ ДЕ-		ТИФА... 158	
ЛАТЬ ДЕЛИКАТНО?	38	ДВА КОМИССАРА И ЛУИЗА	
ЯДОВИТЫЕ ЗМЕИ	51	БРАЙАНТ	164
БРОСОК ЗМЕИ	70	ДОКУМЕНТЫ, ДОКУМЕНТЫ...	
В «ЗАТОЧЕНИИ КРЕМЛЯ» (И		«ЛИНИЯ ПЕТЕРСА»	186
О БУРИДАНОВОМ ОСЛЕ)	81	ВРЕМЯ ТОРОПИТ	191
БУДНИ. I	96	ПАМЯТИ ДОЖДИ	202
БУДНИ. II	112		

Валентин Августович
Штейнберг

ЕКАБ ПЕТЕРС

ИБ № 7249

Сдано в набор 13.05.88. Подписано в
печать 02.11.88. А 00153. Формат
70×108¹/₃₂. Бумага книжно-журналь-
ная офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,45.
Усл. кр.-отт. 10,34. Уч.-изд. л. 10,60.
Тираж 200 000 экз. Заказ № 3814.
Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва,
А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный
пролетарий». 103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *В. В. Шабалкин*
Художник *А. А. Брантман*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

На 4-й странице обложки памятная надпись
на камне в честь Е. Петерса

В Петрограде. 1919 г.

ПОЛИТИЗДАТ

В серии «Герои Советской Родины» выходят очерки о лучших людях нашей страны — профессиональных революционерах, старых большевиках — соратниках В. И. Ленина, героях гражданской и Великой Отечественной войн, героях труда — рабочих, колхозниках, ученых. Это люди разных поколений, но они едины в своей преданности делу революции, делу партии. Авторы книг — писатели и журналисты — рассказывают о людях и событиях. Книги этой серии рассчитаны на широкий круг читателей.

ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ